Z31
Борис
ГРОМОВ
СОЛДАТ
БЕЗ ЗНАМЕНИ

Annotation

Рано или поздно это должно было случиться. И случилось. Политики не сумели договориться и пустили в ход «последний довод королей». Вот только никто не учел, что сверхмощные «средства устрашения» способны уничтожить цивилизацию. Когда на землю упали первые боеголовки и дымные столбы потянулись к небу, привычный мир внезапно рухнул. Однако жизнь не исчезла с планеты. Многие выжили.

Александру Татаринову здорово повезло: он уцелел. К новым реалиям офицер спецназа МВД оказался готов куда лучше многих. Вот только выяснилось, что остаться в живых – это далеко не всё. Выживать на руинах не так уж сложно, куда труднее найти цель, ради которой имело бы смысл жить.

- Солдат без знамени
- Глава 2
- Глава 3
- Глава 4
- Глава 5
- Глава 6
- Глава 7
- Глава 8
- Глава 9
- Глава 10
- Глава 11
- Глоссарий

Солдат без знамени

Солдат без знамени

Солдат без знамени. Борис Громов на правах рукописи (с). Подмосковье, 2017 год.

2024-й.

М-да… Не густо… Указательным пальцем правой руки я погонял по сложенной «лодочкой» ладони левой оставшиеся патроны. Двенадцать штук. Двенадцать похожих на меня самого, таких же потрепанных жизнью, облезлых и потускневших, патронов 7Н10 калибра «пять – сорок пять». Почему «похожих на меня»? Да потому, что реально похожи! Такие же невзрачные на вид, но по прежнему смертоносные. И это вовсе не дешевые понты и не самовосхваление, это – констатация факта. Разве что мало их осталось… Меньше половины магазина.

Подкосила меня эта чертова пневмония, ой, как подкосила. Хорошо еще, что смог сквозь метель и пургу добраться до людей. А то ведь имелся более чем серьезный риск так и остаться до весны заледенелым трупом в сугробе. Оно, конечно, мертвому уже все равно, но от мысли о том, что мои глаза выклевали бы наглые вороны, а кости – растащили и обглодали неимоверно расплодившиеся за последние годы лисы и волки, а то и просто одичавшие собаки, тощие и облезлые, становилось как-то неуютно.

Однако – повезло. Практически ни черта не соображая от высокой температуры, буквально выплевывая легкие от разрывающего их сухого лающего кашля, с трудом втягивая внезапно сузившимся до размеров соломинки горлом жалкие крохи воздуха, я все же добрел до поселка. Второй раз повезло – поселок оказался пусть и живущий под здешним «князем», но с нормальным старостой, живущим по-людски. Пришедшего больного путника не придушили (чтоб не шибко потрепанную, вполне еще годную одежку и снаряжение кровью не запачкать) и не обобрали до исподнего, а впустили и приютили. Третье (и, пожалуй, самое крупное) везение заключалось в том, что в поселке был врач. Хороший врач. Древний как мамонт, седой, будто лунь и бородатый, словно Дед Мороз, мужик, образование получивший еще

во времена Советского Союза, и умевший лечить простуды и без всяких там «Фервексов», «Инговеринов» и прочих «Сумамедов».

Он-то мне жизнь и спас. Но, будем честными, и заработал на этом немало. А потом был еще период восстановления сил, крепко подорванных затяжной болезнью… В общем, если зимой пришел в поселок я пусть и полумертвым, но весьма состоятельным человеком, то покидал его по апрельскому теплу практически нищим бродягой. Из одежды – только то, что на мне сейчас: пусть и изрядно поношенная, но крепкая «горка» с флисовой подкладкой (приобретенная на рынке в Ханкале еще в четырнадцатом году), длиннополый брезентовый плащ-пыльник, сейчас свернутый в компактную скатку и висящий за спиной, да крепкие, пусть и не очень (и это еще мягко сказано) новые американские армейские ботинки на ногах. Из снаряжения – почти пустая сейчас РПС, набедренная кобура под давно оставшийся без боекомплекта ПММ, и пятикилограммовый «последний довод королей» в десантном ранце за плечами. Из жратвы – пригоршня сухарей в чистой тряпице и пластиковая банка с плотно завинчивающейся крышкой, примерно до половины наполненная солью. Кое-какие бытовые мелочи, вроде опасной бритвы, литровой пластиковой фляги для воды и складного ножа. И автомат. Правда, автомат отличный, ухоженный и дооборудованный коллиматорным прицелом и ПБС. Хорошим, многокамерным, не требующим сменных обтюраторов. Как-никак – рабочий инструмент охотника за головами, а не ржавая «бухалка», запрятанная над дверной притолокой в избе крестьянина, так, чисто на всякий случай, «шоб було». И аж целых двенадцать патронов… Денег нет совсем. Вот так вот… Гуляй, рванина, от рубля и выше…

Все остальное – давно отдано за услуги местного «айболита», кров и еду. Учитывая обстоятельства, отнеслись ко мне жители поселка более чем хорошо, но я все равно был для них чужаком. А потому – в долг мне верить никто и не подумал. Впрочем, как я уже говорил, могли и придушить беспомощного. К тому же, цену за мое имущество давали практически справедливую, почти и не нажившись на моем безвыходном положении. Так что – жаловаться не на что.

Но дела мои, все равно, обстоят, мягко говоря, чертовски плохо. Если бы не этот внезапный заказ – я уже всерьез подумывал о продаже

своей «карманной артиллерии» – противопехотной осколочной мины ОЗМ-72. Но – в очередной раз повезло.

Вообще-то в таких краях работы для ребят моей специальности становится все меньше. Крупные банды давно уже«легализовались», став этакими «княжьими дружинами» при новых «князьях» из числа самых толковых и удачливых вожаков и паханов, взявших на Вологодчине «под свою руку» обжитые людьми территории. На сколько сил хватило – столько и взяли. Границы давно установили, наиболее борзых и беспредельных конкурентов – или чисто физически «выпилили», или выдавили в малопригодные для жизни Пустоши. Теперь взятое под защиту оберегают (а попросту говоря – «крышуют» в лучших традициях давно ушедших в прошлое «лихих девяностых»). В меру своих сил и понимания вопроса поддерживают порядок, разбирают конфликты… Ну, и оброк собирают, как без этого? Для того, собственно, все и затевалось… Забить корову – дело не долгое, но на сколько хватит ее мяса? Доить – куда выгоднее. Такое вот «неофеодальное общество» образца две тысячи двадцать четвертого года от Рождества Христова… Ага, двадцать первый век на дворе, мать его…

Говорят – не везде так. Говорят, там, где власть взяли бывшие «силовики» - куда лучше. Возможно. Я сам в прошлом – тот самый «силовик» и в то, что все «стрельцы государевы» враз оскотинились и превратились в упырей, едва государственная власть рухнула – не верю. Опять же, кто чего стоит – отлично было видно сразу после ставших роковыми ядерных ударов, последовавших за ними природных катаклизмов, едва не смахнувших нас с планеты, будто засохшие крошки со стола и воцарившейся после этого анархии. Той самой, о которой от большого ума мечтали малолетние дурачки в интернетах. Вот только в реальности все выглядело куда как менее привлекательно.

И не их... а вернее - не наша вина была в том, что в здешних краях - зона на зоне и колонией погоняет. А вот армейцев и моих бывших коллег - наоборот, в самый важный момент - оказалось недостаточно. Но ведь не везде же так, чисто по теории вероятности должны были найтись места, где расклады были изначально совершенно иными, и сложилось все совершенно иначе. Даже в соседней с Вологодчиной Вятке – и то совсем иначе все вышло. Да, власть и там не совсем у

остатков государственных структур, но и «пиковых» там к ногтю взяли мгновенно. А тут – вот так.

Правда, сам в анклавах «силовиков», не бывал, а чужие бездоказательные россказни на веру принимать – не мальчик давно, как-никак четвертый десяток разменял. А идти проверять, как оно там на самом деле – не готов. Даже до болезни, со всем имевшимся тогда «подкожным жирком» - и то страшновато было. Пустоши между обжитыми анклавами – это вам не шутки, это натуральное «дикое поле». Или «индейская территория», тут уж кому как больше нравится. Где кроме беспредельных банд, выдавленных туда более сильными и удачливыми «коллегами по цеху», путника ждали руины разрушенных войной и стихией городов, пятна радиационного, химического, а порой – и биологического заражения и прочие прелести почти уничтоженного людьми мира…

Не, вы как хотите, а вот мне куда-то из относительно обжитых краев чисто ради интереса переться – вообще не в жилу. Я, вон, во вполне обитаемых местах чудом «боты не закусил», а чего там ждать? Да еще и в одиночку?

Так о чем это я? А, ну да, заказ… Обычно по поводу мелких банд, просочившихся из Пустошей, и начавших беспределить, просто сообщали местечковому «князю». И тот уже решал вопрос, посылая людей разобраться с незваными гостями. Сейчас же, как я понял из не слишком подробного рассказа поселкового старосты: дюжего угрюмого и не сильно любезного мужика, лет на десять меня старше, «князю» было не до мелких проблем маленького поселка. Сам он, с наиболее подготовленной частью своей бан… а, ну да, прошу прощения, своего отряда отбыл на какую-то крупную сходку таких же, как он, окрестных «князей». То ли войну они там кому-то объявлять коллективно собирались, то ли, совсем даже наоборот – мирить кого-то с кем-то…

Да мне то, собственно, наплевать было, что там и как… Важно было одно: приструнить мелкую группу пришедших с Пустошей «гастролеров» сейчас тупо некому и некогда. Местным же очень не хочется спать вполглаза на дальних хуторах и отращивать глаза на затылке при поездках даже в соседнее село. А тут – такое приятное совпадение: прямо в поселке проживает едва проклемавшийся от двустороннего крупозного воспаления легких вполне

профессиональный охотник за головами. Да еще и (вот удача!) почти всю свою снарягу и весьма серьезную часть вооружения распродавший, и конкретно «сидящий на бобах». Ну как упустить такую возможность?

Они упускать и не стали. И даже попытались цену сбить, давя на мое бедственное положение. Но тут уже проявил твердость я. Либо – нормальная полная ставка за каждую голову, либо – сами по своим лесам бандитов ловите. Или возвращения «князя» дожидайтесь. Ждать им явно было не с руки, самим в чащу лезть тоже не хотелось, так что – в цене сошлись. Но принципиальность моя и мне вышла боком: аванса староста поселка не дал даже на патроны. Мол, коль ты такой крутой «хэдхантер», что от расценков ни на копейку отступить не желаешь, так и работай, как правильному охотнику за головами положено: сначала – дело, потом деньги. И ведь не поспорить, по всем понятиям прав он. Придется – как есть идти. Цену сбавлять нельзя: слухи разлетаются мгновенно, а авторитет – дело такое… Зарабатывается годами, а вот теряется в считанные секунды. Да и уважения среди коллег такой поступок не добавит точно.

И вот теперь лежу я в засаде и не спеша снаряжаю весь свой невеликий боекомплект в темно-коричневый автоматный магазин. Неторопливо так, вдумчиво. Судя по словам выживших свидетелей - банда небольшая. Трое, максимум – пятеро. Почему такой разброс? Ну, как сказать… Есть такое древнее милицейское присловье: «Звиздит, как очевидец». Люди, внезапно попавшие в опасную для жизни экстремальную ситуацию, крайне редко могут вспомнить ее реальные подробности. И выдают за них свои собственные придумки и фантазии. Вот и выходит в итоге, что рассказы двух человек, видевших одно и то же событие, разнятся потом едва ли ни во всем.

Все, магазин снаряжен. Примыкаю его к автомату, с лязгом досылаю патрон. Поднимаю вверх предохранитель (еще не хватало, чтоб какой-нибудь лесной мусор попал).

Значит, берем самый худший вариант – пятеро. Хотя - вряд ли. В подобные набеги ходят либо ордой в три-четыре сотни рыл, либо мелкими кучками по двое, по трое. В первом случае грабят целые поселки, а то и мелкие городки, и уходят с добычей назад в Пустоши еще до того, как «дружина» спохватится, во втором – шакалят по мелочи, нападая на путников-одиночек или мелкие хутора на отшибе.

«Золотой середины» не бывает. У группы от десяти до пятидесяти «активных штыков» банально нет «кормовой базы»: на укрепленный поселок - сил не хватит, а добытого по мелочи при дележе уж совсем ничтожное количество на каждого выйдет.

Но даже есть их трое-четверо, да с хоть каким-то количеством патронов… Шансов во встречном бою у меня, выходит – ни малейших. Огнем прижмут, а мне и отстреливаться толком нечем. Да и состояние здоровья пока к быстрым перемещения, перекатам, кувыркам и прочей нездоровой акробатике не сильно располагает. Хожу, даже на дальние расстояния, вполне прилично, но более серьезные нагрузки пока противопоказаны. Остался один единственный вариант – засада. А учитывая, что точного местонахождения бандитов я не знаю, весьма сложный ее вариант – на живца.

Рассудил просто: по лесам банда бродить не будет. Что им там делать? Зайцев да белок на гоп-стоп брать? И я о том же… От блужданий по лесу – никакого прибытка не ожидается. А значит шакалить они будут вдоль дорог. Которых тут, прямо скажем, немного. Все-таки не Подмосковье – Вологодчина. Выбрал я в районе, где бандиты были замечены, местечко поудобнее – овражек в сильно разросшемся за последние годы подлеске рядом с дорогой. Оборудовал там вполне неплохую стоянку: невысокий односкатный навес из веток и лапника, костерок едва тлеющий рядом. Правильно сложенная таежная нодья – она до двенадцати часов тлеет. А я еще с десяток бревен припас заранее. Пару раз в сутки метнуться к кострищу и одно бревно на другое сменить – не велик риск. Неподалеку от кострища небольшой «сюрприз» оставил и тщательно замаскировал. Жаба, конечно, чуть не удавила, но это на самый крайний случай. Если вдруг врагов окажется больше, чем изначально предполагалось. Под навесом соорудил из разного найденного на свалке возле поселка уж совсем ни на что не годного тряпья относительно правдоподобную «куклу», имитирующую спящего человека с весьма объемистым баулом под головой. Ни дать, ни взять – коробейник, странствующий торговец на отдыхе. Словом – легкая и, весьма вероятно, «жирная» добыча. Мимо такой бандиты точно не пройдут.

Сам же хорошенько замаскировался под корнями здоровенного выворотня на самой кромке овражного склона метрах в пятидесяти. Обзор оттуда на «стоянку» отличный и подходы видны хорошо. Лежу,

жду. Третьи сутки пошли. Сухари к концу подходят, брюхо от голода подвывать перестало уже – смирилось. Как про похожую ситуацию в чеченских горах когда-то один мой товарищ сказал: «Желудок не то, что к позвоночнику – к затылку прилип». Вот-вот. Но голодное брюхо при моем роде занятий – дело привычное. Охотник за головами – он как матерый лесной волчара, должен быть голодным и злым.

О том, что моей фальшивой «лежке» кто-то подбирается, подсказали птицы. Это ко мне они за последние дни привыкли настолько, что и замечать перестали. Одна особо наглая даже нагадила на меня с ветки, к счастью – не на голову, на левое плечо попало. Ну, что ж, значит – богатым буду. А вот на пришлых «пернатая сигнализация» отреагировала мгновенно: сороки целой стаей взлетели с насиженных веток и ор подняли.

Вот теперь – повышенное внимание! Конечно, далеко не факт, что это бандиты, возможно, просто по дороге прохожий топает, или даже какой-нибудь обоз… Но надеюсь я именно на гостей с Пустошей. За случайных путников мне денег не платят.

Почти одновременно едва заметно зашевелились кусты левее и правее фальшивой «лежки». Точно, бандиты. Времена нынче нервные: втихаря, да еще и с оружием в руках, к расположившемуся на отдых страннику подкрадываться даже лучшие друзья ради хохмы не станут. Потому как закончиться такая хохма может пулей точно между бровей или снопом шестимиллиметровой «волчьей» картечи в брюхо. Шутники если и были – повывелись давно.

Покрутив головой, разминая шейные позвонки, я плотнее вжал в плечо приклад. Чем хорош коллиматор – при прицеливании не нужно зажмуривать второй глаз. Оттого и цель видна лучше, и в целом обзор не сужается. Что контролю за окружающей обстановкой только способствует.

Так, первый бандит, буквально на корточках, выбирается из густых зарослей лещины. Была б на дворе середина мая – я бы его заметил значительно позже, но сейчас – апрель, зелени, несмотря на не по-весеннему теплую погоду еще нет совсем, едва-едва почки набухать начали. Так, интересно, а видит ли его сейчас напарник, подкрадывающийся к шалашу с противоположной стороны? Да вряд ли, как раз шалаш ему весь обзор и перекрывает. Ну, значит, тебе

первому и не повезло сегодня, друг мой. Флажок предохранителя беззвучно опускается в нижнее положение. Погнали наши городских!

Как ни крути, но АК с «глушителем» - далеко не «Вал» и не «Винторез». И устройство «глушителя» иное, и патрон другой совершенно. Пумкнуло весьма звучно, будто бутылку шампанского по-пижонски, с пеной, открыли. И затвор сталью лязгнул. Но дульную вспышку ПБС все же скрыл и звук рассеял, так, что точно понять, откуда именно стреляли, бандитам будет сложно. А выбранный мною заросший бородой, будто леший, разбойник, раскинул мозгами по окрестным кустам и плашмя рухнул на спину, подминая под себя гибкие ветви орешника. Минус один. И противник, и патрон. Вообще-то в голову стрелять – то еще пижонство. Как меня в свое время в военном училище инструктор мой по огневой учил: «Не стреляй человеку в голову – она маленькая и твердая, стреляй в брюхо – оно большое и мягкое». Но сейчас я не только врагов отстреливаю, но еще стараюсь и «шкурку портить» по минимуму. Денег нет даже на пожрать купить, незачем пока еще вполне пригодный к продаже потенциальный товар пулями дырявить и кровью пачкать.

Второй, подбиравшийся к шалашу с противоположной стороны, оказался волчарой битым: рухнул на пузо и шустро откатился за ствол давно рухнувшего дерева. И уже оттуда, из-за укрытия, дуплетом пальнул по шалашу из чего-то охотничьего и двуствольного – только еловый лапник во все стороны полетел, да тряпье на моем «манекене» на какое-то мгновение дыбом встало. Матерый, сволочь!

Прицельная марка коллиматора замерла на том месте, где только что виднелось ружье бандита. Но – поздно. Уже и ствол спрятал и, подозреваю, позицию снова сменил. Нет, этого так просто не возьмешь. А патронов его за тем бревном нащупывать - нету. Значит – на потом его. У нас тут не городские развалины, ползти особо некуда. К тому же он – внизу, в овраге. А я – наверху и позиция у меня заведомо выигрышная.

Зато вот с третьим мне подфартило. Молодой, бестолковый… Был. Я даже безусое лицо, в прицеле мелькнувшее, разглядеть успел. Сопляк совсем, опыта никакого. Услышал пальбу и из-за дерева свое любопытное жало высунул. Интересно ему все, маленькому. Было. Автомат плюнул свинцом еще раз. Минус два… И десять патронов в остатке. И еще минимум один противник, а то ведь – и больше.

За спиной внезапно громко застрекотала сорока. Не задумываясь ни на секунду, прижав к груди автомат, бревном откатываюсь вправо. Это уже на уровне рефлексов, со времен еще самой первой командировки на Кавказ, весьма на события богатой. Довернуть оружие влево стрелку всегда проще и быстрее, чем вправо. Так зачем облегчать жизнь тому, кто решил тебя застрелить?

Выстрелы наши слились в один, и пусть и громкий, но хлопок моего АК был надежно заглушен грохотом двуствольного обреза-вертикалки, в бездонные дула которого я прямо перед выстрелом даже успел заглянуть, но, к счастью, не успел испугаться. В лицо дохнуло теплым воздухом и кислой пороховой вонью. А вот сноп дроби прошел мимо, буквально впритирку с правым локтем. Зато моя пуля стрелку вошла точно в грудь, чуть выше солнечного сплетения. Тот, удивленно разглядывая проступившее через застиранную куртку кровавое пятно, выронил обрез и, прижав к ране ладони, сперва брякнулся на колени, а потом – завалился на бок. Задергались в конвульсии ноги в растоптанных берцах. Минус три. Значит, все-таки четверо.

- Семен! – требовательно донеслось со дна оврага.

Я резко перевернулся на живот и припал к прицелу.

- У?! – отозвался в ответ и совершенно неожиданно для себя громко закашлялся.

- Фиг-ли «У»?! – требовательно гаркнул голос из оврага. – Все?!!

- Угу, - сквозь кашель утвердительно прохрипел я.

- Да че ты мычишь, муди…

Закончить оскорбительную тираду бандит не успел. Мой указательный палец плавно выбрал и без того почти отсутствующий свободный ход спускового крючка… Минус четыре. Похоже – все.

Не желая рисковать, я еще минут десять неподвижно лежал, изо всех сил прислушиваясь и ловя взглядом любой, даже самый слабый намек на движение. Нет, похоже – точно все. Неугомонные сороки успокоились и замолкли, а вот более мелкие пичуги, наоборот, снова расчирикались.

Значит – четверо. Недурственно сработал. Хотя – чуть было не влип. Была бы банда хоть немного более состоятельная… Были бы у них автоматы… Да много можно придумать разных «бы». Однако вышло – что вышло. Повезло мне: банда оказалась из числа нищих отморозков, тех, которым армейское оружие – не по статусу, а патроны

к нему – не по карману. Вот так оно в жизни и в бою и бывает: кому больше повезло, тот по итогам скальпы и снимает. Кстати, по поводу скальпов – вовсе не фигура речи. Кое-где именно таким незатейливым и проверенным временем способом мои коллеги свои победы и подтверждают. В здешних краях немного проще – вполне достаточно уха, правого. Согласен, не шибко эстетично и уж точно очень негигиенично, но… Времена суровые, нравы – им под стать. Хоть головы их в мешке, подобно Персею после его «интимного суаре» с Медузой Горгоной, тащить в поселок не придется – и то хлеб. Хотя – и такое в моей богатой практике уже случалось. Ладно, поглядим, что там, кроме четырех давно немытых ушей нам там Бог послал…

А неплохо! Я, конечно не Альхен, и уж тем более - не Сашхен, но, как когда-то было написано в одной великолепной книге: «В этот день бог послал Александру Яковлевичу на обед…». Вот и я, пусть и не Яковлевич, а совсем даже наоборот – Александрович, встретив сегодняшнее утро голодным и замерзшим бродягой с пустыми карманами, уже к обеду существенно поправил свое материальное положение. Правда, жрать охота все сильнее. В предвкушении вполне успешного возвращения к старосте доел последние сухари, но голод это не утолило, а только усугубило. Ну, значит, пакую трофеи и – в обратный путь.

С трофеями все обстоит, нужно признать, весьма даже кучеряво. Ну, с учетом обстоятельств, банда-то была, и правда, нищая – ни одного армейского «длинного» ствола. «В наследство» от бандитов мне достались два обреза: один из «вертикалки» Иж-27, у меня точно такая же двустволочка когда-то дома в сейфе стояла, второй - из какой-то совсем древней «двутулки»-«горизонталки». Молодой и любопытный «порадовал» совершенно дикого вида самодельной «поджигой», похожей на те, что я с приятелями-лоботрясами в далеком и светлом детстве клепал. Разве что размерами эта была малость крупнее и немного покрепче. В остальном – такое же барахло убогое. Этот ужас на продажу нести – только позориться и лишний вес на хребте тягать. Взяв самопал за ствол, с размаху вписываю им о ствол ближайшей березы. О, только щепки и клочья синей изоленты во все стороны полетели! Зато у него же на поясе висел длинный, но узкий, едва ли не до половины долы сточенный ножевой штык. По-моему, от немецкой винтовки времен Великой Отечественной. Вот это – весьма в

тему. Свой охотничий нож-шкуросъемник я еще по зиме в поселке продал, а пачкать кровью швейцарский складной «Венгер» дико не хотелось. Он у меня для хозяйственно-бытовых надобностей. Теперь же, после обнаружения этого вот «ухореза», проблема обрезания бандитских ушей решается автоматически, уж простите за грубоватый и несмешной каламбур.

Со всех вооруженных двустволками бандитов снял патронташи, а из заплечных мешков-сидоров вытряхнул все содержимое. Правда, особо ценного ничего не нашел. Похоже, если и взяли они в этом набеге что-то стоящее, то явно с собою не таскали, а припрятали в каком-нибудь укромном месте. Обидно, ухоронку бандитскую мне не найти…

Ладно, полсотни пулевых и почти вдвое большее количество дробовых и картечных патронов, в основном – с изрядно уже потускневшими латунными гильзами со следами неоднократной переснарядки, хотя и несколько красных феттеровских и рекордовских пластиковых в общей куче завалялись. Надо же, какие «долгожители». Хорошие охотничьи ножи, мелочевка разная, вроде пары рулонов чистой портяночной ткани… И не нужно носы морщить! Просто вы, похоже, в долгих переходах ноги ни разу не стирали в кровь, и как от потницы кожа на пятках до мяса лопается – не видели. Тогда б снобизмом не страдали. Еще со всех четверых я без малейшей брезгливости снял пусть и не новые, но вполне еще крепкие армейские берцы. Ну, подумаешь – попахивают слегка. В ближайшем пруду отмою – и нет проблем. А вот хорошей, довоенного качества обуви в здешних краях – так просто не сыщешь. Даже ношеной. В совсем еще недавние времена весь собранный в кучу бандитский шмот я бы еще и радиометром проверил, чисто для душевного спокойствия. Но сейчас столь нужного в наши неспокойные и полные неприятных сюрпризов времена прибора у меня не имеется. Хотя, тут и «народных примет» - за глаза хватит. Все четверо отправленных мною в «страну вечной охоты» бандюганов – волосаты и бородаты сверх всякой меры. А радиация – штука такая – волосы от нее в самую первую очередь слезают, даже при самых незначительных дозах облучения. Так что – берем спокойно.

Из еды, несмотря на пронзительные рулады желудка, самым несознательным образом «демобилизовавшегося» по случаю

окончания боевых действий, взять ничего не рискнул. Впрочем, особого выбора там и не наблюдалось. Сухарей у бандитов при себе не было, единственная банка каких-то консервов без этикетки выглядела уж больно… шарообразной (вот только ботулизма* мне и не хватает сейчас для комплектности), а узкие полосы вяленого мяса мне почему-то доверия не внушили. Мало ли, что они там у себя на Пустошах жрут? Разговоры ходят разные, и некоторым из них я своими глазами подтверждения видел. Так что – нафиг-нафиг…. По незнанию налопаться человечины не хочется совершенно.

Убитый мною последним матерый, явно бывший в этой компании за главного, порадовал от души. Во-первых, отличным, до войны явно стоившим немалых денег, и при этом не изуродованным охотничьим ружьем «Фабарм». Вот, ей-Богу, этой непонятной склонности отдельных особо одаренных индивидуумов к обрезам я решительно понять не могу. Спору нет, на дистанции «в упор» обрез, да особенно если крупной дробью или картечью разом из обоих стволов – штука страшная. Но часто ли в наши времена приходится в противника накоротке стрелять? Стоит же расстояние увеличить хотя бы до двадцати метров – и начинаются для стрелка из «лупары»* неприятные сюрпризы. А из нормального ружья, не «кастрированного» обрубанием стволов под самое цевье, на пятьдесят - точно, а то и на восемьдесят метров пулей попасть можно более чем уверенно. Ну, при условии, что руки не совсем из задницы растут.

Прежний хозяин «Фабарма» пострелять явно был большой любитель: при помощи хитрых зажимных колодок прямо на верхний ствол установлен голографический прицел. Может и не такой как у меня, американский армейский «Триджикон», надежный и прочный, но тоже не дешевый, по виду судя. Название на боку – «Рэдринг», ни о чем не говорит, и даже ассоциаций никаких не вызывает. Впрочем, в охотничьем оружии и «аксессуарах» к нему я никогда особо не разбирался. Но хорошую, дорогую вещь я от простенького и недорогого китайского барахлишка я отличить все же смогу.

М-да, лоханись я хоть чуть-чуть – и нашинковал бы он меня на такой дистанции картечью, как каплуна. И дальнобойности, и точности – хватило бы за глаза.

А еще в старой и облезлой кожаной кобуре у него на поясе нашелся ПМ. Правда, нерабочий, но, судя по «симптомам», там просто

перо боевой пружины сломалось. Стрелять – не стреляет, но дел, реально, на полторы минуты при наличии ЗИПа и минимальных познаний в вопросе. А они у меня имеются. Вернее, ЗИП - имелся, но боевая пружина из числа мною собственноручно проданных в поселковый лабаз, всяко стоить будет дешевле, чем исправный пистолет Макарова. Все найденные при покойном девятимиллиметровые патроны я сразу же снарядил в магазины своего «макара модернизированного». Аж три трофейных «дробана» - это, конечно, очень круто, но свой, привычный, почти что продолжением руки являющийся, пистолет – как-то предпочтительнее. Да и двенадцать патронов в магазине – все же лучше, чем два, пусть и картечью снаряженных.

Значит, снимаем установленную мною неподалеку от кострища мину, аккуратно выкручиваем взрыватель, пакуем все это безобразие назад, в РД*. В этот раз, к счастью, не понадобилась, но где гарантия – что не пригодится в другой?

Во взгляде старосты приязни откровенно прибавилось. А ведь в первые секунды он ехидную ухмылку даже прятать не пытался. Стоял, сложив лапищи на груди, на невысоком крылечке своего дома, больше на блокгауз времен американских первых поселенцев похожего, и нагло скалился во все оставшиеся зубы. Видно, думал – оголодал «хэдхантер», да назад не солоно хлебавши вернулся. И только потом заметил, что барахла на мне навьючено явно гораздо больше, чем трое суток назад. Я под конец пути уже на полном серьезе ощущал себя натуральным бухарским верблюдом – до поселка еле доплелся.

Ухмылка его мгновенно истаяла, зато что-то такое в глазах появилось… Ну, да, кем я для него был еще несколько дней назад? Хворым гостем, причем гостем сильно поиздержавшимся, которого, еще чуть-чуть – и на выход просить придется. Причем – без вещей. Потому как все вещи он уже продал. Потом показал себя упертым и жадным до денег типом, не желающим снижать цену за свои услуги. Тоже персонаж не из самых приятных. Зато вот теперь он видит перед собой именно того, кем я и являюсь – профессионального убийцу. И теперь ему, бедняге, этот факт нужно осмыслить и как-то в своей голове среди уже устоявшихся понятий пристроить.

Еще раз внимательно меня оглядев, он открыл дверь в дом и приглашающее махнул рукой. Заходи, мол, пообщаемся.

- Значит, одолел подонков?

Староста удовлетворенно откинулся на спинку огромного и все еще дорогого на вид, пусть уже и слегка потертого, кожаного кресла с деревянными подлокотниками. Солидное изделие, явно раньше в кабинете какого-нибудь крупного начальника стояло.

- А что, были сомнения? – по-еврейски, вопросом на вопрос ответил я.

- Да чего уж греха таить, - не смутился мой собеседник, - были. И немалые. Мы ж тебя только или помирающим совсем, или едва поправившимся доходягой и видели. А что до автомата – так автомат сам по себе – не показатель ни разу. Сам понимать должен…

- Да я, собственно, не в претензии. Если с расчетом кидануть меня никто не планирует…

- А вот это – брось, - обиженно насупил брови староста. – Тут люди живут. Мне казалось, ты в этом уже убедился.

Намек прозрачный донельзя. Типа, жили б тут такие, как ты о нас сейчас подумал, так тебя б в какой-нибудь яме давно черви доедали.

Осознав, что малость перестарался, примирительно развожу руками и извиняюсь. Староста спокойно кивает, принято, мол.

- Что с хабаром трофейным делать думаешь? И как награду забирать будешь? «Рыжьем», патронами?

А вы думали? Золото, оно даже после полного и окончательного конца света золотом останется. А чем еще расплачиваться? Перьями экзотических птичек? Ракушками каури? Даже пресловутые патроны в качестве денежного эквивалента против золота – не пляшут: в негодность при частом переходе из рук в руки приходят быстро, легко подделываются, плохо проверяются на подлинность… В общем, на пару с едой так и останутся пусть и дорогим и всем нужным, но – товаром.

- Трофеи куда-то тащить желания не имею, - честно сознался я.

Интерес хозяина дома к «Фабармовской» вертикалке я заметил сразу, но выпендриваться и цену себе набивать не стал. Слишком уж устал, пока все это добро на себе тащил.

- Значит, у нас продавать будешь? – оживился староста.

- Скорее – на свои вещи, что не проданы еще, назад менять. Своя рубашка, она, как известно, к телу ближе.

- Что есть, то есть, - согласно мотнул головой мой собеседник. – Что ж, могу поспособствовать.

Ха, еще б ты не мог! Да у тебя ж паи во всем, что в этом богом забытом местечке хоть какую-то прибыль приносит. Что в лабазе, что в больничке, что в постоялом дворе, что в мельнице и стоящей при ней пекарне… Олигарх местечкового разлива просто.

- Буду признателен, - не стал отказываться от предложенной помощи я. - В первую очередь интересуют все автоматные и пистолетные патроны, гранаты, бронежилет и шлем, перчатки штурмовые, весь оружейный ЗИП, он в одной коробке был, радиометр и нож мой… И из продовольствия кое-чего. Сухарей там, крупы, мяса сушеного… Но это уже мелочи.

- Нож? – удивился староста, уже успевший мельком глянуть на все, мною в походе добытое, а потом переключился на более важные моменты. – А не крутовато ли? Трофеев твоих, думаю, на все не хватит, уж не обессудь…

- Нож мой мне как-то привычнее, - улыбнулся я. – А что касается денег… Ты премиальные за четырех грабителей прибавь. Еще и остаться должно, пусть и не шибко много.

Староста кинул короткий взгляд на небрежно брошенную на край стола тряпицу с завернутыми в нее бандитскими ушами и задумался. Мне вдруг почудилось, будто я слышу, как клацают в его голове костяшками здоровенные старые бухгалтерские счеты.

- Да, пожалуй, - наконец вынес свой вердикт он. – Ну, что, не будем время терять - пошли в лабаз, смотреть, что из твоего добра не продали еще?

Оказалось, что не продали многое. На бронежилет мало у кого в поселке нашлось бы средств, на относительно недорогие запчасти ударно-спускового механизма «макарова» - не оказалось покупателей, а нож мой вообще никому на фиг не сдался: тут у половины жителей – такие же. А у второй – еще больше и острее.

Штурмовые перчатки, трофей тех же событий, в ходе которых я стал обладателем коллиматора, ПБС и американских ботинок, как ни странно, тоже никого не заинтересовали. Видимо, сказывалась отдаленность поселка. В любом более крупном городе они давно нашли бы себе нового владельца: «дружинника», моего коллегу - наемника, а то и просто бандита, заглянувшего в цивилизованные

места прикупить чего-нибудь, чего на Пустошах не найти. А тут на перчатки мои никто не позарился.

Вот шлем, старого образца омоновская «Маска», пусть и потертая и выцветшая, но прочная, а главное – легкая – ушла с концами. Очень жалко. И гранаты ушли все четыре штуки, что тоже обидно. Увидев мое расстройство, продавец попробовал было предложить пару слегка помятых РГД-5 из своих запасов, но, во-первых, старая «эргэдэшка» - не самая лучшая замена относительно новой РГО, а во-вторых… Не настолько я отчаянный парень, чтобы использовать неизвестно у кого в руках побывавшие гранаты. Этак недолго самому на ней же и подорваться. Я и сам такие фокусы проделывать умею, нет там ничего особенно сложного… Словом – благоразумно отказался.

Радиометр тоже «сделал папе ручкой». Причем, по словам продавца, купили его даже раньше, чем гранаты: в конце февраля караван через поселок на Кострому и Ярославль шел. Вот кто-то из тамошней охраны и прикупил.

Ну, да, там после того, как в семнадцатом по всему Поволжью чем-то очень «грязным» отработали, очагов заражения по-прежнему хватает. Да ветры в приволжских степях сильные, да весенние паводки на разрушенном Волжском каскаде… Нарваться и схватить дозу в тех краях можно даже там, где еще год назад спокойно прогуливался. Сам я, правда, после войны в сторону Волги путешествовать не рисковал. Но купцами и путешественниками, что рискнули, общался. Оттого и обзавелся ценным прибором при первой же возможности. Мало ли куда судьба занесет… А теперь, придется снова искать. Обидно, но – делать нечего.

- Еще чего-нибудь? – поинтересовался продавец, заканчивающий паковать купленные мною продукты.

Немного подумав, я отрицательно мотнул головой. Нет, прикупить кое-что не просто стоило, а было совершенно необходимо: и зимнюю одежду я всю продал, пока болел, и, наоборот, в утепленной «горке» днем мне жарковато уже сейчас, в апреле. А что будет в мае? А летом? Но покупать одежду именно здесь – не лучшее решение. Поселок небольшой, выбор – скудный. Да и цены – ого-го какие, лабаз-то на весь поселок один… Монополия и звериный оскал капитализма, ничего не попишешь…

Нет, уж лучше я оставшееся от премии за «невинно убиенных» грабителей золотишко приберегу до крупного города и тамошнего рынка. Там и ассортимент пошире будет, и цены не такие ломовые.

- Всем доволен? – по-свойски подмигивает мне староста. – Или еще какие пожелания?

- Тут – никаких. А вообще – баню б мне истопить. Помыться, постираться, в порядок себя привести. А то чешусь весь, как пес помойный… Можно?

- А чего ж нельзя? – пожимает мощными плечами «местечковый олигарх». – Баня – так баня. Часика через три-четыре все будет в лучшем виде.

Когда уже поздним вечером я, вымытый до скрипа и распаренный до розовости молочного поросенка, на слегка подгибающихся ногах выполз из предбанника на улицу и плюхнулся на лавочку у стены бани, с удовольствием подставляя «морду красную» свежему прохладному ветерку, ко мне подскочил молодой, лет пятнадцати, парень.

- Вас Андрей Борисович просил еще раз зайти…

Так, интересно, а что теперь старосте могло от меня понадобиться… Еще один заказ есть? Что-то сомневаюсь. Но он в здешних местах (ну, по крайней мере, когда «князя» и его людей поблизости нету) – полноправный хозяин. Зачем обижать хорошего человека? Просит – зайдем.

- И снова здравствуйте, - после короткого стука я вошел в уже знакомую дверь.

- Вот это ни черта себе! – глаза старосты изумленно раскрылись. – Я тебя и не узнал сразу, только по одежде…. Ну ты даешь! Прямо….

Староста замялся, явно пытаясь подобрать цензурный и необидный эпитет, чтобы описать мое преображение. Да уж, а всего-то и требовалось, что отмыть с себя всю наросшую за последнее время грязь и выбриться начисто – и морду лица, и голову. Как-то не по нраву мне пришлась одолевшая сейчас многих излишняя брутальность.

Вы, кстати, в курсе, откуда это словечко взялось вообще? Еще в юности прочел я где-то, что по латыни слово «брут» – это, не только имя человеческое, но и имя существительное – «животное»… Вот так вот. Выходит, ничего шибко хорошего нету, когда мужика «брутальным» называют. Скорее – наоборот, намекают, мол, скотина и животное… Вот мне в животные – никак определяться не хочется.

Отсюда и подход к личной гигиене – по возможности, как можно чаще мыться, бриться и стираться. И про чистку зубов не забывать. И «орлиных когтей» на руках-ногах не отращивать: они, вопреки известному присловью, по деревьям лазить не помогают совершенно. Иначе – никак. Забьешь на гигиену – и точно, в животное превратишься. Видел такое со стороны неоднократно.

- Франт, - с улыбкой пришел я старосте на помощь.

- Во, точно, а то мне в голову только «фраер» из относительно приличного и пришло, - согласился со мной староста, а потом вдруг замер, еще больше вытаращив на меня глаза. – Да ну на фиг! Ты – Франт?! Шутишь?!

- У нас с такими вещами не шутят.

- Ну, тогда я не удивлен… А то я все думал, что ж ты за отморозь такая: с десятком патронов - да на банду…

- Ну, вообще-то – с двенадцатью, - проявил я скромность. – Правда, восемь назад принес.

- Вот-вот, и я о том же, - подхватил мой собеседник. – Четыре патрона на целую банду… Крут!

М-да… Вот так и рождаются нездоровые сенсации. Не удивлюсь, если через полгода-год услышу в каком-нибудь кабаке пьяную героическую байку о себе отважном, что с четырьмя патронами против кочевой орды с Пустошей вышел, и всех заборол в одно рыло… Ладно, надо бы к делу вернуться.

- Так чего звал-то, Андрей Борисович?

Староста замялся.

- Да теперь уже и не знаю… Тут такое дело… Но – тебе… - он даже руками развел, не в силах сформулировать мысль.

- Как я понимаю, хотел что-то предложить приблудному наемнику, а как узнал – кто он, так сразу и неудобно предлагать стало?

Похоже – угадал, по глазам вижу. Интересно, почему передумал, узнав прозвище? Решил, что для такого как я – слишком мелко? Или подлость какую предложить хотел? «Хэдхантер» - не киллер. Это наемному убийце все равно, кого и за что убивать, лишь бы деньги платили. Впрочем, уникумы, вроде киношного Леона, со своими понятиями и принципами, тоже имеются в реальной жизни. Только их мало. Остальным, как я уже и сказал, интересны только деньги. Охотник за головами – персонаж из совсем другой сказки. Мы, скорее,

похожи на «пистольерос» времен Дикого Запада, отлавливающих или убивающих (тут уже по ситуации и от размера вознаграждения зависит) разыскиваемых преступников. Или залетных бандитов с Пустошей. Порой – и за охрану чего-то или кого-то беремся. В общем – специалисты широкого профиля. Но вот убийствами по заказу – не промышляем. У нас с этим строго. Поначалу, когда после тотального кирдыка, только на ноги вставали – по всякому бывало. Народ тогда среди нас был разный и все, как один, только что произошедшим со всем миром – крепко оглоушенный. Но потом все начало устаканиваться, и разных отморозков за «неспортивное поведение» свои же коллеги начали «подвергать жесткой обструкции». Причем – до летального исхода. Если сам – тварь беспредельная, так нечего на остальных тень бросать.

- Ну, да…

- Так предложи, сразу и узнаем, - я вроде и улыбнулся, но внутренне подобрался и изготовился к действию.

Нет, стрелять старосту я не стану при любом раскладе. Он – не один из нас, он – заказчик. Просто разъясню доходчиво человеку, кому и что предлагать можно, а кому – не стоит.

- Тебе ж сейчас все равно, куда идти? Сам же говорил – прошлый заказ отработал, вознаграждение получил…

- Так и есть, - согласно кивнул я. – Сейчас буду новую работу искать. Но куда идти – особой разницы нет. А что?

- Да мы тут небольшой караван до ярмарки собрали… Как – караван… Три телеги. Мука, сыр, мясо… В общем, по продовольственной части. Думали тебя в качестве дополнительной охраны подтянуть… Но теперь – даже и не знаю…

- Понятно, - теперь улыбаюсь уже вполне искренне. – Задумался: а вдруг крутой Франт решит, что его такой мелочевкой оскорбить хотят? Не переживай, не решу. «Крутой Франт», во-первых, вашему поселку жизнью обязан, а во-вторых, как ты сам отлично знаешь – конкретно на мели… Так что – без проблем. Вспомню начало карьеры, займусь «проводкой колонны». Идем куда? По деньгам как?

Староста снова слегка смутился.

- Да в Никольск, на ярмарку, я ж говорю. Работа там не шибко сложная, груз – не особо дорогой… Да и на то что ты – это ты, мы как-то не рассчитывали…

Многие столетия стоявший на неширокой речушке со странным названием Юг, городок Никольск раньше был весьма оживленным центром торговли, через него шли водным путем купцы с Северной Двины и Ветлуги в Волгу, на торжище Нижнего Новгорода и дальше. Ну, и назад, понятное дело. Потом пришло время железнодорожных и автомобильных перевозок, и некогда бойкое местечко «впало в спячку», хирея и превращаясь в самый обычный захолустный городок. Теперь же ремонтировать дороги и возводить заново рухнувшие мосты некому. А река – она никуда не делась, ее ремонтировать не нужно, а плоскодонная баржа с ее невеликой посадкой, пройдет практически где угодно. Ну, при наличии хоть сколько-нибудь умелого и знакомого с фарватером лоцмана и шкипера.

- Я понял, не продолжай. «Накрутку за бренд» требовать не буду, по стандартной ставке посчитаем…

- Тогда – не вопрос, - староста протянул мне лопатообразную ладонь. – Завтра утром выходите. В шесть.

Когда я уже пошел на выход, староста с интересом бросил мне в след:

- Слушай, вот интересно, а почему Франт?

- Долгая это история, - улыбаюсь я в ответ.

Почему? Хм, хороший вопрос. Да, в общем-то - случайно вышло… Возможно – однажды и расскажу, как именно. Но изначально я был Татарином…

Глава 2

За восемь лет до описываемых событий.

- Сан Саныч, ты сам вообще представляешь, насколько меня сейчас подставляешь, а?

Лицо у командира моего боевого отделения, Сереги Валерьева, и правда, не сильно счастливое. Ну, да, не каждый день от него старшие опера уходят.

- Подумай хорошенько, Саш… Оно тебе точно нужно?

В ответ я только головой отрицательно мотаю.

- Подумал уже, Иваныч. Несколько дней думал. Такие вопросы с бухты-барахты не решаются, сам знаешь… Подписывай, - придвигаю поближе к нему по полированной поверхности столешницы лист мелованной офисной бумаги.

Рапорт. Поворотная точка во всей жизни. Вот сейчас согласует его мой непосредственный начальник, потом - подпишет командир Отряда… И станет майор полиции вольной гражданской птицей. И, вроде, положенный для получения полной пенсии «четвертак», ну, с учетом льготных «год - за полтора», а временами, и «год – за три» уже давно имеется… А как-то все равно… Даже и не знаю, как сказать… Будто в ледяную прорубь на Крещение сигануть собираюсь. Вроде, и решил уже, и все равно страшновато. И до последнего вертится в голове мысль: «А может – ну его в баню? Оставь, все как есть!».

И Серега снова за свое.

- Сань, прекращай, а! Вспомни, когда нас в полицию из милиции переаттестовывали – тоже все непривычно было. И тоже все нервничали. А оказалось – ничего для нас шибко и не изменилось, как служили, так служить и продолжили… Ну, теперь будем – Национальной гвардией…

На последних двух словах я чуть заметно поморщился. По «ящику с привидениями» про Нацгвардию, только не нашу, а украинскую уже второй год вещают без остановки. И ни разу не в положительном свете. А у меня еще и товарищ армейский, добровольцем на Донбасс поехавший, полгода назад оттуда без левой стопы вернулся – под минометный обстрел тех самых «нацгадов» попал… В общем –

ассоциации не самые лучшие. Впрочем, наши, со свойственной им хитростью, вариант уже нашли: войска-то, вроде, Национальной гвардии, а официально называться все будет Росгвардия. Уже, как мне кажется, значительно лучше. Чтоб не было аналогий ни с Украиной, ни со Штатами.

- Да не в названии дело, Иваныч…

- А в чем? В майорах засиделся? Ну, да, больше года как перехаживаешь… Но ты ж взрослый мужик, понимать должен – реорганизация сейчас… А как все устаканится – получишь старшего опера по особым, и – в подполковники… Я не я буду – сделаю. Веришь?

- Сергей, тебе – верю. Другое дело, что служить дальше – не буду. Все. Решил уже. Окончательно. Что-то надоело мне без конца то реформироваться, то реорганизовываться. Полную пенсию выслужил – пора и честь знать, молодым-задорным место освобождать. Им у нас, до сих пор – везде дорога…

- Гляди, Саш, тебе жить… - Сергей со вздохом ставит свою размашистую подпись на рапорте. – Заниматься-то чем собрался?

Вместо ответа я лишь глубокомысленно хмыкаю. Мол, можно подумать, для майора СОБР на гражданке дел не найдется. Да в Службе безопасности любого крупного коммерческого банка, или в «личке»* его хозяина – с руками оторвут. Не я первый. Плавали, знаем.

Хотя, говоря по-честному, планы у меня совершенно другие. Ждет меня «дорога дальняя», да «бубновый интерес в казенном доме». Шутка. Ехать мне придется в стольный град Старопетровск, как-то внезапно ставший в последние пару-тройку лет едва ли не главным информационным поводом для выпусков экономических новостей в России. Вот только широко распространяться об этом мне настоятельно не рекомендовали.

Сидя в весьма комфортном (в междугородних автобусах – потеснее будут) кресле летящего на всех парах в сторону Северной столицы «Сапсана», подремываю и размышляю о превратностях судьбы. Той самой, что «играет человеком» покуда тот, бедолага, «играет на трубе».

Поразительно – насколько тесная все же Чечня! Знакомые друг с другом люди, занятые одним делом, сталкиваются там почти все время. Вот и с этим тогда еще майором-«эфэсбэшником» из

Управления «В»* мы первый раз встретились в начале осени две тысячи девятого. Сам я тогда едва капитана получил, и года не прошло, как четвертую дырку на однопросветном погоне пробил, и был еще тем самым «молодым и задорным».

В тот раз довелось нам совместно с «вымпелами» под Дарго и Белгатоем гонять по густо поросшим буком и ясенем горам поднятую с «зимней лежки» банду. Небольшую, но дико зубастую и, в отличие от нас, знавшую те места, словно собственную квартиру. Почти неделю та веселуха продолжалась: крепко подкузьмила погода - низкий и тяжелый, непрозрачный, словно молоко, туман, дождь, переходящий временами в густой мокрый снег… Ни «вертушки» поднять на поддержку, ни артиллерии толком целеуказание дать. Вот и игрались в эти чертовы «казаки-разбойники», будто при Ермолове, исключительно в пешем порядке. Но – таки накрыли, пусть и с серьезной стрельбой и потерями. Взводный из Веденского райотдела тогда погиб, чеченец. Совсем еще молодой и очень хороший парень. Раненые тоже были.

Тогда, под Дарго, мы с тем майором, даже не познакомились толком, хоть и несколько суток буквально бок о бок по горам скакали. Я – Татарин, он –Еркен…Как говорится: вот и представились…

Второй раз пересеклись уже в самом начале десятого года, на Рождество. В Ханкале, в осетинской шашлычной, что стояла в те времена возле КПП перед въездом в гостевой палаточный городок. Вот тогда – хорошо посидели, праздник отметили. Осетинские пироги – фыдджины с начинкой из рубленой телятины, свиной шашлык на ребрышках, с поджаристой хрустящей корочкой, тертая на крупной терке морковка по-корейски… Лимонад нальчикский. И водочка, втихаря, под столом, разливаемая из фляжки третьего нашего собеседника-собутыльника – здоровенного подмосковного омоновца. Тоже, помнится, колоритный персонаж был: здоровенный, словно трехстворчатый шифоньер, двухметровый громила, которому я со своими «метр семьдесят восемь» макушкой едва до плеча доставал, в черной косынке-бандане на наголо выбритой голове. Как же его звали-то? Миша?... Или Боря?.. Блин, вроде всего шесть лет прошло, а не помню… Многовато все же тогда «на грудь» приняли… Однако парень был душевный: хоть и шумный немного, и на рожу - звероватый, но – славный малый, добряк и балагур, скучать не давал. Как Еркен тогда

сказал: «Бравенько сидим, артельно». Тогда-то мы с ним познакомились уже по-человечески. Оказалось, Юрием его зовут. А Еркен – это память о прожитых в Казахстане детстве и юности.

При третьей встрече я понял, что тесная у нас не только Чечня, но и планета в целом. Потому что в третий раз столкнулись мы с Юрой-Еркеном совершенно случайно чуть меньше месяца назад. В самом центре Москвы, на Тверской, на площади прямо перед памятником его тезке – Юрию Долгорукому. Оба встрече обрадовались, немного потрепались «за жисть». Оказалось, что знакомец мой хоть и дослужился до подполковника, но из «стрельцов государевых» уже почти четыре года как ушел и кует свою, судя по весьма преуспевающему виду, вполне немалую «копеечку» на ниве частного бизнеса. Правда, чем именно занимается – тогда не сказал. Зато записал мой телефон, вроде как - на всякий случай…

А еще через неделю – позвонил и пригласил на встречу. Мол, имеется предложение, что может меня заинтересовать. Дел никаких у меня не было, решил – почему б и не пообщаться с хорошим человеком.

Разговор Юра начал издалека. Долго расспрашивал о семье (а вернее, ее отсутствии - так и не нажил я к тридцати пяти годам ни жены с детьми, ни даже более-менее постоянной подруги), о службе, о карьерных перспективах… А потом прямо-таки огорошил предложением: мол, есть структура, всерьез заинтересованная в отставных профессионалах, знающих, что нужно делать по обе стороны от мушки.

Скрывать не буду, даже немного разочаровался я в нем в тот момент. Офицера полиции, бойца спецназа МВД – в наемники вербовать… Сходу ехидно поинтересовался: каких именно негров и в каких краях убивать придется? И не имеет ли мой знакомый отношения к недоброй памяти «Блэкутеру», который «Академи», который «Зи»?... Те еще уроды, столько разного в странах «третьего мира» натворившие, что уже утомились, сердешные, вывески менять. Не дожидаясь ответа, встал, и собрался на выход из той кафешки, где мы с ним встретились. Но Юрий мне даже от стола отойти не дал, назад усадил. Порекомендовал не горячиться, а дослушать. И продолжил.

Оказалось, что контора, в которую он меня вербует, хоть и числится чистой воды коммерческой, но, в реальности – насквозь государственная. Ааа... Доводилось и о таком краем уха слышать: уходит на пенсию не старый еще сотрудник силовых подразделений «органов госбезопасности», а ему чуть ли не в отделе кадров, при оформлении документов – номерок телефона вручают. Звонит отставник по нему, приходит, трудоустраивается. А вокруг – все свои, из таких же, как он, бывших, но еще не старых… И занимаются те «не старые» исключительно тем, чем Родина прикажет. Пусть и не совсем официально. Даже закон какой-то под такие «типа частные» структуры приняли недавно, по телевизору слышал краем уха.

Тут у меня уже другой вопрос возник: Донбасс, Сирия или еще какая чужедальняя сторонка? Оказалось – опять мимо, снова не угадал. Старинный, еще шведами построенный город Старопетровск, одноименного уезда. При шведах он, правда, слегка по-иному назывался, да только кто ж те времена сейчас помнит? Та самая, чуть не на весь мир известная Свободная экономическая зона неподалеку от Питера. Которая, в отличие от приснопамятного калининградского «Янтаря» практически сходу фуганула неслабым финансовым «выхлопом». Прямо тебе экономическое чудо. А вот на ее территории есть у Родины кое-какие интересы. Серьезные интересы, в том числе и коммерческие, но – не только. И защищать их необходимо надежно, но подтягивать под это дело официальные конторы с трехбуквенными аббревиатурами вместо названий – по разным соображениям нежелательно. И под это дело чуть ли не с двенадцатого года набирают для работы в Старопетровске мужиков вроде него… Или меня. Что и опыт имеют, и дров по удали малолетней, бестолковой, не наломают, но при этом, случись что, вполне смогут любого противника в бараний рог скрутить.

Вот тут-то я и задумался. А «на добивание» Юра озвучил сумму заработной платы… И задумчивость моя превратилась в тяжкую думу. Я ведь чуть позже Валерьеву не соврал, душой не кривил: служить – готов, а вот реформироваться без конца – надоело. Хоть какой-то стабильности хочется. И, в немалой степени, стабильности финансовой. Словом, еще почти две недели крепко поразмышлял, да и написал рапорт. Пенсию – выслужил, семья и кредиты над головой

Дамокловым мечом не висят. Что теряю даже при самом неблагоприятном раскладе?

До Старопетровска из Питера добраться оказалось проще простого: от Московского вокзала на метро до Обводного канала, там – буквально полкилометра пешком вдоль набережной того самого канала до автовокзала: двухэтажного, обильно застекленного здания серо-бежевого цвета. Табло расписания, касса Выборгского направления. Недолгое ожидание на жесткой металлической лавочке под козырьком посадочного перрона и – снова кресло, на этот раз автобусное, но что забавно, обтянутое такой же темно-синей тканью, что и в «Сапсане», даже узор одинаковый. Автобус, кстати, новый совсем, с тонированными стеклами и негромко шуршащим кондиционером. Вот тут, не буду лукавить, позволил себе слегка расслабиться и банально продрых всю дорогу. Проснулся уже в Старопетровске, когда вокруг меня стремящиеся на выход соседи зашевелились да багажом зашуршали-загремели. Я же, глянув на часы, только потянулся сладко: пусть себе ломятся, толкаясь локтями, после всех выйду - времени у меня еще достаточно, спешить некуда. Даже пешком, если заранее проштудированным Яндекс-картам верить, дойти успею, а уж если на маршрутке – так и вовсе говорить не о чем. Зато выспался и на встречу с потенциальным работодателем прибуду бодрым и с ясной головой.

Вот в маршрутке дремать не пришлось, скорее – строго наоборот, только и успевал, что головой по сторонам крутить. Если честно, то к происходящим в Старопетровске событиям я всегда был совершенно равнодушен – мои интересы в несколько иной плоскости лежали. Разве что краем уха, да краем глаза что-то ловил, когда по телевизору новости экономики передавали. Как раз в промежутке между «чо там у хохлов», подробностями очередного успешного удара наших ВКС по опорным пунктам игиловских упырей в Сирии и новостями спорта. Про футбол-хоккей и прочие водные поло посмотреть тоже хотелось, вот и не выключал. В ожидании радостной вести, что наши разнесли-таки на чемпионате мира по хоккею американцев с разгромным «семь – два» и заняли третье место, приходилось выслушивать про в очередной раз качнувшийся маятником курс доллара, да про котировки на неведомых мне биржах. Про успехи Свободной экономической зоны в Старопетровске по всем каналам трубили чуть не ежедневно, так что – волей-неволей что-то в голове отложилось.

Сейчас, с интересом поглядывая по сторонам, оставалось только констатировать тот факт, что в новостях если и привирали, то исключительно для красоты, чтоб и без того хорошую историю не портить. Но по большей части, похоже, все же говорили правду.

Если меня мой склероз не подводит, еще в две тысячи десятом Старопетровск был обычным провинциальным городком, вроде хорошо знакомых мне Углича, Мурома или, например, того же Моздока. Население в неполные полста тысяч, пыльные, сто лет не ремонтированные улицы с растрескавшимся асфальтом, огромный, широко расползшийся «частный сектор» с его одноэтажными домиками и густыми садами-палисадами за старенькими заборами из потемневших от времени нестроганных досок или покрытого облезающей краской штакетника. Окна с наличниками, дремлющие на завалинках раскормленные и нахальные коты, мелкие, но злобные и голосистые собачонки-«звонки» во дворах, облупившиеся некогда синие почтовые ящики на калитках… На фоне всей этой «пасторали» контрастом - хмурые районы относительно новых (ну, по сравнению с частным сектором) кирпичных двух и трехэтажных «хрущоб» и панельных «брежневок», зачастую носящих одно и то же дико оригинальное название – Черемушки. Видимо, по аналогии с Московскими, кстати, давно снесенными и напрочь перестроенными. Где-нибудь на окраинах – такие же, как и весь городок, запущенные и пыльные, облезлые и насквозь проржавевшие промзоны. «Тяжелое наследие» советской эпохи, когда в каждом городке были свои, пусть и небольшие, хлебо- и мясокомбинаты и прочие молокозаводы, а порой – и что-то более существенное, вроде обувной фабрики в тех же Кимрах или Моздокской фабрики по производству картона. Причем хорошо, если работающие. В заброшенном виде «наследие» выглядело еще более неприглядно.

Что-то мне подсказывает, что точно таким же был и Старопетровск. Просто не мог не быть. А потом, как гром среди ясного неба – указ о создании Свободной экономической зоны. И, поначалу тонкими, но быстро расширяющимися ручейками потекли, а потом – и вовсе хлынули в город инвестиции.

Результаты я прямо сейчас за окошком вставшего на светофоре «Богдана» наблюдаю. Буду честен: круче со стороны смотрелось разве что только мгновенное восстановление Грозного после второй

кампании. И то исключительно потому, что Грозный войной чуть не до фундаментов местами снесен был, а в Старопетровске боевые действия все же не велись. В остальном окружающий пейзаж вызывает точно такое же удивление на грани полного офонарения.

Высоченные, явно за двадцать этажей, здания каких-то бизнес-центров и представительств международный и российских компаний, обилие зеркального или цветного стекла повсюду, широкие тротуары, выложенные цветной плиткой, скверы, парки, фонтаны… Будто и не в России находишься, разве что повсеместные надписи и вывески в реальность возвращают, да отечественные автомобили в потоке машин встречаются, пусть и не особенно часто. В общем, первое впечатление от города: широко живут, богато. Если что и осталось от Старопетровска образца десятого-одиннадцатого года, когда все только начиналось, то где-то совсем на окраинах. Да еще, наверное, какими-нибудь красивыми рекламными баннерами в три слоя те остатки затянуты, что б и не видно было. И ведь даже пяти лет с момента создания Особой экономической зоны не прошло… Да уж, можем ведь, когда хотим! Начинаю подозревать, что не ошибся я, поверив обещаниям Юры-Еркена.

Нужный мне дом, к счастью, искать долго не пришлось – оказался он буквально в паре шагов от остановки маршрутки, разве что на противоположную сторону улицы перейти пришлось, дождавшись зеленого на светофоре. До назначенного времени – десять минут. Чего зря время терять? Пора.

А ничего, тоже весьма и весьма! Этот трехэтажный особняк с колоннами на фасаде и треугольным приземистым фронтоном с лепниной в виде ваз и виноградных кистей, тут, похоже, как раз со времен прежнего Старопетровска остался. Причем – совсем прежнего, не шведского, конечно, но - не исключено, что дореволюционного. Уж больно вид у него… такой, породистый, солидный и основательный. Запросто представляю его себе в роли какого-нибудь дворянского собрания, или еще какого пафосного учреждения образца конца девятнадцатого века

Едва я успел пройти сквозь тяжелые дубовые, похоже, двери с ярко начищенными латунными ручками, как меня что-то словно царапнуло, привлекло внимание. Что? А! Точно! Вот оно даже как…

Скрытые зеркальными, с сиреневым отливом, стеклами со стороны улицы, и легкими бежевыми пластиковыми жалюзи изнутри, окна прикрывали основательные стальные ставни с узкими бойницами, прикрытыми сейчас сдвижными заслонками. Причем, спрятана эта фортификация от посетителей была хорошо. Я заметил исключительно потому, что знал - куда смотреть и что высматривать: видел уже нечто похожее, например, в Москве, в Главном управлении МВД на Житной. И, там же, неподалеку, в здании бывшего РУБОПа на Шаболовке. Интересно, а им-то тут оно зачем? Впрочем… Мало ли. Может у них тут крупные суммы денег хранятся, или еще какие ценности? Акции там всякие, облигации…

Охранник, стоявший возле рамки металлодетектора, «родственную душу» во мне почуял сразу. Даже не знаю, как это словами объяснить… Со стороны, скорее всего на поведение серьезных бойцовых псов похоже: глянули друг на друга коротко, оценили, приняли к сведению. Экипирован, кстати, постовой достойно: светло-оливковые брюки иностранного образца, очень на американские от комплекта ACU* похожие, того же цвета футболка с рукавом до локтя и кепка-бейсболка с гнутым козырьком на голове. На груди слева – эмблема. Если честно, на первый взгляд несерьезная какая-то, не внушающая: раскинувший крылья характерный птичий силуэт внутри стилизованного щита. И надпись: «Стрижи». Вот теперь я точно уверен – прибыл куда нужно. Обут «стрижик» в новенькие «фарадеевские» армейские ботинки. У меня самого такие же были – выдавали в боевой укладке нового образца, прямо перед Олимпиадой. На широком ремне из кордуры справа – открытая пластиковая кобура из тех, что пистолет за спусковую скобу фиксирует. И сдается мне, что в той кобуре – вовсе не «травматик», и даже не служебный Иж-71. Слева – небольшая радиостанция незнакомой мне модели. В левом же ухе – беспроводная гарнитура «хэндс-фри».

- Чем могу помочь? – охранник не скалится фальшиво в тридцать два зуба, как у нас это, вслед за американцами, модно стало требовать от персонала, зато голос у него доброжелательный.

- Татаринов моя фамилия, - представился я. – Александр Александрович. Прибыл на собеседование. Мне на пятнадцать тридцать назначено.

Охранник тут же кивает, похоже, всех приглашенных он наизусть помнит.

- Вам в двести третий кабинет. На лифте на второй этаж и налево. Металлические предметы, мобильный – будьте добры, вот сюда, в лоток. И – проходите.

Выложив из карманов все, способное зазвенеть в рамке, я прохожу через нее и, снова рассовав по карманам кошелек, ключницу и мобильный телефон, направляюсь к лифту.

Кабинеты-офисы тут тоже по американскому образцу: и стены, и двери – стеклянные, разве что от пола и на высоту примерно полутора метров стекло замутненное, непрозрачное. Да номера кабинетов по трафарету на дверях.

Поняв, что в нужном мне двести третьем пока никого нет, дисциплинированно замираю в коридоре, напротив входа.

- Вы входите, - дружелюбно машет мне рукой симпатичная (и даже не исключено, что натуральная) блондинка из соседнего с двести третьим кабинета. - Евгений Витальевич сейчас подойдет.

Ну, раз приглашают… Почему-то мне вспомнился Уилл Смит и фильм «Люди в черном», ну, тот момент, с неудобными креслами и одним на всех столом. Возможно – и тут все не просто так, а со своим подвохом.

Прохожу и устраиваюсь на гостевом стуле. Обычный, таких в любой частной или государственной конторе – двенадцать на дюжину. Пока хозяина нет – можно и оглядеться. Размер у кабинета весьма скромный, зато светло: вместо стены позади рабочего стола и кресла здешнего «письмоводителя» - все тоже тонированное снаружи толстое витринное стекло. Разве что бронированных ставень не наблюдается. Надо же, снаружи старинный фасад сохранили, а вот то часть здания, что во внутренний двор выводит – перестроили основательно. На столе – моноблок компьютера и клавиатура, подставка под какие-то бумаги, хромированный стаканчик-карандашница и… бронзовый бюстик Железного Феликса. Причем, судя по виду, не современный новодел, а еще тех, прежних времен изделие. Небольшой застекленный шкаф с десятком папок-скоросшивателей на полках. В общем, если бы не Феликс Эдмундович – совершенно безликий, стандартный офис средней руки бюрократа получился бы.

За спиной у меня негромко щелкнул язычок дверного замочка.

- Доброго дня, Александр Александрович… Прошу прощения за некоторую задержку. Можете не вставать, у нас тут все по-простому.

Вошедший в кабинет широкоплечий мужчина был старше меня лет, наверное, на десять. Примерно моего роста, широкое загорелое лицо, чуть раскосые карие глаза. Стрижки можно сказать и нет никакой, но едва пробившийся на черепе «ежик» отливает серебром седины. Одет в хороший деловой костюм светло-серого цвета, узел подобранного в тон галстука чуть распущен. Взгляд вроде и спокойный, но пристальный. Серьезный дяденька.

- И вам здравствуйте, - все же привстаю из вежливости я.

- Копец, Евгений Витальевич. Ударение, пожалуйста, на первый слог.

Шутка, явно, дежурная, но забавная. И улыбка у него искренняя. Вежливо улыбаюсь в ответ и жму протянутую ладонь. Рукопожатие у Евгения Витальевича хорошее, крепкое, но без дурной попытки стиснуть руку, словно тисками, столь популярной у отдельных не особо башковитых здоровячков.

- Итак, - Копец приземляется в свое кресло и не глядя, вытягивает с полки шкафчика одну из папок. – Прежде чем мы начнем, порошу вас достать свой мобильный телефон и вынуть из него батарею.

Интересное требование. Но – без проблем. Надо, так надо. Вытягиваю из кармана свою Нокию-112 и извлекаю аккумулятор. Копец удивленно заламывает бровь, разглядывая мой мобильник. Я же, в ответ, гляжу уже на него, причем – с вызовом. Мол, нам ваших дороженных буржуйских Айфонов – нафиг не надо, нам – лишь бы звонить можно было. Тот хмыкает и выкладывает на стол еще более древнюю, монохромную Нокию-1200.

- Туше, - развожу руками я. – У меня такой же был, но потом вторая «симка» появилась, а два телефона таскать – лениво.

Евгений Витальевич снова улыбается.

- Продолжим. Татаринов А.А., тридцать пять, русский, холост, нет, не был, не привлекался… участвовал, награжден… уволен по собственному желанию в связи с выходом на пенсию… Ничего не забыл?

- Рост – сто семьдесят восемь, вес – восемьдесят пять, размер сапог – сорок второй, - с улыбкой подыграл я ему.

Полагаю, все тут происходящее – часть проверки. Так чего из себя «деревянного солдата Урфина Джюса» корчить? Шутит человек – и мы немного посмеемся.

- Про сапоги – это важное уточнение, - с невозмутимым видом кивает Копец. – Что ж, теперь давайте поговорим серьезно…

Глава 3

2024-й.

Конечно, легкой прогулкой сопровождение обоза на почти полсотни верст – не назвать, но и про какие-то особые трудности врать не буду. Ранец с пожитками и скатка плаща – лежат себе в первой телеге, плечи своим весом не оттягивают. А сам я топаю метрах в двадцати перед нашим «конвоем», выполняя функции головного дозора.

Погода, к счастью, немного испортилась. Причем – именно немного: не по-весеннему жаркое солнышко закрыли плотные серые облака, но вот дождь – не капает. Чем такая погода хороша? А вы натяните на себя утепленную флисовой подкладкой брезентовую «горку» и прогуляйтесь в ней пешочком по солнцепеку… Вот то-то!

Выкупленный в лабазе бронежилет – снова на мне. Не такой уж он тяжелый, всего-то семь кило. Зато любой шальной осколок удержит, да и пулю автоматную или даже винтовочную, ну, если та без стального сердечника и не в упор. На мой взгляд – едва ли не самый удачный компромисс между степенью защиты и весом. Ведь в нем не только ходить, но, порой, и бегать приходится. Набитые патронами магазины вновь приятно оттягиваютвниз подсумки РПС. Автомат по-патрульному, стволом вниз, висит поперек груди.

Если честно – сам я вероятность еще одной банды у нас на пути расцениваю как крайне низкую. Ну, не падает снаряд два раза в одну воронку… Хотя, как мой курсовой офицер в училище говаривал: «Все зависит от плотности артобстрела». Поэтому – не расслабляюсь. В лесной шум вслушиваюсь внимательно, по сторонам озираюсь бдительно.

Правда, смотреть вокруг особо не на что. Окружающий пейзаж давно стал привычным: до неприличия расползшийся подлесок, начисто «обглоданные» и ржавые остовы автомобилей, с которых все, что только можно, сняли еще в первые месяцы после немалой силы землетрясения, что крепко тряхнуло здешние края практически сразу после обмена ядерными ударами. Кое-где еще встречаются покосившиеся столбы линии электропередач, шедшей когда-то

параллельно дороге, да прогнившие до дыр дорожные указатели. Ничего интересного. Все, что можно было хоть как-то использовать в хозяйстве – выжившие укатили своим ходом, утащили волоком или «с мясом» выдрали и унесли еще семь лет назад. Теперь в придорожном кювете – лишь груды ржавого, ни на что не годного хлама.

Зато где-то впереди, судя по едва различимому пока звуку – движется нам навстречу хлам, сохранивший определенную ценность. Даю короткую отмашку возницам на телегах и трем моим помощникам из числа поселковых, что с оружием в руках караван сопровождать отправились. В принципе – особых проблем быть не должно, но береженого – бог бережет.

Бензин в здешних краях – удовольствие очень недешевое. Нет, с нефтью особых проблем нет – она даже в Тверской области имеется. Не Кувейт, конечно, и не Самотлор, но «для внутреннего употребления» - вполне достаточно. Но сначала ту нефть нужно добыть, потом - перегнать в паршивый, желтоватый и не могущий похвастаться сильно высоким октановым числом бензин на «нефтеперегонных заводах», до боли похожих на чеченские самодельные бочки-«самовары» времен обеих кампаний. А бензин – довезти в целости до покупателя. Что в нынешние разбойные времена – тоже задачка не из легких. Словом, позволить себе кататься на машине может только кто-то очень состоятельный. И авторитетный. А судя по останкам здоровенного дорожного указателя, мимо которого мы прошли минут десять назад, до Никольска осталось десять километров.

Собственно, лично для меня пазл сложился – патруль местечковой «княжьей дружины» окрестности объезжает, обозначая присутствие, пока сам «князь» в отлучке. Это до дальних выселок никому и дела нет, а в непосредственной близости от базы должен быть порядок.

Но, кто бы там ни был, осторожность в наше время – залог выживания. Возницы свели свои непарнокопытные «средства передвижения» с проезжей части на обочину, и, вместе с охранниками, укрылись за телегами. Сам же я занял позицию за почти уже рассыпавшимся остовом перевернутого на бок китайского грузовичка «Фотон». Каким бы ржавым китайским барахлом он ни был, блок двигателя практически любую пулю остановит, давая вполне надежное укрытие. Впрочем, до стрельбы дойти не должно. С чего бы?

Через несколько минут из-за поворота дороги, рыча, тарахтя, плюясь сизым выхлопом низкокачественного топлива и гремя железом на ухабах, выкатило нечто, имеющее в предках автомобиль «Жигули» пятой или седьмой модели. Точнее не скажу. Радиаторная решетка, по которой и можно было снаружи отличить «семерку» от более ранней «пятерки» - отсутствует как класс. И не только она. Еще нет габаритов, одной фары и крыши. И задние двери заварены наглухо, Зато поверх лобового стекла грозно покачивает хищным узким «жалом» дульника установленный на самодельном вертлюге пулемет ПКМ. И угрожающе, и убого одновременно.

А чего вы хотели? Это только в красивых иностранных фильмах постапокалиптического жанра все на крутых до умопомрачения «Доджах Рэм 2500» раскатывают. В реальности же выясняется, что если в бак этого «Рэма» залить ярко-желтого, будто моча нездорового человека, бензинчика марки… эээ… ну, примерно, Аи-70 (и это еще если повезет), то ездить этот почти шестилитровый мастодонт будет очень плохо. И очень недолго. И это еще не учитывая того факта, что по хорошей дороге (про бездорожье лучше вообще промолчать) жрет он, зараза, порядка двадцати пяти литров бензина на каждую сотню километров. Ага, того самого весьма и весьма дорогостоящего бензина… Ну, а вопрос технического обслуживания я даже обсуждать не буду.

У меня самого в одной хорошо замаскированной тайной «заначке» стоит, дожидаясь «часа икс», законсервированный по всем правилам бронированный внедорожник СПМ-1, тот, который «Тигр» в первом варианте омоновской комплектации. Ну, в той, что с общим салоном, без перегородки между водителем и пассажирским отсеком и без штатных креплений под вооружение на крыше. И в светло-сером окрасе, а не в «уставном» армейском хаки или камуфляже. Семитонная дизельная бронированная по третьему классу дура, из тех, что застрянут там, куда другие даже не доедут… Как говорил герой одного замечательного фильма: «Махнул не глядя»… Вот-вот, урвал когда-то по случаю. А толку? Ни качественного дизельного топлива, ни запчастей, ни денег на них. А продавать – жаба задавит насмерть. Так и стоит зверюга в ухоронке, ждет своего часа, который, вполне возможно, и не наступит никогда…

Меж тем пусть и несколько нелепая, но вполне ухоженная, без следов ржавчины на кузове, «колесница апокалипсиса» замерла, громко тарахтя двигателем, метрах в тридцати от нас. Старший обоза, видимо, узнав машину или кого-то из четырех ее пассажиров, вышел на дорогу и приветливо махнул рукой. Настороженно смотревший в нашу сторону пулемет слегка опустил вниз ствол. Опознались. Ну, и ладненько.

Сейчас начнется насквозь привычное и знакомое действо: доблестные защитнички получают «безвозмездо, то есть дадом», просто за то, что они такие хорошие, от благодарных защищаемых всякого разного. В этот раз в роли «разного» выступали «дары природы» - одуряюще вкусно пахнущий копченый свиной (или даже кабаний, охота в здешних краях и раньше великолепная была, а теперь – и подавно) окорок и пластиковая бутылка-полторашка весьма неплохого (довелось продегустировать, пока деньги еще были, понятно, исключительно в лечебных целях, ага) деревенского самогона. Я в происходящее не вмешиваюсь. В машине – люди Гвоздя, местного «князя», крестьяне – под его защитой живут. Так что происходящее сейчас – не мое дело. Это не грабеж, это – ясак*. Древняя, освященная веками традиция.

Процесс «подношения даров» уже почти закончился, когда взгляд самого молодого «дружинника», развязанного и наглого парняги лет двадцати пяти, вдруг зацепился за меня.А, скорее всего, даже не столько за меня, сколько за мою весьма хорошо и дорого выглядящую снарягу.

- Оба-на, а это чо за фраер? Сюда иди…

А вот этого я не понял! Он что, не сообразил, с кем разговаривает? Плохо, забывать нас тут начали… Будем память лечить.

- Помело придержи, сопляк, - зло огрызнулся я. – Щаз, побежал уже. Шнурки только поглажу…

Ничего не могу с собой поделать, бесят меня они все, и «князьки» местные, экс-уголовнички, и «дружинники» их, из того же дерьма слепленные.

- Чо сказал?! Да ты не охренел, чухан?! – молодой подался вперед, перекидывая из-за спины обшарпанный и какой-то выцветший полицейский «окурок» - АКС-74У.

- Замер, мля!!!

Лязгнул сталью затвор, досылающий патрон в патронник. Опешивший от происходящего «дружинник», раскрыв рот «медитировал», уставившись точно в «зрачок» дула моего автомата.

Первыми ситуацию просекли старший обоза, кубарем порскнувший в кювет, и пулеметчик, развернувший в мою сторону свою «шарманку». Вернее – попытавшийся, потому как и угла разворота вертлюга не хватило, и замерший столбом борзый молодой пулеметчику линию огня перекрыл. А вы что думали? Нашли дурака за четыре сольдо? Я в эти игры с девяносто девятого года играю! Этот вот молодой да борзый в тот день, когда я в первый раз в человека выстрелил, еще, наверное, сиську мамкину сосал. А все туда же…

- Так! – гаркнул я. – Кто в этой кодле старший?! Или вы в этом лесочке сдохнуть решили?!

- Ну, я старший, - отозвался водитель «колесницы», сейчас сосредоточенно пытающийся поймать меня в прицел почти такого же, как у молодого «окурка» так, чтобы при этом и в самого молодого не попасть.

Ну-ну, удачи в нелегком деле! Краем глаза подмечаю, что и охрана, и возницы обоза уже заняли позиции под телегами и изготовились к стрельбе. Если «дружинники» окажутся настолько отморозками, что решатся на убийство «хэдхантера», то и деревенских никто не пожалеет, такие свидетели никому не нужны. Так что – вариантов нет, или стрелять – или самих убьют. А последствия… В здешних лесах всякое произойти может. Где потом виновных искать? А вот жить - хочется. Так что обозники, пусть и поневоле, но на моей стороне.

- Обзовись!

- Ну, Цыган я, и чо?

- А я – Франт. Все еще хочешь воевать? Или говорить будем?

«На том конце провода» - пауза секунд на десять… Похоже, Цыган переваривает полученную информацию. Потом, явно приняв решение, старший патруля опускает автомат и встает в полный рост.

- Слышь, Мотыль, - обращается он к замершему передо мной библейским соляным столбом молодому. – Положи-ка волныну и поди-ка сюда.

Медленно, явно опасаясь моего выстрела и совершенно не понимая реакции своего старшего, названный Мотылем молодой

«дружинник» опускает «ксюху» на растрескавшийся асфальт и, не сводя с меня настороженного взгляда, пятится к «жигулю». Где Цыган встречает подчиненного коротким и хорошо поставленным ударом в ухо. А потом, подняв его за шиворот, и что-то начинает ему шепотом втолковывать, тихо, но зло и экспрессивно. До меня доносятся лишь обрывки: «мудило», «подставить», «башку оторвут»… Но и этого мне вполне достаточно: старший товарищ, не стесняясь в выражении эмоций, объясняет своему более молодому коллеге, кто такие охотники за головами и чем чреват всплывший конфликт хотя бы с одним из них. Пулеметчик, кстати, тоже внимательно прислушивающийся к тому, что сейчас там Цыган вещает, проникся и пулемет чуть ли не в противоположную от меня сторону отвернул, во избежание. Приятно, когда тебя воспринимают всерьез.

- Ты, это… Франт, не держи зла, - закончивший «воспитательную работу» с подчиненным Цыган пытается урегулировать конфликтную ситуацию миром. – Молодой он, тупой. Но все осознал, больше не повторится…

- Ладно, - делаю вид, что сменил гнев на милость я. – Гвоздю от меня – поклон, как вернется. И молодых своих – учите. Даже самых тупых. Или второй Чухломы хотите?

При упоминании названия древнего городка, стоящего на берегу Чухломского озера, у Цыгана непроизвольно дергается левый глаз. Эк его торкнуло! Неужто участвовал? Ну, так даже лучше. Больше шансов, что впечатлится. Это молодые, вроде того же свежеотоварившегося Мотыля – только страшные сказки слышали про чухломскую бойню. Как говорится: «Дела давно минувших дней…» А вот тот же Цыган, похоже, сам там был, а потом молодняку жуткие истории на ночь рассказывал.

И все же, как они мне надоели все! И старые уркаганы-«дружинники», и молодняк их наглый, агрессивный и безбашенный. Решено – довожу поселковых до ярмарки, получаю пусть и невеликий, но честно заработанный гонорар за «проводку», закупаюсь летним шмотьем и ухожу, к чертовой матери. В Вятку. Там пусть при власти тоже далеко не ангелы, зато от контингента вятских ИТК, той его части, что вовремя не поняли, что к чему, и не встали на путь исправления и сотрудничества с администрацией (ну, или не

сбежали подальше), а попытались, подобно вологодским уркам, права качать – одни безымянные могилки остались.

Народ там такой… Добрый, но отходчивый. Вятка – вообще место интересное. Тортуга, мать ее, среднеполосная, речная и частично сухопутная. Ну, и народ там проживал – соответствующий. Как говорится: сложной и богатой судьбы.

Коренные жители тамошних краев - вятичи. Читай - лесовики, индейцы местные, российского розлива. Испокон века - браконьеры и конкретное такое ворье, мимо чужого добра ни в жисть не пройдут, за свое – руку протянувшуюся, отгрызут по локоть. Потом к вятичам приплыли еще более злобные новгородские, слегка отрихтовали эти банды, объяснили, кто в доме хозяин и поставили под свое командование. А дальше – почти три сотни лет натурального беспредела. Вятские ушкуйники* такого джазу давали, что таки просто ой-вэй. Столицу Золотой Орды - Сарай пресловутый, не единожды пожгли и ограбили. Тот самый Сарай, которому вплоть до Дмитрия Донского Московское княжество (да и не только оно) дань платило.

Как только награбленное заканчивалось, и пропивать становилось нечего - братаны прыгали в тонированные «бэхи» и мчались коммерсов лоховатых трамбовать... Эээ.. Прошу прощения, это уже слегка из других времен… В общем, рассаживались в свои ушкуи* и плыли в Сарай за золотишком и бабами. Словом, нормальные парни были, чисто конкретные. В наши «лихие девяностые» вписались бы как родные, толком даже не переодеваясь.

Так вот, потомки тех самых ушкуйников в Кировской области до сих пор обитают. Окультурились, конечно, к началу двадцать первого века, но когда рухнула государственная власть, и началась анархия, оказалось, что память предков - она никуда не девается. Когда самовольно «досрочно освободившийся» контингент многочисленных исправительно-трудовых учреждений, которых под Кировым было куда больше, чем вокруг Вологды, дорвался до оружия из практически не охраняемых арсеналов кадрированных войсковых частей… Когда вооруженные уголовники попытались установить в округе свои порядки… Вот тогда-то «пиковую масть» и ожидал большой и очень неприятный сюрприз: потомки тех самых ушкуйников памяти предков не посрамили и взялись за оружие.

Сам я в тех событиях не участвовал, именно в то время мы были несколько северо-западнее и тоже были заняты, но рассказов – наслушался. И даже если поделить все услышанное, как и положено, «на восемь» - все равно выходило нечто эпичное.

Первыми поднялись «в ружье» базировавшиеся в самом Кирове отряд спецназа УФСИН «Алмаз» и тамошний же, кировский, ОМОН. Буквально на следующий день они наладили плотное и плодотворное взаимодействие с руководством отдельного батальона охраны и разведки Ракетных войск стратегического назначения. Это, если кто не в курсе, те самые ребятишки, что от злобного супостата из числа американских «морских котов» и прочих британских САС берегут и охраняют наши «Тополя» и разные другие «Искандеры». Весьма суровая получилась компания. К которой массово начали присоединяться местные «неравнодушные граждане». Все как один – при оружии. Кто при «гладком», кто при «шершавом» - тут уж у кого на что стажа охотничьего хватало. Но поголовно– решительно настроенные защищать от уголовников свои семьи.

Словом, несмотря на изначальное подавляющее превосходство в количестве «активных штыков» (вроде бы, что-то порядка пятнадцати тысяч «зе-ка» по вятским колониям тогда сидело), шансов у зеков, не было ни малейших. Выжили тогда только те из них, кто вовремя успел это понять. И рванул, теряя тапки, в любую показавшуюся подходящей сторону со ставшей враз столь негостеприимной вятской земли. Все остальные – нашли свой последний приют в разных оврагах, рвах и канавах. Вятские леса – они большие, их на всех хватило. И даже теперешние вологодские «князья», вошедшие за последние годы в немалую силу, в Вятку соваться давно уже не рисковали. Слишком уж редко кто из них потом назад возвращался.

Впрочем, была у этой медали и другая сторона: нас, охотников за головами, кировчане тоже особо не привечают. Нет, не стреляют без единого слова, и даже не гонят… Терпят, так вернее будет. Терпят, но и не более.

С другой стороны, и друзья у меня в тех краях тоже имеются. Настоящие, старые и верные. Из тех старых, что лучше даже не двух, а практически любого количества новых. И поэтому - решено! Теперь мой путь лежит на восток. Разве что прежде чем отправляться, нужно все же довести до ярмарки обоз и самому там малость прибарахлиться.

Обоз до Никольска дошел без каких-либо затруднений. Да и откуда бы им взяться, затруднениям? Все же в обитаемые места вышли. К таким городам даже в отсутствие «князя» налетчики с Пустошей если только кочевой ордой «на огонек» заскочить решатся – все ж таки торговый центр не из последних. Но я случаев прорыва ордой на север аж до уровня Кирова или Вологды – ни одного не припоминаю. Их гораздо раньше останавливают. Ну, или – не останавливают, тут уж как повезет. Но и тогда орда севернее не идет - бандиты предпочитают нагрести всего, до чего руки дотянутся, и назад с награбленным уходить. Слишком сильно углубляться в обжитые земли – чревато. Чем дальше на север заберешься – тем больше шанс, что за спиной капкан захлопнется. А свой Темуджин в Пустошах не появился пока. И, очень надеюсь, не скоро появится.

Да и вообще орда – это в здешних краях, скорее, этакий жупел, которым «князья» да странствующие торговцы крестьян пугают. Первые – чтобы поборы свои обосновать. Мол, видите, от каких страшных угроз мы вас, сермяжек серых, не щадя живота защищаем? Вторые - чтобы за товар содрать побольше. Как же, такими трудами доставлено: пули пополам с сапогами свистели над головами. У кого после таких рассказов язык повернется торговаться?

А вот вживую орду я лично наблюдал один единственный раз, три года назад под Йошкар-Олой. Ходил в ту сторону за головой одного сильно непоседливого убийцы. Он думал, что уйдет в те края – и все, с концами. У родственников убитых на эту тему мнение было противоположным. Ну а меня, как того хрестоматийного волка, кормят исключительно ноги. Рванул вдогонку. Ну, и влетел там в конкретный переплет. Хотя – нет худа без добра: и голову убийцы заказчикам доставил, пусть и изрядно подтухшую, но вполне узнаваемую. И на продаже добытых в бою трофеев деньжат слегка приподнял. И среди сплоченной и весьма в тех краях авторитетной общины казанских татар, что с Волги в марийские края подальше от радиации ушли, хорошими знакомцами обзавелся, почти что друзьями. Бой бок обок против общего врага, он, знаете ли, здорово людей сближает. Особенно если враг был превосходящий по силам и в победу сперва, мягко говоря, верилось как-то с трудом. Зато теперь, случись мне снова в Марий-Эл оказаться – и меня там знают с хорошей стороны, и мне будет, куда переночевать заглянуть.

В Никольск пришли уже в стремительно сгущающихся весенних сумерках. Но ворота городские все еще открыты, что не удивительно – завтра базарный день, народ со всей округи собирается, где уж всем до темна успеть? С моего последнего визита тут ничего не поменялось: узкий – едва двум телегам (ну, или легковым машинам) разъехаться деревянный мост через Юг, вполне основательная, хоть и из всего подряд собранная крепостная стена на более высоком правом берегу, окружающая весь город. Впрочем, было б там что окружать… Размерами городок, прямо скажем, не поражает. Но и для этой «стройки века» пришлось горожанам в прямом смысле «до основанья, а затем» разобрать все дома в пригородных деревушках, вроде тех же Соколово и Аксентьево, через которые мы прошли буквально пятнадцать минут назад. Там кроме дорожных указателей и ям – бывших некогда фундаментами, и не осталось ничего. Даже кирпич и блоки, из которых фундаменты домов сложены были, и те из земли вытащили и в дело пустили.

На воротах нас долго не мурыжили: мне достаточно было представиться, а со старшим обозником начальник поста охраны явно оказались старыми знакомцами. Пропустили без вопросов, разве что меня попросили магазин от автомата отомкнуть и без крайней нужды в городской черте его назад не примыкать. Во избежание проблем с «дружиной». Ну, это дело обычное. Перестрелки с применением автоматического оружия в черте населенного пункта вообще мало кому нравятся. Тут еще вполне лояльно: про пистолет слова не сказали, и «длинномер» в специальную «камеру хранения» на время пребывания сдать не потребовали – и то хорошо. А то я и такие варианты видал.

Вполне по-дружески распрощавшись с обозниками на краю базарной площади, что раскинулась на месте бывшей Набережной улицы. Ну, по крайней мере, именно это название значится на жестяных табличках, что висят тут на домах. Ага, на обоих. Такая вот «улочка в два дома, где все просто и знакомо». Причем, это уже не последствия войны и катастрофы. Их тут, если местным верить, всегда всего два и стояло…

Сама базарная площадь сейчас почти что опустела. Что не удивительно – суббота только завтра, да и на дворе считай, что ночь уже. Это вам не круглосуточные гипермаркеты прошлых времен. Тут все просто и патриархально, закрываются рано. Но хозяева одной

лавки меня тут примут в любое время дня и ночи. Да еще и скидку дадут. Ну, по крайней мере – обещали. Опять же, лавка у них как раз по нужному мне профилю.

Прошлепав по толком не подсохшей грязи вдоль наполненной водой колеи, что тут заменяла улицу, свернул вправо, на перпендикулярную Набережной улицу Красную. Тут и домов было побольше, и заборы с воротами вокруг них крепкие, основательные. И даже кое-где асфальт из-под толстого слоя грязи выглядывает. Фрагментарно.В общем, по здешним меркам – очень даже приличный район.

Собака во дворе гулко и злобно забрехала еще до того, как мой кулак коснулся обитой кровельной жестью воротины. Колотить долго не стал, за меня лохматый четвероногий сторож хозяев потревожит.

- Кого там черт принес посреди ночи?! - минуты через три рыкнул здешний хозяин из-за забора очень недовольным голосом. – А ну проходи мимо, а то пса спущу.

- Где ночь-то? – невозмутимо возразил я. - Да и гостей тут, смотрю, встречают ласково… А, помнится, сколько текста было… Заходи, дорогой ты наш… Всегда будем рады…

- Александр, ты?! – эмоции и тон невидимого собеседника резко поменяли полярность, а на воротах изнутри загремел тяжеленный, судя по звуку, засов.

- Нет, блин, Пал Иваныч, это – не я, а мой злобный брат-близнец. А меня – убили давно…

- Ты так глупо не шути, - хозяин широко распахнул калитку в воротах и еще шире – объятья. – Заходи, дружище, тебе тут, и, правда, рады всегда. Где пропадал?

- Отпусти, медведь, задушишь, - сдавленно прохрипел я, пытаясь вырваться из натурально медвежьего захвата.

Да уж, не обидела природа здоровьем человека: такому только с медведями да гориллами брататься. И, видимо, в качестве компенсации, она же наделила Павла Ивановича Павлова, одного из самых крепких и удачливых здешних торговцев, хозяина вполне приличных размеров магазина и полудесятка лотков на здешнем базаре, на редкость добрым и незлобивым, я бы даже сказал – кротким нравом. А вот торговля у «доброго медведя» была весьма многопрофильная. В основном продавал он изделия из кожи и меха:

плащи, куртки, зимние дубленки, полушубки и тулупы, по шорному направлению много разного – и упряжь конская, и разные ремни, сумки всякие, ранцы, ножны… Но обычной одеждой и армейским форменным обмундированием с каких-то мне неведомых складов да разным снаряжением – тоже подторговывал. Что, в общем, не удивительно. В здешних лесах Росрезервовских складов много было. И не только об их существовании, но и о точном местонахождении знали многие… Так чего добру просто так лежать без дела?

Примерно с год назад я с Павлом и знаком толком не был, так – только в лицо знал, да по имени. А потом приключилась у него беда – выкрали жену и годовалого сына. И записку с требованиями о выкупе во двор подбросили. Денег запросили весьма приличных, да еще и пригрозили в случае отказа присылать родных Павлу частями. Очень маленькими.

К «дружинникам» с такой проблемой идти – дело пустое. Найти, может, и нашли бы, все-таки знать все и про всех – это у «урок» всегда нормально поставлено было. Но вот в том, что люди Гвоздя смогли бы заложников живыми вернуть – тут я что-то очень сильно сомневаюсь. Не та у парней специализация, не под то изначально «заточены». Похоже, Павлов был о них ничуть не лучшего мнения и начал собирать выкуп …

Но тут на его счастье объявились в Никольске мы. Буду честен – один я, скорее всего, и браться не стал бы. Но было нас тогда трое: я, Дима Усатый – бывший взводный из «войск дяди Васи», и Тёма Фишер – бывший армейский же «особист». Вообще в войсках сотрудников «особых отделов» традиционно не любят, но, по-хорошему, грамотный армейский контрразведчик – это тот еще зубр, многим операм из уголовного розыска фору дать может.

Вот мы и взялись, «сообразили на троих». Тёма – головой работал, мы с Дмитрием – ногами, руками… ну, и пострелять пришлось немного, не без того. Жену и сына Павлову вернули без единой царапины, ну, разве что с теми синяками и ушибами, что им в процессе похищения организовали. Доморощенных «киднепперов» тоже живьем взяли, пусть и изрядно покоцанными. Но на их лечение никто тратиться все равно не собирался – вздернули их прямо перед центральными воротами на въезде в Никольск. Правосудие в

последние годы вообще здорово упростилось – никаких тебе дорогих адвокатов, никаких продажных прокуроров.

В общем, Павел получил назад семью, а мы, помимо денег за честно сделанную работу, еще и сильно благодарного нам человека. Весьма, к слову, состоятельного человека. Который хоть и выплатил нам оговоренный за работу гонорар копейка в копейку, но сам же заявил, что он наш вечный должник и предложил обращаться за помощью в любое время.

Я, правда, до сегодняшнего дня старался обходиться без «привлечения административного ресурса», в смысле – своими силами справляться, не дергая по мелочам пообещавшего когда-то неограниченную помощь человека. А вот сейчас его поддержка совсем не помешает, уж слишком сильно я поиздержался.

А Павел меж тем, тащит меня в дом, попутно отдавая кому-то указания по поводу накрытия стола. Судя по заспанным физиономиям прислуги – тут уже на самом деле спать ложились… М-да, как-то неудобно получилось, нужно было утром зайти… А с другой стороны – до утра тоже где-то перекантоваться нужно. Постоялый двор? Гостиница? Ага, конечно… Вы пробовали найти себе свободное койко-место в торговом городке накануне ярмарки? Вот и не пробуйте – сплошное разочарование ждет. Так что, вариантов было ровно три: ночевать прямо на улице, попытаться приткнуться где-нибудь с краю на обозной телеге, или – к Павлу Ивановичу… Ну, думаю, причину моего выбора вы уже понимаете.

- Давай-давай, проходи, - тянет меня за стол гостеприимный хозяин. – Куда запропал, спрашиваю? И… слушай, да ты похудел никак?

- Похудеешь тут, - хмыкаю я.

В общем, под немудреный, но сытный поздний ужин – картошка с грибами и свиная отбивная, да с обязательным принятием внутрь, как Иваныч провозгласил: «Не пьянства окаянного ради, а здоровья для!», выкладываю Павлову историю своих злоключений за последние четыре месяца. Тот лишь сочувствующе кивает, а потом по-простому, без изысков, переходит к делу.

- Помочь чем могу?

Я тоже решил жеманную девицу не изображать. Павел – человек хороший и прямой, так чего мне кружева плести? Ну, и выкладываю

ему, как на духу: и про то, что из одежды осталось только то, что на мне, и про радиометр, в чужие руки безвозвратно уплывший, и про гранаты, вернее – их отсутствие…

Торговец на пару мгновений задумался.

- Гранаты и патроны – это не ко мне, но я тебя к хорошему человеку с рекомендацией направлю, он подсобит. А остальное – подарю, только утра давай дождемся, чтоб впотьмах по полкам не шарить.

От столь щедрого, просто царского предложения я стоически отказался. Хотя и пришлось при этом придушить, будто гидру мирового империализма, оживившуюся было при сладком слове «халява» земноводную тварь, именуемую в простонародье «жабой». Как же она верещала! Но Иванычу я честно сказал – нахлебником быть не желаю, кое-какие деньги имеются. Поэтому – никаких подарков. Вот за хорошую скидку буду признателен. Как и за наводку на какую-нибудь работенку по моему профилю. А то ведь отдам все деньги за нужные вещи, а самому потом что – зубы на полку?

Иваныч хоть и поворчал немного, но гордость мою пожалел и пообещал устроить специально для меня «эксклюзивную распродажу». А что касается работы… Тут он вновь задумался.

- Есть у меня один деловой партнер… Костя Гольденцвайг. Он сам вообще-то из Ярославля, через нас мимоходом на Емву ходит. За бензином. Его туда из Ухты по «железке» возят. Ну, Ухта… - поняв, что пошли лишние уже подробности Иваныч возвращается к изначальной теме. - Баржа у него – танкер плоскодонный. Так вот, он как раз сейчас у нас, в Никольске, ремонтируется, закончил почти.

Так, вот это уже интересно, похоже, что-то наклевывается. Фамилия делового партнера, врать не буду, вызывает улыбку. Ну, да, куда уж без них! Но фамилия - фамилией, а вариант вытанцовывается чрезвычайно доходный. Если все получится, конечно. Уроки географии я в школе не прогуливал. Ухта – это «Лукойл» и «Газпром». Ухта – это нефть. Много нефти. И Костя этот, видать, мужик лихой и отчаянный. Из Ярославля в наши края идти – это, пусть и краем, но весьма и весьма опасные места цеплять. До того же Нижнего там – всего ничего. А Поволжье, я, вроде, говорил уже – после ядерного удара – место мертвое, гиблое. Долбили там чуть ли не кобальтовыми*… Кто,

зачем – сейчас правду уже не выяснить. Но подляну всем нам тогда обеспечили качественную и надолго.

- … Напали на него какие-то совсем контуженные утырки, - продолжает Павел. – Вообще без ума – он же только туда шел, за горючкой… Хотя, может им горючка особо и не нужна была, с ней же возни много… Возможно – на казну целились… В общем, отбился он, но и баржу ему малость отрихтовали да проперфорировали, и охрану проредили. Вот он сейчас и болеет головой: и с неполной группой охранников дальше плыть – нельзя, и назад повернуть – контракты сорвутся, доверие покупателей потеряет, и на борт такого «золотого» кораблика незнакомых вооруженных мужиков пускать – себе дороже выйти может…

Да уж, тут не поспоришь: на бензиновый «наливняк» вербовать неизвестных тебе лично охранников – это все равно, что команду на галеон испанского Золотого флота в порту все той же Тортуги набирать. Добром не кончится.

- А мы с ним – знакомы давно, считай, с первых дней как со стороны Ярославля к нам снова торговые суда пошли, - добирается, наконец, до конца истории Павлов. – Могу тебя ему рекомендовать. Мое слово – крепкое, об этом все знают.

Хм, а что? Весьма дельное предложение. Бензин в наши времена и в наших местах – очень даже в цене, я об этом рассказывал уже. Охранник на плавучей «керосинке» - работа денежная. Опасная, конечно, так и сейчас я тоже не в домино с пенсионерами играю. Чего теряю-то? А вот в активе – весьма приличные деньги. И возможные подвязки с продавцами топлива. А у меня, между прочим, если помнит кто – бронированный дизельный «железный конь» припрятан. С совершенно пустыми баками.

- Знаешь, Павел Иваныч, если все получится – считай, что ты свой долг отдал до копейки, да еще с процентами.

- Не мерил бы ты, Саша, жизнь моей семьи на деньги, - слегка насупился хозяин дома.

- Даже и не собирался, - решительно рублю воздух ладонью я. - Но и ты мне сейчас такую услугу оказываешь, что….

В общем, мы оба и без слов друг друга отлично понимаем. Чокаемся маленькими, буквально по пятьдесят капель, лафитничками

и выливаем в себя настоянную на лесных травах самогонку. Хууу, хорошо пошла.

Поутру, как Павел и обещал, направляемся в его основную торговую точку – магазин, расположенный на первом этаже одного из тех самых двух домов на Набережной улице. Я, едва войдя, игнорируя длинные ряды вешалок с кожаными плащами да куртками, сразу топаю к полкам со снаряжением. Но Иваныч меня притормаживает.

- Там все для обычных покупателей, Саш. Хорошее – я дерьмом не торгую, но не более. Иди за мной.

Хм, помнится, раньше, ну, до личного знакомства, я именно тут и покупал всякую разную нужную в долгих пеших походах мелочевку, а порой – и посерьезнее что. И на качество не жаловался. А тут, оказывается, вон все как… Что ж, раз хозяин приглашает – сходим, мы не гордые

Ох, вот это ни… чего себе! Не склад, а пещера Аладдина просто. И не боится он такое на ночь оставлять? Впрочем, вооруженный ночной сторож у него имеется, дневной продавец – тоже не мальчик тщедушный, а вполне себе крепкий парняга, да еще и с открытой кобурой из формованной кожи на поясе. Из кобуры многообещающе торчит черная бакелитовая рукоять ТТ. Да и в целом ворье в Никольске - не приветствуется. Гвоздь, видно, совсем о «корнях» своих забыл. Ну, или просто конкурентов на своей «делянке» не терпит.

Пока я все это в голове обкатываю, мой восторженный взгляд скользит по полкам, а в душе снова поднимает голову недобитая вчера вечером жаба.

- Красота! – искренне восхищаюсь ассортиментом я.

- На том стоим, - гордо, без ложной скромности отвечает Павлов. – Размер у тебя какой?

- Пятидесятый, пятый рост, - на автомате отвечаю я, продолжая разглядывать полки со снаряжением.

На ближней ко мне рядком стоит десяток камуфлированных сумок-баулов с «боевыми укладками» для спецподразделений МВД. Их я ни с чем не перепутаю – сколько лет такие же со склада получал. Два здоровенных туго набитых чувала, в которых чего только нет.

Три комплекта летнего и три комплекта зимнего обмундирования: черного цвета и два камуфляжных – синий и зеленый «камыш», три ветроводозащитных костюма – тут к двум камуфляжным еще зимний,

белого цвета, добавлен. Летний маскхалат, модульный разгрузочный жилет с внушительным набором подсумков, ранец на каркасе, раза, примерно, в полтора больше моего РД-54. Ну, и по мелочи – кепки, опять же – трех расцветок, полотняная маска, вязаный подшлемник… Ага, три портсигара, три магнитофона, и куртка замшевая – тоже три… Очень хороший набор, но мне – не подходит категорически – просто не упру я на себе столько. Да и денег на все это, даже с учетом обещанных Павлом скидок, у меня все равно нету, сколько не скреби по сусекам. Значит – будем скромнее и проще.

Чуть дальше – стопка весьма неплохих на вид штурмовых ранцев, в некогда очень модной расцветке «мультикам». Чисто на глаз, по объему больше моего РД раза в два с половиной, да еще стропами «молле» обшит, чтоб, значит, «на внешнюю подвеску» что-то закрепить можно было.

- Иваныч, это чьих будут? – указываю я пальцем сложенные ранцы.

- «Армотех», - не задумываясь отвечает тот. – На базе армейского комплекта «Ратник» коммерция, для разных страйкболистов и просто любителей всякого «тактикульного» шили. Хороший, объем – тридцать пять литров, не туристический рюкзак, конечно, но…

Он выразительно косится на мою древнюю «эрдэшку». Ну, да, у нее «литраж» совсем скромный – ровно двенадцать. Правильно угадав мой настрой, Павел снимает со стопки ранцев верхний.

- Еще и твой заберу, по «трейд-ину», - ухмыляется Павлов. – На вид он у тебя, вроде, крепкий. И почти не грязный. Кто-нибудь обязательно возьмет из…. не шибко состоятельных.

Эпитет он явно хотел употребить другой, но, видимо, вспомнил, что и меня сейчас можно к тем самым «не шибко состоятельным» отнести запросто. Вот и поменял на ходу формулировку, чтоб не обидеть.

- Маскхалат тебе какой?

Я даже задумался, не зная, что ответить.

- Да любой, в принципе. Хоть «березку», хоть «партизана»*, лишь бы по качеству хороший был и ткань – не на носовые платки…

- Я тебе уже сказал – дерьма не держим, - пыхтит в ответ Павел, взбираясь по невысокой приставной лестнице. – А «излом» возьмешь? Ну, который для Внутренних войск делали?

- Это тот, что с немецкого «флектарна» содрали? В принципе – нормальная расцветка, возьму.

- Вот и хорошо.

Сверху прямо мне в руки планирует «конверт» маскировочного костюма, сложенного и перетянутого тонкой тканевой тесемкой. Тоже, к слову, камуфлированной. Сразу видно – прежних времен продукция. Сейчас над таким никто даже не заморачивается.

- Белье нательное, футболки, портянки?

Ну, портяночной ткани у меня теперь в достатке, спасибо приблудным дорожным грабителям, а вот по остальному…

- Офицерское нательное есть?

- А то. И армейское и ментовское.

- Тогда армейского комплект… Нет, лучше все-таки два.

- Два, так два, - покладисто соглашается Павлов. – А кроме маскхалата на лето ничего взять не думаешь?

- А есть что действительно стоящее?

Вместо ответа Павел смотрит на меня с легкой укоризной, будто я его обидел невзначай.

- У меня, Саша, много чего есть. И армейского «камуфла», хоть «флоры», хоть «цифры» - полно, и из комплекса, что для ССО* пошить успели, и разной «коммерции»… Даже вот чего есть…

Павлов гордо демонстрирует куртку с каким-то нелепым, будто ребенком нарисованным трехцветным рисунком камуфляжа.

- Это что за убожество?

- Сам ты – убожество. А это – финский камуфляж М-91 «паттерн».

- М-да? – с сомнением оглядываю я куртку еще раз. – Не, пускай эти твои финны в таком сами ходят.

- А вот такое как? – совершенно не обидевшийся на пренебрежение его «сокровищем» Павел вытягивает откуда-то и показывает мне до боли знакомый китель все в той же расцветке «мультикам».

- Ни фига себе! Собровский?

- Угу. Клон штатовского ACU, шили в Подмосковье для всех желающих купить, таскался у нас, в основном, областным СОБРом. Как?

- Хорошая штука, но расцветка – не под наши широты, для леса слишком светлая, - со вздохом махнул рукой я. – А того же пошива, но

чуть более зеленого нету?

- Это тогда тебе как раз то «камуфло», что для ССО шили, нужно. У них как раз расцветка с американского же А-Такса* честно уворована. Там и зелени побольше, и общий фон такой, грязноватый. А покрой – точно как у ACU. Самое оно будет.

- Слушай, Павел, а ты в прежние времена чем торговал? - зародилось у меня в голове смутное, но очень быстро крепнущее подозрение.

- Так тем же самым и торговал, - хмыкает в ответ Павлов. – Снарягой разной и формой. У меня в Вологде очень неплохой «Военторг» был: и менты закупались, в вояки, и страйкболисты разные… Эх, хорошее время было!

Да уж, время было просто замечательное. А мы, дурни, не ценили. Правильно говорят: «Что имеем – не храним»…

- Уговорил, Иваныч, тогда этого самого «такса-атакса» - один комплект. И на этом, наверное, все. А то меня уже сомнение берет – хватит ли мне моих «депозитов» на выбранное? Даже с учетом обещанного тобою огромного дисконта…

В очередной раз придавив пытающуюся поднять голову жабу, приобретение радиометра решил перенести на потом. Если все удачно срастется с рейсом на «керосинке» - деньги на него точно появятся. Если нет – буду искать еще какую-то «халтурку», и не буду пока соваться в места, где радиометр может пригодиться. А по дороге – хозяин плавсредства «казенным» обеспечит. Не самоубийца же он, без измерительных приборов по Волге ходить? Пусть и по самым верховьям…

- Ну, что, пойдем к Косте? – Павел полученное от меня золотишко прибрал в сейф и, кивнув на прощание продавцу, двинулся на выход.

Я покупки и свою поклажу из РД уже успел переложить в новый рюкзак, а старый ранец – передать все тому же продавцу. Поэтому лишь закинул лямку на правое плечо и согласно головой кивнул. К Косте – так к Косте.

В баре «Две кружки», одном из самых приличных кабаков Никольска, было удивительно шумно: в дальнем от входа углу, за несколькими сдвинутыми столами разом, широко, с музыкой и писком продажных девиц, гуляла какая-то крепко уже «теплая» компания. Что в этом удивительного? Да просто утро на дворе. Часов в одиннадцать

вечера я такому застолью удивлен не был бы. А вот в одиннадцать утра…

- Это кто такие? – тихонько интересуюсь я у Павлова..

- Тотьма гуляет… - глубокомысленно отвечает мне он.– Третий день пошел

А, ну, тогда понятно. Эти себе подобный загул позволить могут запросто. Тотьма – это очень серьезно. Тотьма - это единственный в округе населенный пункт, с которым даже «князья» связываться не рискуют. Потому что компания там сидит очень зубастая и очень богатая. Таких на арапа не возьмешь, под «крышу» не загонишь. Потому что Тотьма – это соль. Чуть ли не самые старые в России солеварни.

Человек, при острой необходимости, может отказаться от чего угодно: не будет машин – пересядем на лошадей, не будет электричества – снова огнем греться да освещаться будем, вместо современных лекарств можно перейти на разные гомеопатические травки-муравки, а вместо автоматов-пулеметов – начать метать друг в друга кое-как выструганные копья. А вот без соли жить – мягко говоря, проблематично.

Поэтому севшие на солеварни в Тотьме граждане весьма неплохо приподнялись за последние три-четыре года.. И очень немалую силу набрали. На попытке прогнуть их под себя только на моей памяти обломали зубы (а попутно – и голов лишились) три сильно борзых и несколько переоценивших свои возможности «князя». Остальные меж собой поделили земли «скоропостижно скончавшихся» и урок усвоили. Больше Тотьму никто не трогает. А та продолжает богатеть, рассылая караваны с солью во все стороны и водой, и по суше.

- А вон, кстати, и Костя, - легонько пихает меня локтем в бок Павлов, кивком головы указывая на один из небольших столиков в стороне от «гудящих» под аккордеон и гитару солеторговцев.

Там в одиночестве сидит в задумчивости над кружкой пива и жирной распотрошенной воблой крупный чернявый молодой мужик. М-да… Нет, возможно, для Иваныча он и «просто Костя», а вот посторонним к нему обращаться лучше все-таки по имени и отчеству. Ну, или просто по имени, но совершенно точно – на «вы». Потому как вчера, при упоминании фамилии Гольденцвайг, у меня первая ассоциация было – хрупкий и хорошо воспитанный еврейский

мальчик, что носит очки, играет на скрипке и очень любит свою маму. А сейчас жизнь мне наглядно указывает на вредность стереотипов. Если и похож этот самый Костя на еврея, то уж точно не на мальчика со скрипкой. Скорее – на Менделя Крика. Ага, того самого, из «Одесских рассказов» Исаака Бабеля. Который: «А папаша у вас биндюжник Мендель Крик. Об чем думает такой папаша? Он думает об выпить хорошую стопку водки, об дать кому-нибудь по морде, об своих конях – и ничего больше».

Вот и Костя этот «мордально и фигурально» – и есть как раз тот самый биндюжник, в смысле – ломовой извозчик: здоровенный дядька, что и погрузить, и разгрузить, и застрявшую в грязи телегу вытолкать. И кулачищи вполне соответствуют всей остальной фигуре. Так что, думаю, случись необходимость, по поводу «об дать по морде» - тоже проблем не возникает. Разве что прическа слегка из образа выбивается – вьющиеся черные волосы забраны в длинный, почти до лопаток «конский хвост». Впрочем, ему идет, при наличии трехдневной щетины он чем-то похож на американского актера Эдриана Пола, что в телесериале «Горец» главную роль играл. Только Константин и ростом повыше, и плечами пошире. Причем значительно.

Павлов меж тем подошел к столику, поздоровался и, дождавшись приглашающего кивка, и сам присел, и мне на пустой стул указал.

- Костя, познакомься, это Александр, тот самый парень, что вернул мне семью, - представляет меня Иваныч. – Саша – это мой старый знакомый и деловой партнер, Константин.

Мы обмениваемся вежливо-официальными фразами о приятном знакомстве и крепкими рукопожатиями.

- Чем могу помочь? – интересуется Гольденцвайг, закидывая в рот кусочек вяленой рыбы и с видимым удовольствием запивая его духмяным, похоже – недавно сверенным, пивом.

Ну, да, трудно представить, что Павлов привел меня сюда просто так, познакомиться. По-любому, какой-то интерес должен присутствовать.

Павел к такому повороту явно готов был изначально. И потому, щелчком пальцев подозвав официанта и заказав для нас пару светлого, начал меня Константину «сватать».

В общем, пересказывать весь разговор - долго и скучно. Классическое: «У вас – товар, у нас – купец»… Ну, в том смысле, что

знакомы мы с мелкими затруднениями Константина, а у нас как раз совершенно случайно имеется в наличии испытывающий некоторые финансовые затруднения, но зато – надежный, будто скала, и весьма опытный охотник за головами. За надежность и лояльность которого потенциальному нанимателю ручается лично Павлов.

Костя слушает молча, только кивает время от времени, прихлебывая пиво мелкими глотками. По глазам вижу – усиленно обкатывает в голове ситуацию, прикидывает варианты.

- Александр, а прозвище у тебя имеется?

Так, кажется, решился на что-то, теперь хочет в своем решении утвердиться.

- Разумеется. Франт.

Ага, в глазах Гольденцвайга что-то этакое мелькнуло. Обо мне он явно уже слышал. Впрочем, это в наших краях несложно, засветиться я успел неоднократно и почти всегда - по-крупному.

- Второй вопрос, - продолжает импровизированное собеседование Константин. - Чем-то еще кроме…

Он глазами указывает на ПММ в набедренной кобуре и аккуратно приставленный к столу автомат.

-… владеете? Про стрелковку не спрашиваю. Имею в виду что-то более серьезное.

Ого, уже на «вы»? И в голосе – явное уважение. Мелочь – а приятно, черт возьми. Я на секунду задумался.

- Подствольные «гэпэшки»* и противотанковые гранатометы, что РПГ-7, что «тубусы» - уверенный пользователь. Разве что «двадцать девятого» «Вампира» только на картинках видел… С АГС тоже лично знаком. «Тридцатый», правда, чуть похуже знаю, а вот «семнадцатый» - очень хорошо. Из крупнокалиберных пулеметов стрелять доводилось несколько раз…

- «Утес» или «Корд»?

- «Утес»…

- Обычный или танковый?

Хм, похоже, моей кандидатурой всерьез заинтересовались. Человеку, который нанимателю не подходит, обычно так и говорят, не задавая перед отказом множества вопросов.

- Танковый, это который – вот такой? - я руками изображаю, будто рулю велосипедом или мотоциклом. – С электроспуском, на ручной

тормоз велосипедный похожим?

Гольденцвайг согласно гривой своей курчавой мотает.

- Тогда – справлюсь. Там всех различий в матчасти – только отсутствие приклада и спуск иначе устроен. Остальное – один в один.

- Последний вопрос. Знаю, об этом сейчас как-то не принято, но я вас Александр, все-таки не в лес по грибы прогуляться приглашаю… В общем – чем занимались до… - Константин, изображает пальцами в воздухе нечто этакое, но что именно он имеет в виду – понятно сразу.

- В СОБРе служил. Майор, старший опер. Потом – в «Стрижах»…

- Старопетровск? – в глазах Гольденцвайга явственно зажегся огонек интереса.

- В самом начале инцидента поучаствовал, - не стал придумывать героических историй я. – Но практически сходу всей группой в засаду попали. Пока по госпиталям отлеживался – там закончилось все.

Надо же, сколько лет прошло, а люди все еще интересуются событиями мая шестнадцатого. Пытаются понять, что же такого случилось в Свободной экономической зоне под Питером, если вылилось все в итоге в глобальный ядерный конфликт…

- Что ж, - сменил тему Константин, - думаю, вы мне подходите. Предупредить хочу сразу: на длительный контракт я вас не возьму. Только туда и назад.

Ну, тут все ясно. В родном Ярославле на должность охранника «керосинки», небось, очередь наперед расписана. И люди там проверенные, чуть ли не с пеленок знакомые. А я – так, временная, но совершенно необходимая замена. Потому как надежные – они там, в Ярославле. А идти нужно в строго противоположном направлении – в Емву. А потом – назад. Через места, которые во все времена считались глухими и славой пользовались недоброй… Сейчас же края там совсем суровые. На охране сэкономить – можно там где-нибудь и остаться. Навеки.

- Я все понимаю и с условиями согласен.

- Хорошо, тогда давайте поговорим об оплате ваших услуг…

Уже на выходе из «Двух кружек» меня перехватывает Серега Жук – старший здешних вышибал, что в кабаке железный порядок и спокойствие поддерживают, не давая подвыпившим посетителям дебоширить и «безобразия нарушать».

- Здоров будь, Франт.

- И тебе не кашлять, Жучара, - вполне по-приятельски пожимаю его лапищу.

- Я чего… Искали тут тебя люди…

- Что за люди?

Вот это уже может оказаться важным. И свои, из «хантеров», могут разыскивать по каким-то вопросам, и потенциальные заказчики, и даже желающие открутить мне голову «оппоненты». Впрочем, таких у меня немного, я в подобных вопросах почти как тот ганфайтер из «Великолепной семерки», у которого «живых врагов – нет». Но – жизнь она такая, может и сюрприз преподнести. И, как обычно – неожиданно… И далеко не всегда приятный.

- Не из ваших. Незнакомые, но мужики серьезные. И вроде – вполне нормальные. Говорили – дело у них к тебе.

Чутью Жука можно верить. Люди с плохой «чуйкой» на человеческую гнилость на его должности надолго не задерживаются. Охранник в кабаке, где все посетители – при оружии, как тот сапер – ошибается только два раза. Первый – при выборе профессии.

- Давно искали?

- Они уже дважды тут были. Первый раз – сразу после Нового года, второй – в марте, в середине где-то. Оба раза спрашивали именно тебя, хотя во второй тут аж трое ваших было… Сказали, еще раз в конце апреля – начале мая появятся. То есть – скоро.

Хм, похоже – поперло мне. Как компенсация за все упущенное и потерянное из-за болезни.

- Серег, будь другом, как снова объявятся, ну, если я к тому времени сам не вернусь еще – попроси их дождаться. У меня сейчас контракт, но краткосрочный. Максимум – на две – две с половиной недели. А потом – я свободен. Сделаешь? С меня пиво!

- Без проблем! – широко осклабился тот, демонстрируя слегка прореженные в потасовках зубы. – И даже не за пиво…

Ну, да, скорее всего, попытается разместить «серьезных» тут же, в гостевых комнатах над кабаком. И им меня ждать удобнее, и заведению – прибыток: проживание, кормежка…

- Спасибо, - искренне благодарю я.

- Хорошим людям – всегда пожалуйста, - легонько тычет он меня кулаком в плечо.

Глава 4

За восемь лет до описываемых событий.

Захват за куртку маскхалата, резкий рывок на себя, короткий шаг правой вперед и немного вправо, чтобы пятка оказалась точно между его ног, доворот корпусом влево, подбив бедра, рывок и, почти одновременно, наклон… И бывший старший лейтенант «войск дяди Васи» Игорь Лещинский, потешно дрыгнув напоследок ногами, с грохотом обрушивается на маты.

- Вставай, акробат, - протягиваю я руку сопернику.

Тот багровеет ушами и шеей, но за протянутую руку все же цепляется. Все ж таки не в переулке темном по пьяному делу дрались, а в спортзале спарринговались. Все по-честному.

- В следующий раз я тебя, Татарин, все равно сделаю!

- Попробуй, - равнодушно пожимаю плечами я. – Только не сегодня. А то еще раз кувыркнешься – и вообще не поднимешься. И так тебя вон как на правый бок скрючило.

Физиономия Игоря теперь вообще становится свекольного цвета. Ну, да, как же, как же… Ведь столько гонору было. ВДВ, «Никто кроме нас», все такое… А тут - такая плюха. Да три раза подряд, да от «старичка» на десять лет старше… Некислый такой удар по самолюбию.

Впрочем – ничего страшного, переживет. И лишний стимул самому тренироваться получит. А то, уж будем честными, времени на «дрессировку» подчиненного личного состава у офицера ВДВ уходит куда больше, чем наличную подготовку. Это у нас, будь ты хоть майор, хоть подполковник, но если должность оперская, то и функции – бойца. Сам ползешь, сам бежишь, сам стреляешь. Сам себя в полной готовности поддерживаешь и только за себя в этом вопросе отвечаешь.

А у старлея десантного – минимум три десятка девятнадцатилетних балбесов в подчинении. За которых он полную ответственность несет. Где уж тут на спортзал лишние пару-тройку часов выделить? Да и не нужны им, десантникам, все эти «рукомашества и ногодрыжества», по большому счету. Разве что для гармоничного физического развития. А в остальном – техника в армии

рулит: «броня», минометы, артиллерия, авиация… Как в том старом анекдоте? «Чтобы вступить в рукопашный бой с противником, боец Спецназа должен сначала про….любить автомат, пистолет, нож, саперную лопатку…»* и далее по тексту. На дворе – двадцать первый век давно, в штыковую никто пехотными цепями не ходит.

У СОБРа же задачи другие, нам приказ на уничтожение противника отдают не так уж часто. По большей части преступника нужно все-таки живым брать. И как раз тут знание всех этих «боевых приемов борьбы и силового задержания правонарушителя» и умение применить их на практике – предмет первой необходимости и вопрос выживания. Потому и летал Игорек сегодня вверх тормашками. И не один раз.

Зато в вопросах тактики общевойскового боя он мне даже не сто, а, наверное, очков триста форы даст. «Взвод в обороне», «Взвод в наступлении»… Или в плане вождения бронетехники. Я разве что на БТР-80 по плацу аккуратненько проехать смогу, «прогулочным шагом». И то, не факт, что не сворочу какой-нибудь столб при этом: к габаритам машины все же серьезная привычка нужна. А все тот же Игорь и БТР, и БМП, и БМД, и БРДМ… Что скажут, то и заведет, на том и поедет. В него эти знания в Рязани трамбовали на совесть, а вот мне – так, факультативом преподавали. Кое-что знаю, конечно, но и только. Да и не нужно оно мне было, если уж совсем по-честному – должностные обязанности совсем в другой области лежали.

Вот только, как выяснилось, именно эти специфические знания и навыки, которые в достатке имелись у нас, но практически напрочь отсутствовали у армейцев, и привели к тому, что в «птички» начали подтягивать офицеров МВД и ФСБ. Говорят, что изначально ЧВК* «Стрижи» - чисто армейский был проект. Под патронажем Министерства обороны создавалась, из числа военнослужащих личный состав подбирали. Правда, некоторая ущербность такого однобокого подбора кадров быстро всплыла, и «рекрутеры» потянулись к «смежникам».

Например, сейчас на нашу учебную группу из девяти человек именно что армейцев – ровно трое. Лещинский и закадычный товарищ его Леша Галкин – десантники, здоровячок, даже по меркам нашего учебно-тренировочного центра, Саша Кацендорн, тезка мой – морпех с

Краснознаменного Черноморского. Еще двое ребят – из погранвойск ФСБ, а вот остальные четверо, меня включая, из МВД пришедшие.

К подбору кандидатов «птичьи» кадровики явно отнеслись серьезно, поэтому курс обучения у нас короткий – полтора месяца. И то, сейчас у нас не столько обучение (вот чему такому интересному и новому тут могут научить меня, отслужившего календарную «пятнашку» в спецподразделении МВД?), сколько боевое слаживание. Все-таки работать придется коллективом, группой. А значит – нужно, чтобы народ друг к другу притерся, привык, сработался.

А то – до смешного доходило первые дни. Оказывается у армейцев и погранцов наших о системе жестов-сигналов представление вообще самое общее – по кино в основном. Не учат их в армии этому – ни к чему. Там управление подчиненными на иных принципах построено: команды – голосом или по радиосвязи, целеуказание – трассерами. Зачем им еще и в глухонемых играть?

А у нас, бывших ментов – вообще хохма: у каждого эти жесты чуть не на уровень рефлексов вбиты, но при этом – у всех они разные. Ну, возможно, не совершенно, но все-таки существенные отличия имеются. Можете себе представить? В одном ведомстве служили, одни задачи выполняли, пусть и в разных регионах, а, как оказалось – по разным программам готовились… Вот и пришлось одним учиться с нуля, а другим – переучиваться. Одно радует: не пришлось выяснять, чья система жестов самая правильная: инструктор центра подогнал ту, что у самих «стрижиков» в ходу.

А вот в остальном… В остальном отрабатывали то, что для армейцев и погранцов наших, возможно, было чем-то новым и интересным, но вот для меня являлось давно уже привычной рутиной. Впрочем, думаю, лучше обо всем по порядку.

Как оказалось, какой-то одной, своей собственной, учебно-тренировочной базы у «Стрижей» не было. В Минобороны при создании «внештатной» структуры, видно, в затылках крепко почесали и решили, что средства нужно в технику, экипировку и оснащение вкладывать, а не в строительство еще одной казармы, тактического поля и полосы препятствий. Их у Родины, слава богу, и так богато. Так зачем сущности плодить? Как я уже говорил, стартовый уровень у курсантов изначально был весьма впечатляющим, с нуля учить никого было не нужно. А на короткий срок боевого слаживания будущих

сотрудников ЧВК «Стрижи» вполне можно было размещать на территории уже имеющихся в Северо-Западном военном округе воинских частей. Да и не только там. Как нам один из инструкторов рассказал, некоторые группы «дрессировали» на базе питерского «Бастиона»*. А мы – тут. В смысле – в поселке Лебяжье Ленинградской области. На территории бывшей Отдельной бригады Внутренних войск за номером «тридцать три». Которая теперь под тем же номером значится, но уже в новообразованной, пусть еще и не начавшей толком функционировать Росгвардии.

Нет, а что – мысль-то дельная. И на строительстве матбазы, как я уже говорил, экономия выходит весьма существенная, и в плане скрытности от внимания заокеанских «заклятых друзей» - все в полном порядке. Ну кто, скажите мне, обратит внимание на появление десятка-двух «лишних» бойцов в том же «Бастионе», с его пятью батальонами личного состава? Или тут, в «Лебяжке», в которой народу под три тысячи голов служит?

Опять же, присутствие свое мы стараемся не выпячивать: форму носим обычную – общевойсковой «юдашкинский»* пиксель нового образца, с положенными бойцам Росгвардии нарукавными знаками. На тренировках – маскхалаты модной в бывших Внутренних войсках расцветки «излом». По территории части передвигаемся исключительно строем, в колонну по двое, а я, как старший по званию «в прошлой жизни» - чуть сбоку от куцего строя топаю и счет подаю. В общем, все строго по уставу. Разве что чистые погоны на плечах вполне взрослых дядек могут стороннего наблюдателя смутить. Вот только откуда бы им взяться, сторонним наблюдателям, на закрытой и охраняемой территории?

Расселили нас во вполне прилично отремонтированной двухэтажной казарме канареечно-желтого цвета. Кубрик на двоих. Внутри – две армейские койки по стенам, один большой шкаф для верхней одежды, две прикроватные тумбочки, тоже стандартные, серой «шаровой» краской покрашенные… Аж уже почти забытая комната в казарме военного училища вспоминается с тоской и ностальгией. Из неуставной вольницы – только мягкие теплые пледы вместо колючих шерстяных серых или синих армейских одеял с тремя полосками на койках, да стол у окошка.

Прямо скажем – не царские палаты. Да и тесно: между койками проход – нам со здоровяком-морпехом Сашей Кацем (как он сам при знакомстве свою не шибко удобоваримую фамилию сократил) – едва разойтись. Зато из окна – шикарный вид, прямо на штурмовик Ил-2, что тут как памятник стоит, и на небольшой сосновый бор. Красиво. Особенно сейчас – в конце мая.

Да и в целом, если на тесноту кубрика внимания не обращать, разместили нас очень удачно. От центрального входа на территорию Бригады – далеко, от офицерской столовой, куда мы харчеваться ходим, наоборот – близко. До стадиона с вполне приличной «усиленной» штурмовой полосой – «тропой разведчика», спортзалом с приличным набором почти новых тренажеров и спортгородком – тоже рукой подать. И даже один из недостроенных пока жилых домов для офицерского состава нам отдали под тренировки по тактике работы в здании.

Разве что на стрельбище каждый раз кататься приходится чуть не за сотню километров, аж в Васкелово, что от нас почти с противоположной стороны Питера. Но тут уж делать нечего – 33-я Бригада прямо посреди поселка стоит. Нет тут возможности в пределах периметра части стрельбище разместить. В какую сторону не возьми – дороги, жилые дома, железнодорожные станции… Вот и приходится нам время от времени после завтрака грузиться в немолодую уже «Газель» цвета хаки и тонированными боковыми стеклами и трюхать в направлении полигона. Вечером – обратно. Обедаем прямо там, сухим пайком с собой берем. А чего? Май месяц на дворе, если дождя нет – так и вообще красота! Еще хорошо, что Питер по КАДу* через Кронштадт объезжаем, минуя городские пробки. Но, как я уже, вроде, говорил: народ в группе грамотный, подготовленный. На стрельбище часто кататься не нужно – стрелять и так все умеют. Так, пару раз в неделю, чтоб уровень поддерживать и навык не терять. А слаженную работу в «тройках» и всей группой мы в недостроенном ДОСе* «вхолостую», с незаряженным оружием отрабатываем. И, должен признать, вполне успешно. Конечно, до уровня хотя бы моего бывшего боевого отделения в СОБРе нам еще далеко, но, как мне кажется, среднестатистическому взводу какого-нибудь регионального ОМОН – уже не уступаем. Все-таки опыт и

мотивация – великое дело. С офицерами серьезных подразделений и родов войск работать - это не новичков с нуля натаскивать.

Заодно тут, в «Лебяге» мы узнали наконец своего врага «в лицо». Именно врага. В то, что люди с нашим опытом, да еще и после здешних тренировок, будут просто на рамках-металлодетекторах в офисах стоять – никто не верил изначально. Было понятно – задачи и цели у нашей (и не только нашей) группы будут, мягко говоря, специфические. Из тех, что по моему прошлому месту службы называли не оперативно-служебными, а служебно-боевыми*…

И вот теперь мы точно знаем, кого именно нам придется брать штурмом, а при необходимости – ифизически «зачищать» в лучших традициях контртеррористической операции на Северном Кавказе.

Окопалась в Старопетровске одна весьма известная транснациональная корпорация. Если новости по телевизору смотрите – название ее и сами знаете, про ее небывалые успехи и успешный бизнес в Свободной экономической зоне по всем каналам уже все уши зрителям прожужжали. И, будем честными – не напрасно. Я, конечно, не ахти какой спец в вопросе, но сдается мне, по многим позициям эти ухари уже и «Дюпон» подвинули. А это крепко постараться нужно было. Формально эта контора – штатовская, а на деле – международный холдинг, занимающийся едва ли не всем на свете: от добычи сырья, логистики, и торговли до переработки этого самого сырья, исследований в самых разных областях, наукоемких технологий и банковской деятельности… По факту – этакое совершенно самостоятельное «государство» с полным замкнутым циклом. Сами добывают, сами перерабатывают и производят, сами перевозят, сами продают, сами на этом через собственные банки бабло «наваривают». Корпорация мало того, что безумно богатая, так еще и очень влиятельная: изрядное количество прикормленных конгрессменов в Штатах, многочисленные государственные подряды, в том числе и военные…

Даже странно, что наши против такой силищи выступить собираются. А ведь собираются – факт, иначе для чего нас дрессировать, как тех кошек Куклачева? Это ж, случись что, такой визг на весь мир поднимется – вся заваруха в Сирии вместе со сбитым «Боингом», хохлами и недавним допинговым скандалом покажутся комариным писком. Потому что тут уже не политика. Тут «заклятых

друзей» за самое нежное и болезненное возьмут – за кошелек. А они такого не прощают.

С другой стороны – наши тоже на пустом месте в конфликт лезть не будут. На сколькое за последние пару лет «глубокомысленно промолчали»? Сколькое «на тормозах» спустили? А тут – натуральная войсковая операция готовится. Причем, если хотя бы примерное количество участников прикинуть – примерно бригадного, не полкового даже, уровня. Да, официально силовые структуры привлекать планируют по минимуму… Так это трюк старый, давно и не нами придуманный. Тот же недоброй памяти «Блэкуотер»… Сколько они грязной работы за официальные Штаты сделали за время своего существования? Там, по хорошему, расстреливать и вешать нужно каждого второго, не считая каждого первого… А они в который раз уже только сменой вывесок отделываются. Ну, вот наши и переняли у противника тактику. Разве что бедуинские деревни над нефтеносными районами нам вырезать не нужно.

Зато нужно много другого. Например, вечерами, после практических тренировок в здании или стрельб – сидим, зубрим руководящий состав российских отделений корпорации. Опять же – ничего особенного. В той же Чечне примерно таким же образом альбом с фотографиями известных участников бандподполья штудировали. Только там почти полторы тысячи фотографий было. Тут все – куда скромнее. Так что – нормально все, ничего запредельно сложного.

Разве что «десантура» наша, с их бесконечным «полосатым» гонором... Причем, к сожалению, далеко не всегда обоснованным, вот как в спортзале, на борцовском ковре. Ну, да ничего, приведем мы их в чувство. Ребята-то хорошие, грамотные и подготовленные. А понты их… Как в то, памятное Рождество в Ханкале бугай-омоновец говорил: «Понты – дело святое, когда они – обоснованные». Ну, а у наших воздушно-десантных старлеев с обоснованиями все почти что в полном порядке. За рядом мелких исключений…

Субботнее утро началось просто отлично. Выходной день, как-никак. И погода с самого утра, что называется «шептала»: яркое солнышко, на голубом небе – только совсем мелкие, кипельно-белые облачка, никаких намеков на возможный дождь (что на Балтике – само по себе уже дело не частое). Жарко будет совершенно по-летнему, это

даже во время утренней пробежки чувствовалось. Шесть утра, а на улице уже двадцать пять по Цельсию. Решение было принято мгновенно, коллегиально и единогласно: после завтрака переодеваемся в цивильное и – на пляж. Благо, до него от третьего КПП воинской части по Степаняна – меньше километра, десять минут неспешным шагом. Пляж, конечно, не испанская Коста Дорада и не египетская Хургада, но…

Где теперь та Хургада? Нам, ментам, выезд за рубеж еще когда закрыли начисто? Хотя… Елки-палки, только сейчас сообразил! Я ведь погоны снял! То есть, запрет этот, мягко говоря, не умный, на меня больше не распространяется. Решено! Первый же отпуск вот новой своей работы провожу на теплых зарубежных морях. Зарплата, к счастью, вполне позволяет. Ну, а куда ехать – ближе к делу определюсь. Пока еще даже не совсем понятно, когда именно у меня отпуск.

А сейчас, за неимением вменяемой альтернативы, топаем на пляж поселка Лебяжье. Вода в заливе, понятное дело, пока для купания прогрелась недостаточно. .. И песочек, может, не белоснежный, как в рекламе «Баунти»… Так нам вовсе не цвет его важен. Словом – идем загорать, а буде «моржи» среди нас обнаружатся – так еще и купаться. Потом – можно будет на спортплощадке рядом с памятником-штурмовиком в мини-футбол с парнями местными погонять, а вечером – в «Лукоморье» заглянуть. Не ахти что, конечно, кафешка, но и поселочек ведь маленький совсем. Чего ожидать? Хотя… Завтра ведь воскресенье? Ну, значит, можно будет в Питер махнуть. Там с «общепитом» все куда лучше. Да и девушек симпатичных много…

Вот только жизнь, как и положено, по закону подлости, внесла свои чертовы коррективы. Когда в кармане моих сложенных прямо на песочке джинсов запиликал мобильный телефон, я даже и представить себе не мог, что именно в этот момент все изменилось. И не только для меня. Для всего мира изменилось. Прямо сейчас – еще практически незаметно, но уже бесповоротно и неотвратимо. Конец мая две тысячи шестнадцатого. Месяц, когда все началось… Но тогда еще никто в мире не догадывался, во что же в итоге выльются события того солнечного субботнего дня.

- Алло?

- Татаринов? – голос в трубке был жестким и властным.

- Так точно, - на автомате выпалил я, зачем-то вскакивая на ноги.

- За вашей группой уже выслали вертолет. РВП* – полчаса. Вся группа на строевом плацу бригады, экипировка – полная боевая, боеприпасы получите в дежурной части бригады, у них ваш НЗ лежит, все согласовано. Это – не учения. Тревога – боевая. Вопросы?

- Никак нет!

- Выполняйте.

- Есть!

В трубке запиликали гудки отбоя.

Оглушительно свистнув, привлекая внимание, я начал крутить над головой кистью правой руки. На сигнал «Общий сбор» парни отреагировали мгновенно – не зря почти полтора месяца тренировались.

- Боевая тревога, мужики. В часть – бегом!

Сдается мне, что стандартный армейский норматив в четыре минуты на километр мы перекрыли с неплохим запасом. Первым делом – по кубрикам. К черту армейский «пиксель»! Переодеваемся в свое, выданное у «стрижиков». Поверх светло-оливкового цвета кителя затягиваю потуже бронежилет. Новенький совсем, такие только-только в МВД поступать начали, обшитые стропами «молле» на которые сразу можно подсумки под магазины и прочее снаряжение крепить, без разгрузочных систем и РПС. Для ведения полноценных боевых действий, конечно, вариант далеко не идеальный, но нам вряд ли в окопы сейчас лезть. А для кратковременной штурмовой операции – нормально. Но голову – легкий шлем, вроде тех, что у американской «Дельты» в «Падении «Черного ястреба» были. Штурмовые перчатки на руки, защитные очки на широкой резинке – пока поверх шлема. Автоматы и пистолеты у нас тоже при себе, а вот боеприпасы к ним нужно будет получить в Дежурной части в штабе бригады. Которая, к счастью, тоже неподалеку, сразу за столовой. А то ведь отведенного нам времени – всего ничего осталось. Так что ПММ – в кобуру на бедре, ремень автомата – на шею и – вперед!

От нашей мчащейся, гремя ботинками по асфальту, компактной массы, в стороны шарахаются не только солдатики-«срочники», но и офицеры. Видимо, чисто на всякий случай. Сдается мне, что кто мы такие – они точно не знают, но воспринимают нашу группу (как и те, что тут тренировались до нас) с серьезным таким пиететом. Скорее

всего – за какой-нибудь «совершенно секретный офицерский Спецназ ГРУ» из дешевых боевичков в мягкой обложке принимают, не иначе. Думаю, после нашего сегодняшнего «экстренного убытия» слухов на этот счет только прибавится.

В «дежурке» нас действительно ждали. По крайней мере, уже снаряженные автоматные и пистолетные магазины из здоровенного металлического ящика с НЗ прапорщик-помдеж достал и стопочками на столе своем выложил. Нам оставалось только схватить свое и ломиться в сторону плаца, на бегу рассовывая боекомплект по подсумкам-почам.

«Вертушка» появилась даже на пару минут раньше, чем было обещано, но мы уже ждали ее на краю строевого плаца, за стендами с цитатами из воинских уставов. Вертолет при приземлении воздушную волну гонит неслабую и тучи пыли поднимает солидные. Совсем не хочется потом ею на зубах скрипеть всю дорогу. Немолодой трудяга-«головастик» Ми-8Т, тот, что с двустворчатой аппарелью в корме фюзеляжа, с ювелирной точностью сел точно в середине асфальтированного прямоугольника плаца. Едва створки аппарелей разошлись, мы, слегка пригнувшись, побежали на посадку. Со словосочетанием «боевая тревога» - не шутят. Думаю – прибудем на место – там нас и проинструктируют. А вот где то место… Вот прибудем - тогда и выясним. Но – явно не в паре шагов от Лебяжьего, просто так вертолет не прислали бы. Для недолгого пути вполне хватило бы и микроавтобуса с машиной ДПС в качестве сопровождения, для расчистки дороги. Если «головастика» прямо на плац сажают – значит даже со спецсигналами «гаишными» быстро не добраться…

В шумном нутре «головастика» разговаривать возможности практически не было. Орать собеседнику прямо в ухо, надсаживая голосовые связки, желания не было никакого, причем, не только у меня. Поэтому летели молча. Я даже покемарить успел, по извечной привычке служивого человека: есть возможность – поспи. Неизвестно, когда в следующий раз возможность появится. Особенно при таких вот внезапных авралах.

Летели недолго. Впрочем, на «мишке», который двести-двести двадцать в час выдает не напрягаясь… Да с учетом того факта, что дорожных пробок и заторов в небе пока не наблюдается… К тому же –

летим все же над своей территорией, в складках местности от «бородатого» со «Стрелой» или «Стингером» прятаться не нужно. Одним словом, на вертолете – почти всегда недолго выходит.

На месте нас уже встречали. Кстати, где именно – на месте, я так и не понял. Пилоты «уронили» Ми-8 на какое-то поле. Из всей диспозиции: справа лес, сзади – лес, где-то вдалеке слева – деревенька в три с половиной домика, за которой – опять же лес виднеется. А прямо перед нами – наглухо тонированный (что, кстати, по нынешним временам, вроде, не совсем законно) микроавтобус «Форд Транзит». Возле него – серьезного вида мужик в почти такой же, как у нас «сбруе». Разве что без шлема и автомата. Дверь в салон «Форда», кстати, гостеприимно распахнута. Намек понят: наша девятка, не задавая вопросов, забирается внутрь и рассаживается на мягких (особенно после не шибко уютной металлической скамейки в вертушке) креслах. Мужик забирается последним и задвигает входную дверь. Водитель заводит микроавтобус и начинает по ухабам вывозить нас на грунтовку, ведущую куда-то между деревьев.

- Так, товарищи офицеры… в отставке, - обводит нас взглядом встречающий. – Довожу оперативную обстановку. Сегодня в одиннадцать часов тридцать минут следственная группа прокуратуры, при поддержке «тяжелых» из областного УФСБ попыталась осуществить выемку документов в известной вам транснациональной корпорации в связи с рядом обвинений в нарушении российского законодательства, выдвинутых как против самой корпорации, так и против ряда ее руководителей…

«Понеслась», - мелькнуло у меня в голове. А еще – дико не понравилось слово «попыталась». Об успешных спецоперациях с таких слов рассказывать не начинают, как знающий человек говорю.

- … и встретила по адресу офиса данной организации активное вооруженное сопротивление с применением автоматического оружия и ручных гранат.

- Ни…хрена себе, - выдыхает сидящий позади меня Лещинский. – Это у кого и откуда там автоматы и гранаты взялись?

Встречающий бросил на Игоря такой взгляд, что нашему бравому десантнику, точно, враз расхотелось перебивать старших по возрасту и званию. Аж воздухом подавился и закашлялся, бедняга. А суровый мужик меж тем продолжил.

- Огонь по сотрудникам правоохранительных органов открыли сотрудники частной охранной компании «Рейвенрок», осуществляющие охрану ряда структурных подразделений компании и формально входящей в число так называемых «росомах». Как вы и сами уже знаете, эти самые «Росомахи» - «карманная» ЧВК корпорации, ею же созданная для силового обеспечения собственных интересов… С обеих сторон имеются раненые и убитые…

Точно – понеслась, убитых иностранными наемниками сотрудников прокуратуры и ФСБ в центре российского города «на тормозах» спустить не выйдет.

- Руководству ЧВК «Стрижи» поставлена задача – осуществить одновременный захват всех объектов, принадлежащих структурным подразделениям корпорации в Старопетровске и его окрестностях. Необходимо нейтрализовать охрану, задержать находящийся на территории объектов персонал, в первую очередь – руководящий, не допустить уничтожение какой-либо документации, как бумажной, так и находящейся на электронных носителях. Вопросы?

- Разрешите? – поднял руку я и, дождавшись разрешающего кивка, продолжил. – Наша цель, схема объекта, количество охраны?

- Все здесь, - так и не представившийся мужик протягивает мне файл с жиденькой стопкой листов офисной бумаги внутри.

Мельком просматриваю, и, убедившись, что это – копии одного и того же документа, начинаю раздавать их остальным.

- На полученной вами схеме – штаб бывшей войсковой части номер… Впрочем, какая разница, - продолжает инструктаж встречающий. – Бывшая точка ПВО, зенитно-ракетные комплексы С-25 «Беркут» там стояли. В середине восьмидесятых часть сократили, стояла заброшенная. Пусковые установки демонтировали сразу, ангары складов и казарму личного состава местные жители растащили на стройматериалы еще в девяностые. Штаб вот – не успели. Территория была выкуплена корпорацией после создания Свободной экономической зоны. Штаб отремонтировали, привели в полный порядок коммуникации. Там теперь что-то исследовательское…

Слушаю внимательно, а сам при этом разглядываю схему двухэтажного здания на распечатке. В целом – ничего особенного, стандартная для «казенных учреждений» в России схема – коридор и кабинеты по обе стороны. На первом этаже – небольшое фойе перед

бывшим помещением дежурной части. Плюс – небольшая будка-караулка у ворот на въезде на территорию. Охранников, если верить написанному, пятеро. По одному, сменяющиеся, в караулке и в фойе, двое – отдыхающая смена и старший. А нас – девять. С одной стороны – у нас все-таки не наряд ППС, но и с противоположной стороны – ни фига не школьники, в «Зарницу» играющие. Опять же – нас там могут и ждать… Вот это, кстати, просто необходимо уточнить сразу.

- Вряд ли, - отрицательно мотает головой наш «экскурсовод». – При проведении операции в Старопетровске проводные телефоны им отключили, а против мобильных – использовали систему подавления радиосигналов.

- Что-то вроде «Пелены»?

- Да, что-то вроде, только куда мощнее. Так что – не должны вас там ждать…

- Но совсем такую возможность исключить все же нельзя? – уточняю я чисто из принципа.

- Нельзя, - вынужденно соглашается мой собеседник. - Именно поэтому вам предоставлены очень широкие полномочия. Наемники-«росомахи» уже открыли огонь по представителям наших официальных властей. И с того самого момента они в России – вне закона…

- Так и мы, вроде, с точки зрения российского законодательства – не совсем легитим…

- Майор, - с укоризной смотрит он на меня, - не сношайте мне мозги. Все мы прекрасно все понимаем. Вам сказали – широкие полномочия. Вплоть до открытия огня на поражение при первых же признаках агрессии. Все понятно?

- Так точно! Вот только на чем штурмовать-то будем?

- Не переживайте – не на этом. Просто «Тигр» решили туда-сюда не гонять. Зачем нам лишнее внимание? Да, вот еще! Связь!

Сопровождающий достает с переднего пассажирского сиденья картонную коробку с радиостанциями и гарнитурами: наушником-таблеткой и затягивающимися на шее ларингофонами. Хорошая штука, полезная. Порой в шуме боя в микрофон ори – не ори, без толку. А ларингофон, он колебания голосовых связок в эфир передает. Можно вообще шептать, «на том конце провода» все равно услышат.

Со словами про «Тигр» я вынужден был согласиться, когда увидел предназначенного для штурмовки «стального коня». Камуфлированная туша бронированного внедорожника с мощным таранным бампером и пулеметом «Печенег» в вертлюге на крыше – действительно в обычном потоке машин была бы несколько неуместна.

- Все, мужчины, грузитесь, - дает нам отмашку встречающий. – До объекта – с десяток километров по вот этой дороге. Она исключительно в бывшую часть ведет, дальше - тупик, мимо не проедете. По исполнении задачи – докладываете и ждете следственную группу. Впускать на территорию кого бы то ни было – только после того, как увидите меня. Меня не будет – стопорите и укладываете мордой в землю. Попытаются трепыхаться… про полномочия я вам говорил уже.

М-да, серьезно все. Похоже, чего-то совсем непотребного совсем еще недавно весьма уважаемая транснациональная корпорация накосорезила, коль за нее так взялись.

Мы, на ходу лязгая затворами автоматов и пистолетов, забираемся в «Тигр». В этом вопросе у нас роли еще черт знает когда распределены: Валера Шамсутдинов, один из наших «погранцов» – к пулемету, Галкин – за руль. Лещинский – старший машины. И две боевые тройки для зачистки. Нормально, справимся.

Ворота вынесли махом, будто картонные. А чего вы хотели? Семь с половиной тонн броневой стали на скорости в сотню километров… Вот только прилипший к пулемету Шамс – остался без работы. В смысле – стрелять было не по кому. Дверь караулки лениво покачивал теплый майский ветерок, а вот внутри – никого не видно.

- Саша, ты готов? – хлопнул я по плечу уже встегнутого в «гаврилу»* Кацендорна.

- Готов, - глухо рыкнул Кац в ответ.

- К машине!

И мы пошли. Красиво, будто на тренировке или показательных: пять бойцов штурмовой группы , ощетинившиеся автоматами, под прикрытием здоровенного «щитового»*. Вот только оценить наши действия, похоже, некому. Вломившись в фойе, мы замираем. Сопротивления нам не оказывается ни малейшего. Больше скажу – лично у меня такое ощущение, что в сложенном из красного кирпича двухэтажном корпусе кроме нас вообще никого нет. Видимо, не

сработал фокус с «глушилкой» и сотрудники корпорации отсюда успели свалить. Оставив на память о себе только запах. Вкуснейший аромат свежего миндального печенья…

Стоп!!! Какое, в задницу, печенье?!!

- Все на выход!!! – срывая голосовые связки, ору я и, ухватив за плечевую лямку бронежилета ставшего из-за щита тяжелым и неповоротливым, Каца, изо всех сил бросаюсь назад - к входной двери.

Честно говоря, не знаю, успело ли все это мелькнуть в моей голове за те секунды, что оставались до взрыва, или вспомнилось уже позже, когда я в беспамятстве валялся в военном госпитале на Старо-Петергофском проспекте в Питере… А потом просто удачно наложилось… Не знаю, не уверен.

Но уверен в другом: не может в таких учреждениях пахнуть миндальным печеньем. А если пахнет – значит это вовсе не печенье…

Именно такой запах – у семтекса, чешского аналога всемирно известной взрывчатки С-4. Вообще-то взрывчатка сильного запаха иметь не должна. Но на заводе в Брно, кажется, где эту дрянь чехи варят, бардак – просто эпический. Оттуда готовую продукцию, не побоюсь этого слова, волокут просто в промышленных масштабах. Плюс разный там левый синтез, плюс ночные неучтенные партии... Вот когда был Варшавский блок и там торчал наш, советский контингент со всемогущим «кейджиби» в придачу - никаких утечек ВВ* налево не было. Ушли «комми» - тут же началась свобода и рыночные отношения... Ну, чехов и заставили пихать в изделие «парфюма» больше, чем нужно. Для скорости анализа.

Из здания мы выскочить успели. И, кажется, даже почти добежали до «Тигра». А потом мне в спину мягко, почти нежно пахнуло жаром, будто из протопленной на совесть парной в бане. И вокруг стало очень темно и тихо…

Глава 5

2024-й.

«Принимать дела и должность» мы с Гольденцвайгом пошли прямо из «Двух кружек», разве что с Павловым возле базарной площади распрощались. А сами направились к пристани, знакомить меня с «транспортным средством» и его экипажем. Ну, или меня им представлять, тут уж кому как больше нравится.

«Припарковано» Костино «средство передвижения», являющееся по совместительству еще и орудием производства, чуть в стороне от основных причалов. Что, в принципе, не удивительно: разгружать и загружать ему тут ничего не нужно – так чего место занимать? Особенно в базарные дни?

Вот и пришвартовали ее левее базарной площади (если с берега смотреть), у небольших мостков. Скажу честно, в речных и морских судах я разбираюсь примерно так же, как среднестатистическая здешняя свинья в марокканских апельсинах. В смысле – никак не разбираюсь. Круизный лайнер от толкача-буксировщика, конечно, отличаю, но не более того. Был ли Костин речной танкер таким изначально, или его перестроили из чего-то – врать не буду, не знаю. Но смотрелась его «керосинка» вполне внушительно: длинной, метров, наверное, в полсотни, по ширине – примерно десять. Высокие, под три метра, борта, немного приплюснутая на вид, зато неплохо защищенная наклонными «жалюзи» из толстой стали надстройка на корме. Выкрашена светло-серой, как ее в армии принято называть – шаровой, краской. Что верно, по моему скромному дилетантскому мнению. Прошли времена, когда речные суденышки были яркими, будто тропические птички. Тогда это было и красиво, и видно издалека, чтоб навигацию облегчить. Сейчас – не до красоты. Да и в том, что тебя видно за несколько километров – тоже ныне никакого прибытка, скорее – вред один. Вредно по нынешним «темпорам» и «морам»* слишком заметным быть. Порой – до летального исхода вредно.

Вот и на бортах Гольденцвайговой «лайбы» видны многочисленные пятна не высохшей толком свежей краски. Местами –

просто целые россыпи. По большей части – вокруг амбразур ходовой рубки, стрелковых ячеек и пулеметного гнезда. М-да, теперь понятно, почему Константину срочно новый пулеметчик понадобился… На бронещите, прикрывающем спереди крупнокалиберный НСВ «Утес» - живого места нет. Настолько, что с «точечной покраской» даже возиться не стали – просто целиком его перекрасили. Это кому ж так господин Гольденцвайг не угодил, интересно, если кто-то настолько всерьез его прижать хотел? Хотя, может, и прав Иваныч: не за самим Гольденцвайгом охотились, а за деньгами, которые у него при себе на ту прорву горючего, за которым он в Емву шел…

- Константин, а сколько вы за раз горючего на своей «ласточке» перевозите?

- Полная грузоподъемность – двести тонн, - Гольденцвайгу похвала явно польстила. – Два топливных танка по сто тонн, один под бензин, второй под соляр.

Ни фига себе! Действительно, хороший бизнес у человека! Литр бензина, если меня мой склероз не подводит – это семьсот тридцать грамм веса, а литр соляры – восемьсот шестьдесят… Да по сто тонн «и того и другого, и можно – без хлеба»… Да перемножить на пусть даже оптовые расценки на горючее… Е-мое… Нет, я и до этого знал, что топливом торговать – дико выгодно, но вот о порядке сумм как-то не задумывался до сегодняшнего дня… И – лучше б и не думал: теперь спать буду плохо, нервно.

- А по речкам ходить не опасаетесь? Все-таки не море…

- Нет, - усмехается Константин. – У нас осадка – меньше метра. Это же, по сути – плоскодонка. Так что, проходит практически везде. И – добро пожаловать на борт!

За коротким диалогом и моими размышлениями о чужих деньгах мы незаметно дошли до трапа, возле которого дежурил вооруженный ручным пулеметом РПК-74 невысокий голубоглазый широкоплечий парняга лет тридцати, примерно. Бритый наголо, зато с шикарными, ухоженными обвислыми «запорожскими» усами пшеничного цвета. Вахтенный, как я понимаю.

- Капитан, на борту без происшествий! – бодро рапортует вислоусый, вставший при приближении Константина с изображавшего причальную бухту бревна, вбитого в песочек на берегу.

- Отлично, Валер, так держать, - кивнул Гольденцвайг и представил меня. – Знакомься, это Александр, наш новый пулеметчик на «Утес».

Глянул на меня вахтенный откровенно недобро, но руку для пожатия все же протянул.

- Валера.

- Александр.

Ну, вот и познакомились. Хотя, сильно сомневаюсь, что Валере очень приятно. Ну, прогипотетическую очередь на должность охранника в Ярославле я, вроде, упоминал уже. А тут какой-то левый хрен с бугра…Кто ж такому обрадуется? Ладно, позже разъясним этот вопрос, чтоб никаких непоняток не оставалось. А то подобные «миссандестендинги»* в бою могут и чем-то нехорошим закончиться. Оно мне надо?

- Ну что, Сан Саныч, - оборачивается ко мне уже взбежавший по трапу на палубу Константин, - куда сначала? Жилые помещения осматривать, или рабочее место?

- Сперва бы на пулемет поглядеть, - я поднимаюсь следом за нанимателем. – Спать, если прижмет, где угодно можно. Но только при условии, что ты еще жив…

- Тоже верно, - хмыкнул тот в ответ.

Огневую точку под «Утес» готовил явно человек рукастый: напоминающая примерно метровой высоты тюбинг, только не бетонный, а стальной, полутораметрового где-то диаметра (тесновато, конечно, но мне тут не фокстроты танцевать). Небольшое, примерно как в БТР-80, креслице для стрелка, соединенное в единое целое со станиной пулемета. Под ногами, на прикрепленном снизу к креслу порожке – две педали.

- Для поворотов?

Константин подтверждает, да, электропривод для поворотов НСВ со станиной и стрелком в кресле. Правая – вправо, левая, соответственно, влево. По уму. Значит, вручную только вверх и вниз стволом водить, что не тяжело совсем. А вот поворачивать его руками, да еще при толстой, в сантиметр, примерно, стальной плите защитного щитка – упрел бы. Спереди под стволом – плотный мешок из выцветшего до белизны брезента подвешен. Тоже понятно – гильзы вылетающие собирать. Склады армейские прежних времен – пусть и

большие, но не бездонные. А латунная гильза спокойно восемь – десять переснаряжений выдерживает, а повезет – так и больше. Еще один плюс конструктору этого шайтан-агрегата. Электроспуск – почти как ручной тормоз на велосипеде, только рычаг не наружу, а внутрь оттопырен. Прицел обычный, механический, ничего сложного. Разве что вертикальная амбразура у щитка здорово поле зрения сужает. Впрочем, судя по состоянию этого самого щитка и судьбе последнего, кто в этом кресле сидел – и такая, порой, слишком широкой оказывается. Хотя… Нет, не показалось! С внутренней стороны хорошо видна пусть и закрашенная, но бросающаяся в глаза бороздка на металле.

- Вот так прошлого пулеметчика и убили?

Гольденцвайг молча кивает в ответ.

Интересно… Это что же – сразу с двух берегов нападение шло? С одного - отвлекающий огонь, а с другого – кто-то меткий коллективные огневые средства «выстегивал»? Очень на то похоже.

- Константин, пока на ремонте стоим, заказал бы ты сделать вот сюда, - я показываю, где именно – прямо за спинкой кресла пулеметчика, - вот такой высоты, примерно, рамку. Хоть из прута арматурного, не важно. А я на нее свой бронежилет повешу…

Тоже не ахти какая защита, - бока все равно открытыми останутся, но хоть в затылок уже никто не выстрелит – и то хлеб.

Капитан «керосинки» явно понял, что я имею в виду.

- До Емвы дотерпит? Там нормальную спинку сделаем, стальную.

- А мотор еще и ее потянет? – с сомнением смотрю на него я. – Он и так весьма солидный вес крутит-вертит.

Вот этот вопрос Константина явно озадачил.

- У Семеныча спросить нужно. Ну, у механика. Он у нас по всей этой машинерии главный. Как скажет – так и будет. Если нет – прямо тут и закажем «вешалку» для твоего бронежилета, все равно выходим только завтра.

Ну, значит спросим у Семеныча, заодно и познакомимся. Кроме моториста Алексея Семеныча, пожилого дядьки, морщинистым загорелым лицом, хитрющими зелеными глазами и запущенной седой шевелюрой, одетого в рабочие брезентовые штаны и застиранную тельняшку с подвернутыми рукавами, меня представили и остальной команде. В которую входил навигатор Штольц (представляете, человек

сам так представился – Штольц, ни имени, ни отчества) – длинный и рыжий субъект в возрасте где-то от тридцати до пятидесяти, точнее я на глаз определить не смог и Юрка – вихрастый чернявый паренек, лет шестнадцати. Здорово, кстати, на Константина похожий. Если и не брат, то наверняка какой-нибудь дальний родственник, к делу для обучения приставленный. А пока выполняющий на речном танкере многочисленные и сложные обязанности «старшего куда пошлют».

С остальными бойцами охраны познакомиться не удалось – отсутствовали. Уже знакомый мне Валера – на вахте, а остальные – либо в кабаке пиво попивают, либо девок продажных щупают. Нет, а что, вполне достойное занятие. Особенно учитывая некоторые особенности нашей с ними «специальности», при которой завтракая, никогда не уверен, что доведется ужинать.

Гольденцвайг объяснил мотористу суть проблемы по защите пулеметчика с тыла. Тот проникся. Поди, не проникнись тут, если из-за отсутствия этой самой защиты они на днях товарища схоронили. Семеныч что-то пару минут прикидывал в уме и «поставил диагноз».

- Выдержит, почти впритык будет, но потянет. И сделаем даже не пластину, а вроде как «ложку» внутрь вогнутую. Будет и спину, и частично с боков прикрывать. Но тут с таким заказом никто нормально не справится, нужно до Емвы тянуть, я лучше – вообще до Ярика. У меня там, на судостроительном заводе кореш. Сделает в лучшем виде.

- Алексей Семеныч, мне б до Ярославля живым желательно доплыть… - робко влезаю я.

- Плавает дерьмо в проруби, сухопутный, - ехидно подмечает моторист. – А мы – флот, пусть и речной. Мы – ходим. А тянуть до Ярика – один черт придется. Там и дешевле выйдет, по блату-то, и качественнее. А пока, как ты сам и предлагал, соорудим тебе рамку-вешалку под бронежилет твой. Он какого класса?

- Третьего.

- Ну, вот… Автомат выдержит по-любому, а под пулемет – не подставляйся и клювом не щелкай. Гришаня-то, покойный, царство ему, вообще так обходился…

- И чем оно для него закончилось? – хмуро интересуюсь я.

- Это да, - соглашается моторист. – Фигня вышла, чего уж…

Оставив Семеныча колдовать над проектом рамки, мы с Константином, в сопровождении шустрого Юрки, спускаемся в жилое

помещение под надстройкой.

Да уж, это вам не трансатлантический лайнер. Впрочем – не сказать, что совсем плохо – на купейный вагон похоже. Три двери, сдвигающиеся вбок по направляющей, одна – чисто капитанская, попросторнее, на одного человека, и две – на экипаж, по четыре койки в каждой. Интерьер – не просто скопирован, а совершенно натуральным образом выдран из железнодорожного пассажирского вагона, как говорится – «с мясом». Этот коричневый дерматин полок и исцарапанные столики ни с чем не перепутать. Разве что окошка нету. Вместо него – глухая стенка. А за ней, как я понимаю – машинное. Интересно, как тут со звукоизоляцией? Двигатель вообще сильно шумит? Впрочем, когда действительно хочется спать – не мешает даже грохот близкой перестрелки. На себе проверено, причем неоднократно.

Недолго поразмыслив, Константин меня разместил в кубрике команды, решив, что со Штольцем, Юркой и Семенычем у меня никакой взаимной неприязни возникнуть не может изначально. Ну, а с остальными охранниками – как-нибудь по ходу пьесы разберемся. Да и ненадолго я тут. Сколько от Никольска до Емвы по реке? Километров пятьсот – пятьсот пятьдесят? Сомневаюсь, что больше. А скорость у этого корыта (ой, не ляпнуть бы чего подобного вслух – за борт ведь выкинут) какая? Да даже если пятнадцать километров в час… За трое-четверо суток дочапаем. Не успею я со здешними «гардами» закуситься, особенно если сразу все точки над «Ё» расставлю. О, кстати, именно этим, сейчас, и займусь!

Бросив свой тощенький ранец с пожитками на свободную теперь верхнюю полку, а автомат аккуратно пристроив в зажиме, оборудованном на месте вагонной сетчатой полочки под разное мелкое барахло, снова выхожу на палубу и спускаюсь к вахтенному.

- Валер, на два слова. Не отвлеку?

- Не, нормально, слушаю, - пристально смотрит он на меня, явно соображая, чего мне вообще понадобилось.

- Хочу сразу разъясниться… Я тут – человек очень временный. Капитан всем распедаливать не будет, на то он и капитан, его приказы не обсуждают… Но чтоб без лишних претензий и глупых вопросов – яс вами только до Ярославля. И все. Просто так звезды сошлись: вам пулеметчик на «крупняк» нужен, а мне – подзаработать чутка. В

Ярославле я рассчитываюсь и схожу на берег. Ни на что не претендую, никого подсидеть не пытаюсь. Лады?

- Лады, - взгляд моего собеседника проясняется, а в голосе появляются радушные нотки. – Слушай, коль ты к нам не насовсем – подсобишь мне малехо?

- Это смотря с чем, - на всякий случай решаю уточнить я.

- Да вот как раз с ним, - Валера тычет указательным пальцем в пулеметное гнездо с гордо задравшим «хобот» в небо «Утесом». – Тому, кто на «крупняке» - полуторная доля обычного стрелка идет. И по зарплате, и от трофеев, если есть… А Григорий, покойник, парень был неплохой, но, зараза, скрытный… Ничего показывать не хотел. Мы ж теперь минимум девять-десять суток вместе идти будем… Научишь?

Хм, а почему нет? Мне, собственно – без разницы, кто после меня этим НСВТ «рулить» будет. А пусть и не друг, но хорошо относящийся ко мне человек среди местных охранников – это уже немало.

- Да без проблем.

Шикарные Валерины усищи аж приподнимаются от его широченной улыбки.

Ну, вроде, отношения начали налаживаться. Надеюсь, у Валериных товарищей ко мне претензий по поводу его обучения не возникнет… А то, мало ли, вдруг он не единственный, кто на полуторный оклад и полуторную же долю в трофеях претендует. С другой стороны: в большой семье – кто раньше встал, того и тапочки. А ко мне, в таком случае, какие претензии? Не нужно было по кабакам сидеть, пока шанс был.

По борту тихонько шлепает волна, за спиной у меня взбивает в пену речную воду винт двигателя. Солнце над кромками деревьев едва встало. Начинают орать по берегам проснувшиеся птицы. Хорошо… Правда, от воды ощутимо тянет холодком. Так на реке и в летнюю жару – прохладно, чего уж говорить про пусть и необычно теплый, но апрель? Река буквально только-только для навигации доступна стала. Я к такому раскладу готов был изначально, потому и поменял заранее свежеприобретенный маскхалат назад на утепленную «горку». Это на берегу в ней жарковато, а посреди реки, да на свежем ветерке – самое оно.

Я, на правах новичка, первым заступил на дежурство. Теперь вот сижу, бдю. Заодно и свежим воздухом дышу, слегка загораю и с Семенычем беседую. Тот из своего попахивающего солярой и горячим маслом «хозяйства» наверх выбрался, едва только мы от пристани в Никольске отвалили. Теперь вот сидит рядом, слушает, как работает дизель и меня разговорами развлекает. Я одним ухом его слушаю, а сам головой кручу почти на триста шестьдесят по кругу. Все при деле.

Механик, подобно очень многим пожилым людям, как мне кажется, вообще в собеседнике особенно не нуждается. Главное – что бы был слушатель. Ну, разве что нужно время от времени выдавать какие-нибудь междометья, желательно – с заинтересованной интонацией. И монолог будет продолжен. Но при всем этом Семеныч оказался действительно хорошим рассказчиком. И изображать заинтересованность не приходится, мне на самом деле интересно. Вот прямо сейчас он мне про баржу рассказывает.

- Старушка-то наша – еще ого-го, пусть и ровесница моя, тоже шестидесятого года, ага… Вообще-то она изначально не под «горючку» построена. Зато почти никакой осадки, под полной загрузкой – около метра. Почти где угодно пройдет… Да… И дизелек у нас отличный: К-262, не слыхал?

Дождавшись моего отрицательного гуканья, механик продолжил.

- Ну, да, откуда ж тебе… Их же выпускать перестали еще до того, как ты родился… Но дизелек хороший, надежный. И тянет хорошо. Восемьдесят «лошадок»…

Услышав изданное мною скептическое хмыканье, Семеныч бросился на защиту своего «подопечного».

- Чего хрюкаешь?

- Ну, как сказать… У меня раньше машина была… «Шевроле Авео». Движок – всего один и шесть, а «лошадей» - и то больше было.

- Ну, может, и больше, - прищурился Семеныч. – Дело-то не только в количестве «лошадей». Неужели не понимаешь? Вот, скажем потянул бы твой «Авео» нашу красавицу?

Тут мне пришлось честно признаться, что в подобном я как-то сильно сомневаюсь.

- Вооот, - наставительно поднял указательный палец Семеныч. – А дизелек мой – сам видишь. Да, скорость, конечно – не болид на

«Формуле»… И даже не «Авео» твой. Но честные десять узлов под полной загрузкой дает. Порожняком, как сейчас, конечно, больше.

- Слушай, Семеныч, вот всю жизнь интересно было: а «узел» - это сколько?

- Узел – это чуть меньше двух километров час, один и восемь примерно.

Надо же, то есть мы сейчас не меньше двадцатки в час выдаем? Такими темпами в Емве точно через три дня будем… Эх, где ж вы – старые времена, с радиобуями, створными знаками, бакенами? Тогда б вообще за сутки-полтора управились. Но и так неплохо. А на ночь, скорее всего, где-то остановимся. Не тех размеров тут река, чтоб по ночам по ней без всех «роскошеств» прошлых времен гнать. Даже не мель, а просто на топляк налетим на полном ходу – мало не покажется. У нас все-таки не крейсер, никакого броневого пояса нет и в помине.

- Ага, - продолжает старик. – Аппетит у нашего дизеля, конечно, поболе, чем у «Шевроле» твоего. Но – не запредельный. Двадцать пять литров на час работы. Но у нас и бак – два с половиной кубометра. Мы от Ярославля до Княжпогоста можем вообще без остановок дойти, правда, совсем впритык получается, но – можно…

- До чего? - не понял механика я.

- До Княжпогоста, - охотно повторил тот. – Раньше Емва Княжпогостом звалась. Да и сейчас большое село напротив нее так по-прежнему называется. Как по мне – так Княжпогост выговаривать проще, хоть и длиннее. Да и красивее звучит…

Тут нас бесцеремонно прервал выбравшийся на палубу Валера. Вот же нетерпеливый. Пообещал я ему, что как выйдем, так и начнем с ним тренироваться. Он и вскочил спозаранок. Одно радует – не предвидится никакой «бычки» со стороны остальных охранников, по поводу того, что я именно Валеру учить буду. Как-то они там вчера сами разобрались. Не исключено, что по принципу тех самых тапок в большом семействе, не знаю.

- Ну, чего, Саныч, когда приступим? – Валера прямо-таки лучится энтузиазмом.

- Для начала, товарищ курсант, пополняем боекомплект, - подло пользуюсь подвернувшейся оказией я. – А то тут всего одна коробка патронов, та, что к пулемету пристегнута… Куда годится?

Ну, да. Остальные патроны – в небольшом закутке возле жилых кубриков. Я их там еще вчера нашел. Вот только один патронный короб на пятьдесят патронов к «Утесу» весит чуть больше одиннадцати кило. А я еще после болезни не оправился, да и просто лениво… Почему бы не припахать «молодого»?

Валера все понял, по глазам вижу. Но – не обиделся, принял как должное. Раз уж напросился в ученики – будь готов к грязной и тяжелой работе.

- Понял, босс! – козыряет он мне двумя пальцами и ныряет назад, в ведущий вниз тамбур.

- Какой похвальный «энтузизизм», - хмыкает Семеныч. - Толк выйдет…

- А то, - соглашаюсь я со стариком. – Чего там сложного? Зайцев учат на барабане играть, медведей – на мотоцикле кататься. А этот чем хуже?

- Я все слышал! – пыхтит выбирающийся назад боком сквозь узкую дверь Валера. – Но не обиделся.

- Это правильно, - одобряюще поддакиваю я. – Давай, забирайся сюда, буду тебя учить этой дурынде патронный короб менять.

- А порулить?! – Сделав лицо обиженного детсадовца (что в комплекте с его шикарными усищами – смотрится еще потешнее), тянет Валера.

Понятно. Вот чего человеку для счастья не хватало – на педальки понажимать и в креслице покрутиться. Детский сад, штаны на лямке!

- Ладно, залезай, - уступаю я ему свое место. – Тут все просто – вправо и влево. Но! Руками ничего не трогать. А то, как пальнем по курсу – капитан нас с тобой обоих в порошок сотрет. Невзирая на твои былые заслуги. А меня, скорее всего – прямо тут на берег ссадит. И останемся оба… Я – без денег, ты – без дефицитной специальности.

Валера, несмотря на мой шутливый тон, к предупреждению отнесся на полном серьезе, даже руки в замок за спиной сцепил.

Зажужжал электромотор, ствол «Утеса» шустро повернулся сначала влево, а потом – вправо.

- Прикольно, - Валере явно понравилось.

- Ну, еще пару минут побалуйся, приноровись к скорости вращения, а потом – начнем заниматься по-взрослому.

Занимались мы с Валерой до самого обеда, прервавшись только на прием пищи. Готовил, и готовил, кстати, весьма прилично, «юнга» Юрка. Надо же, талант у парня. Нет, самому себе яичницы с колбасой пожарить, или там картошки-пюре заварганить в его возрасте и я мог запросто. Но вот на десяток взрослых мужиков супа грибного наварить, или гречки с мясной подливой… Словом, голодом на этой безымянной речной посудине не пахнет, что не может не радовать. Изголодался я за зиму, чего уж врать-то. Режим жесткой экономии – штука мало приятная.

Кстати, и правда, интересно, а почему у этой «керосинки» имени нет? Ну, называют же люди свои яхты всякими красивыми именами, а танкер, пусть и речной, плоскодонный, в этом плане - чем хуже? Нужно будет во время следующей вахты у Семеныча поинтересоваться.

- Чем это вы там который час занимаетесь? – тормознул меня на выходе из такого же крохотного, как и все остальное на этой барже, камбуза Гольденцвайг. – С самого утра над головой привод жужжит.

- Смену себе готовлю, кэп, - рапортую я. – Заодно устанавливаю дружеские контакты с экипажем. Сомневаюсь, что вам грызня между мной и остальными охранниками по душе пришлась бы.

- Не было бы никакой грызни, - Константин явно уверен в том, что говорит. – Пока я тут капитан, только я решаю – кто и с кем кусаться будет. Но в целом – молодец, все верно. Главное – про основные обязанности не забывайте. Тут, конечно, места относительно спокойные, обжитые… Но – береженного – бог бережет…

- А не береженного – конвой стережет, - заканчиваю я. – Не беспокойтесь, кэп, все будет в ажуре.

И мы с Валерой продолжили тренировки.

После обеда баржа ненадолго заходит в Великий Устюг – родину Деда Мороза. Оказывается, Костин танкер тут еще и почтарем подрабатывает. Но задержка вышла совсем короткая: пару мешков и несколько небольших фанерных ящиков, опечатанных казенного вида сургучовыми печатями, сгрузили. Еще один почти такой же мешок на борт приняли. Дружелюбно «квакнули» на всю округу ревуном на прощание и пошли себе дальше. А ближе к вечеру, когда солнце уже ощутимо сползло к закату, встали на прикол в порту Котласа. Как я и предполагал, ночью по здешним речушкам, узким и извилистым, идти

не рискует ни капитан Гольденцвайг, ни его штурман Штольц. Хотя, судя по отзывам что Валеры, что Семеныча, оба на реке не новички и дело свое знают туго. С другой стороны – к чему спешить? Пять-шесть часов разницы особой роли не сыграют. А вот сесть брюхом на какую-нибудь песчаную отмель или о шальной валун или просто дрейфующую по течению корягу борт пропороть… Кому оно нужно?

Правда, в отличие от Никольска, на берег никого не отпустили. Как я понял, тут «увольнительные» только в конечных точках маршрута. Ну, а Никольск… Там вынужденно было – на ремонте стояли, смысл был команду на борту мариновать?

До Емвы, по словам ужинавшего одновременно со мной Штольца – двести девяносто километров.Завтра ближе к вечеру будем на месте. Даже быстрее, чем я прикидывал. Черт возьми, а такая служба мне нравится все больше. Идешь себе по реке: свежий воздух, тишина, солнышко…Разве чтосвежезакрашенная выбоина на обратной стороне пулеметного щитка как-то слегка восторги остужает. Да и не зовут меня сюда. И не позовут. Не стоит и привыкать к хорошему. Через неделю-полторы придем мы в стольный град Ярославль, и получу я полный расчет. А там – найду какой-нибудь попутный транспорт, и назад, в Никольск. Если честно, дико интересно, что за серьезные мужики меня там отыскать пытаются и на кой я им понадобился?

На следующее утро, от самой «собачьей вахты» и до прибытия в Емву мы снова дежурим компанией с Семенычем и Валерой. Сначала моя смена, потом – стажера моего и обе у нас посвящены обучению. Менять патронные короба и крутиться туда-сюда мы уже умеем, теперь тренируемся в целеуказании . Я подмечаю по берегам какие-нибудь приметные ориентиры, а Валера, по моей команде, должен их отыскать и пулемет на указанную цель навести. Так и резвимся с самого утра.

- Поваленная мачта ЛЭП по левому борту!

«Хобот» НСВ рывком поворачивается влево и замирает.

- Неплохо. Отставить!

Пулемет возвращается в исходное положение.

- Разрушенный сарай на поляне с тыла!

Вот тут Валера малость налажал: ствол пулемета сначала резво пошел вправо, а потом – влево… Ага, сарай-то этот мы прошли уже, а по какому именно борту он остался – тот, видно, сразу не вспомнил.

- Плохо…

- Точно, - поддакнул Семеныч. – Пока ты стволом рыскал – запросто мог свинцовую плюху головой словить. Как Гриша, прости господи.

Механик, как я уже говорил, с самого утра снова с нами. Сидит, байки нам разные травит. Заодно – отвлекает внимание, отчего каждая моя новая «вводная» для Валеры – всегда неожиданность. А мне еще и просто механика послушать интересно. Вот прямо сейчас он рассказывает, как после ядерных ударов, потери связи с Москвой и некислого землетрясения, последовавшего за атомной бомбардировкой, заключенные из здешних «учреждений особого содержания» (в первую очередь – пятьдесят первой исправительной колонии строгого режима), попытались тут, в Княжпогосте, устроить бучу. Причем, «зашли с козырей» - перебили немногочисленную охрану, вооружились и пошли по окружающему жилому сектору в поисках спиртного и баб.

И, кто знает, не случилась бы тут вторая Вологодчина, да только не свезло местным «пиковым» - прямо под боком, меньше чем в километре, располагался учебный центр УФСИН. В котором как раз на подобные, пусть и меньших масштабов, чрезвычайные происшествия парней из минюстовского спецназа натаскивали. Сам он, понятно, свидетелем не был, но рассказов о тех событиях слышал много. Пальба, говорят, стояла, будто во время штурма Грозного. Трое суток совершенно осатаневшие от происходящего бойцы спецназа ФСИН отлавливали, и будто бешеных псов отстреливали разбежавшийся по окрестностям «подотчетный контингент». Крови тогда пролилось много. И «мирняку» досталось, и минюстовцам… Ну, а уголовников – так и вовсе потом не считал никто. М-да, знакомая картина, в Вятке примерно то же самое было. Но ведь справились же, и здесь, и в Кирове. Почему ж в Вологде так не вышло? Почему на пути будущих «князей» тогда только мы в Чухломе встали?! Не знаю…

- О, почти пришли! – отвлек меня от мрачных мыслей механик.

Я проследил за направлением его указательного пальца. Далеко впереди, примерно в километре, возвышаются над водой три высоченные грязно-серые бетонные мостовые опоры.Между ними из воды торчат перекрученные и насквозь проржавевшие обломки ферм, рельсы со шпалами и еще какой-то металлический хлам.

- Вымский мост… Был, - поясняет Семеныч. – Во время землетрясения рухнул. Тут же раньше про землетрясения – даже не слыхали никогда, а как тряхнуло – почти все высотные конструкции, что дома, что мосты вот – и осыпались… Потом между второй и третьей опорами фарватер более менее расчистили, мы вот – вообще свободно проходим, даже при полной загрузке…

Да уж, у нас вообще до обмена атомными «приветами» много где про землетрясения не слыхали никогда. А вот когда вздрюченная ядерными взрывами земная кора вдруг пошла зыбью и тектонические плиты стали разламываться и расползаться в самых непредсказуемых местах… Сколько городов тогда стерла вместе со всеми жителями в пыль беспощадная стихия? Сколько народу погибло потом, на руинах родных домов? Сколько замерзло насмерть или умерло от голода в первую зиму? Или вы решили, что из больших городов в места, вроде Никольска, народ просто так, из любви к свежему воздуху ушел? Ну, да, как же! Просто крупные города превратились в гигантские могильники, расчищать которые ни у кого не было тогда ни времени, ни сил. И уж точно нет всего этого сейчас. А жить на гигантских даже не кладбищах, там покойники хотя бы в могилах, а посреди натуральных открытых могильников – это уже совсем больным на голову быть нужно. Причем, еще и поистине богатырским здоровьем обладать при этом. Представьте себе тысячи, десятки, а то и сотни тысяч трупов. Которые лежат среди руин без погребения…. Представили? А теперь задумайтесь: что там творилось в тот момент с точки зрения эпидемиологической опасности? Да любая средневековая европейская «Черная смерть»* покажется детским криком на лужайке.

А вот городкам небольшим и, с преимущественно, малоэтажной застройкой – повезло куда больше. Даже если на первоначальном этапе и были какие-то разрушения и связанные с ними человеческие жертвы – масштабы были все же не те, что в многомиллионных мегаполисах. И справиться с последствиями местные МЧС, полиция и медики при поддержке граждан вполне могли и сами. Сколько народу проживало в той же Емве, когда земля под ногами ходуном заходила? Думаю – не больше пятнадцати тысяч человек. Чуть больше, чем в покинутом нами чуть больше суток назад Никольске. И выглядело все, думаю, почти так же – огромный частный сектор с одноэтажными деревянными домами, многоэтажки – максимум на пять этажей, да

еще, небось, все крепкой, советской постройки. Красный или белый, силикатный, кирпич. Никаких вошедших в моду в десятых годах двадцать первого века «быстровозводимых» (и так же быстро складывающихся при малейших подземных толчках) конструкций. Все прочно и основательно. Да и далеко Емва была что от целей ядерных ударов, что от эпицентра чудовищного землетрясения, что буквально пополам разломало материковую плиту примерно по границе России и Финляндии и превратили Ладожское и Онежское озера в продолжение Финского залива. А Питер и прочие окрестные городки поменьше – в груды камня и бетона, торчащие из чуть солоноватой воды… Такие вот дела…

То, что Емва – это вам не мелкий торговый городок, вроде Никольска, видно сразу, по пристани. Никаких деревянных мостков, все солидно и основательно. Высокая бетонная береговая стенка, бетонный же причал. Правда – один, но при здешней судовой активности больше и не нужно. Не рыболовецкий порт все же и уж точно не туристическая гавань. Чуть поодаль - целый комплекс выглядящих вполне исправными и функционирующими складов и – нечто, напоминающее небольшого размера сухой док или кораблестроительные стапели (не силен я все же в этом вопросе), но тут я не уверен.

- Все верно, ремонтный док, - подтверждает мои догадки Семеныч. – По каким-то серьезным вопросам, конечно, лучше в Сыктывкар идти, а по мелочи – и тут сделают. Каркас под «броник» твой – как раз тут закажем, минут за двадцать сделают и установят. А вон там портовое управление. И «железка» вон, прямо к причалам подведена.

Да, железную дорогу я уже и сам углядел. Наверное, и внимания бы не обратил: сколько я за последние годы видел брошенных вокзалов, железнодорожных станций и депо? Но тут небольшой, попыхивающий черным дымком мотовоз уверенно тащил куда-то от причалов к складам срезу четыре грузовых платформы, битком забитых ящиками. Надо же – сохранили! Сто лет исправного железнодорожного транспорта не видел! Ай, молодцы тут ребята! И не только в плане «железки» молодцы. К возможным недружелюбным визитам тут явно готовы. Если присмотреться, среди разных строений можно увидеть стальные «грибки» башен бронетехники. И там не

только КПВТ бронетранспортеров, там еще и семидесяти трех миллиметровые пушки видны, те самые «Громы», что на БМП первой модели ставили. Причем сектор обстрела у этих «грибочков» хороший, и расположены они весьма толково – накрывают всю здешнюю акваторию с изрядным перекрытием. Профессионал занимался.

Как я вскоре понял, полный порядок в Емве был не только с портовыми сооружениями, железной дорогой и фортификацией. Едва мы, предварительно пару раз громко «квакнув» ревуном, начали швартоваться, как на причале нарисовалось четверо ребят вполне характерной наружности и еще один, тоже не менее характерный, но явно «из другой сказки». В смысле, последний – типичный невысокого ранга клерк, пусть и одет он не в дешевый синтетический костюм и галстук, а в какую-то серую спецовку. Все равно ошибиться при виде такого – практически невозможно. Глядя на первых четверых – тоже все видно сходу. Мои коллеги. Охрана. Причем, похоже, не наемники «на сдельной», вроде меня и прочих охотников за головами, а постоянная, что называется - «на окладе». Одеты все в одинаковую «цифровую флору», поверх камуфляжного окраса бронежилетов – армейского образца разгрузочные жилеты, на головах – обтянутые матерчатыми чехлами шлемы. Вооружены все «семьдесят четвертыми», теми, которые «М» - с черной пластиковой фурнитурой и полноценным, не рамочным, пластиковым же складывающимся прикладом. Молодняка нет – взрослые уже дядьки, примерно мои ровесники. Это что, что-то вроде таможенного досмотра?

На палубу уже вышел Гольденцвайг. Видимо, углядев какое-то сомнение в моих глазах, подошел и пояснил.

- Не беспокойтесь, Александр, это – нормально. Тут к безопасности относятся крайне серьезно, но ведут себя спокойно. Проблем с ними не бывает никогда, ну, если самому на них не нарываться.

Я понятливо головой мотнул, мол, усвоил, проблем искать не буду. А мы, меж тем, «пристыковались». Борт «керосинки» мягко ткнулся в висящие вдоль причала крупные, от грузовиков, наверное, покрышки (в голове мелькнуло откуда-то, скорее всего, по книжкам про капитана Блада знакомое словечко «кранцы»). Мягко качнулась под ногами палуба, лязгнув цепями, развернулся и лег на настил причала наш трап.

Первым на борт поднялся один из охранников. Следом за ним – портовый чиновник. С Константином они поздоровались за руку, видимо – давно знакомы. Обменялись парой дежурных приветственных фраз, потом чиновник повернулся к собравшейся у надстройки команде нашей баржи.

- Итак, господа-товарищи, со времени вашего последнего захода к нам правила не поменялись: оружие в город выносить по-прежнему нельзя. Даже холодное. Поймают на нарушении – отправят на общественные работы года на полтора.

- «Общественные работы» - это типа шутка юмора у них тут, - шепнул стоявший у меня за спиной Валера. – На деле – каторга, самая натуральная. Так что – не вздумай даже…

Я лишь понятливо угукнул, не разжимая губ. А чиновник меж тем продолжил.

- Если найдется кто-то настолько тупой, что не только протащит в город «пушку» или «перо», но еще и догадается его в дело пустить – вздернут без долгих разговоров. Тут по таким поводам судопроизводство до предела упрощенное. В остальном – все как везде. Приятного отдыха. И, пожалуйста, оставайтесь пока на своих местах, пока мои помощники не осмотрят ваше судно на предмет «зайцев» и незаконно перевозимых грузов.

Четверо «помощников» споро двинулись от трапа к надстройке. Ну, да, спуск вниз у нас только один. На палубе – только технические люки в топливные танки, но там «зайца» не спрячешь…

- Сам ты, «суднО», - чуть слышно пробормотал Семеныч, - сапог, блин, сухопутный…

- Семеныч, - повернул я голову к механику, - а тут что, и список контрабанды имеется?

- А то, - уже громче, не опасаясь, что услышат, ответил мне пожилой механик. – Любые облученные предметы, наркота, оружие, рабы…

Надо же, в том же Никольске купить или продать можно было практически все, что угодно. В этом вопросе «князья» были полностью согласны с избитой фразой про «не надо кошмарить бизнес» (ну, разве что за исключением «фонящего» хабара, за который где угодно, кроме уж совсем глухих дыр на Пустошах, прикончат без долгих разговоров,). Продавай и покупай почти все, что хочешь, хоть гранаты,

хоть героин. Главное – не забывай налог «князю» платить. Разве что в том же Никольске далеко не на любой товар покупатели найдутся. Людьми, к примеру, там не торговали никогда, сколько я этот городок знаю. Но Никольск – это не вся Вологодчина, и уж точно не вся бывшая Российская Федерация. Есть места, где целые невольничьи базары имеются, практически как в какой-нибудь «Хижине дяди Тома» госпожи Бичер-Стоу, или, недоброй памяти, Чеченской республике Ичкерия времен ее короткой, но уж очень «веселой» независимости. И людей там продают с той же легкостью, что поросят в Никольске. Доводилось видеть… До сих пор как вспомню – зубы скрипят, чуть не крошатся. Но в таких делах - один в поле не воин. Это с вологодскими«князьями» у нас в Чухломе договор был заключен очень жесткий, и они его нарушать пока не рискуют. Хотя, чую, борзеют уже потихоньку, на «прогиб» нас пробуют. Взять ту же историю с патрулем и этим полудурком Мотылем…Сейчас мне происшедшее кажется уже не таким простым, как в тот момент. Возможно – специально молодого «натравили», поглядеть, как отреагирую, как себя поведу. А вот в других краях, у нас никакой власти нет. Не исключаю, кстати, что многие «князья» людьми все же приторговывают, но тихо, не привлекая лишнего внимания и не на своей земле…

Вооруженная четверка портовых охранников, тем временем шустро проверили надстройку, открыли и внимательно осмотрели, попутно еще и каким-то щупом в них пошерудив, горловины топливных танков и, удовлетворившись результатом осмотра, снова сошли на берег. За ними следом отправился и Константин, куда-то в сторону портового управления. Думаю, по поводу оплаты и отгрузки горючего решать вопросы пошел. А мы остались.

- Слушай, Семеныч, а внутренности баков они совсем не проверяют? – меня поведение здешней таможни слегка удивило.

- А ты, Саша, как себе этот процесс представляешь?

- Ну, не знаю… Фонарь подтянуть какой-нибудь, чтоб люмен* побольше… Просветить…

- В танках – пары топлива, - хмыкаем механик. – Они в плане пожароопасности самому топливу – сто очков форы дадут. Не дай бог рванет – не хуже крупной авиабомбы выйдет. Кому такое счастье нужно? Да и видно будет плохо, танк топливный – это тебе не канистра на двадцать литров, там внутри столько всякого. К тому же, без

спецкостюма внутрь не залезешь… А мы тут на виду, охрана здешняя бдит. Так что – глянули на горловины и вокруг, нет ли каких тросиков, и все, на этом проверка закончена. Опять же – мы тут уже не первый раз, какое-никакое мнение о нашей команде тут уже сложилось.

Надо же… Век живи – век учись. И то, поговаривают, один черт – так дураком и помрешь.

Как я понял, увольнительная на берег тут начнется только после погрузки. И то, не для всех. Минимум двое охранников и один член экипажа тут останутся, на вахте. И что-то мне подсказывает, что одним из двух счастливчиков окажусь я. На правах «молодого». Ладно, сам по тому же праву Валеру за патронными коробами гонял, чего уж теперь обижаться…

Ждать пришлось довольно долго. Даже поужинать успели. Юрка накормил всех горячим густым гороховым супом-пюре с копчеными свиными ребрами. Вкусно, но что-то мне подсказывает, что ночевать сегодня лучше будет прямо в пулеметном гнезде, на свежем воздухе, а не в тесном кубаре на четверых. Не зря гороховые суп и кашу в нас в училище «музыкальными» называли… Налопается такого личный состав, а потом всю ночь в казарме – «фуги Баха» звучат. И ароматы плывут…

Уже почти в темноте, когда начали на пристани зажигать фонари освещения, по ведущей прямо к причалу железнодорожной ветке в нашу сторону откуда-то из-за складских ангаров выполз коротенький состав – десяток железнодорожных цистерн, толкаемых все тем же мотовозом. Однозначно – по нашу душу. В одной цистерне – двадцать тонн. В нашей «лайбе» - два топливных танка по сто тонн в каждом. Не нужно быть Холмсом, чтобы одно с другим сложить.

При цистернах тоже была охрана, тоже четверо. Но уже другие. Скажем так, если портовые были похожи на хорошо экипированных армейцев довоенных времен, то эти и каком-нибудь СОБРе тогда выглядели бы более чем достойно. Черного цвета комбезы, вроде немецких штурмовых, с нашитыми наколенниками, почти такие же, как у меня, обшитые стропами, черные бронежилеты с наплечниками, глубокие гладкие шлемы без забрал. По-моему ЗШ-1, такие у омоновцев были. Хорошие ботинки с высоким берцем. В общем – сурово. И с оружием – тоже полный порядок. Вместо обычных «калашей» - почти новые, едва ли не со склада (ну, или просто очень

ухоженные) малогабаритные СР-3М «Вихрь». Те, что со складывающимся рамочным прикладом, а не со слабенькими и ненадежными, вроде как у «Кедра». И с возможностью установки ПБС. У нас в Отряде такие на вооружении были. Хорошая штука. По компактности – пистолет-пулемет, а вот патрон – как у «Вала» или «Винтореза», мощнее даже калашниковского автоматного. Да уж, во всю эту красоту кто-то вложил хорошие деньги. Впрочем, бензин этот из Ухты привезен. А Ухта – со времени обнаружения там нефти не бедствовала. И до ядерных ударов и, тем более, после. От прочих вероятных конкурентов они сейчас отрезаны с одной стороны – Уральским хребтом, а с другой – мертвой и пока совершенно непроходимой для людей Волгой. А монополистом, да еще на такой нужный и дорогой товар, как топливо – быть хорошо и выгодно.

- Здравы будьте, мужчины! – густым басом поприветствовал нас здоровенный парняга, явно старший среди «черных».

- И тебе не кашлять, Степан, - за всех ответил Семеныч.

- А это у вас что, новенький? – с интересом смотрит на меня названный Степаном здоровяк. – А Григорий где?

- Схоронили мы Григория, - вздыхает механик. - Бандиты… А Саня – да, за него пока.

Степан смурнеет лицом, видно, дружен был с прошлым пулеметчиком.

- Ну, земля пухом хорошему парню… Что, начнем понемногу?

- Начнем, - кивает подошедший от надстройки Штольц.

Тут же откуда-то появляются несколько рабочих в засаленных темно-синих комбинезонах и начинают раскатывать длинные шланги и «колдовать» под руководством Семеныча над установленными на палубе под толстыми защитными стальными кожухами насосами-помпами. Минут через десять те загудели и горючее пошло по шлангам в объемистое нутро речного танкера. В воздухе сильно запахло бензином.

Насосы на нашем танкере, по всему видно, мощные стоят. И гудят солидно так, и топливо по шлангам идет с приличным таким гулом… Опять же, насосов – по три на каждый топливный танк, так что – дело спорится. Двух часов не прошло, все перекачали и трудяга-мотовоз, коротко и тонко, на фоне ревуна нашей баржи как-то даже не солидно, свиснув, утянул опустевшие цистерны куда-то за склады.

Но, вопреки моим ожиданиям, ни четверка «черных» ухтинских спецназовцев с порожней тарой не укатили, ни наши с борта никуда не собираются. Будто ждут чего-то. Как оказалось, и правда – ждут.

Примерно через полчаса после того, как от нас цистерны увезли, на очень странном агрегате, явно имевшем в далеких предках БРДМ-2М, на пристань вернулся Гольденцвайг. Да не один, а в компании еще двоих «черных» и весьма солидного мужика в костюме. В костюме! Я людей в пиджаках и галстуках не видал, наверное, года с восемнадцатого… Ну, может, с девятнадцатого. И те выглядели, скажем так, не лучшим образом. Проще говоря – донашивали «остатки роскоши былой», потому как больше одеть было нечего. А тут – натуральный такой бюрократ из прежних времен. Я так настолько оторопел, что даже перестал пялится на странный БРДМ, лишившийся башни, зато получивший толстое, явно бронированное лобовое стекло. Примерно такое, как на «Урале-Звезда»*, отечественном недо-MRAPe*, что МВД на Кавказе применяло вовсю.. Чудны дела твои, господи. Каких «кадавров» только не плодит та самая голь, что на выдумку хитра!

А вот сам визит – интересен. Кого это принесло, на бронеавтомобиле, да при такой охране, да на ночь глядя? Явно ведь могли и раньше приехать… Начальничкам вроде этого «пинжака с карманами» в токае время «по статусу положено» уже дома дрыхнуть, отдыхая от трудов тяжких. Или дорогое спиртное в пафосных кабаках пить. Но никак не по плохо освещенным причалам в сомнительной компании отираться.

Меж тем Константин и бюрократ спустились с палубы вниз, в помещения под надстройкой. Очень сомневаюсь, что в камбуз… Да и дизельное хозяйство нашего Алексея Семеныча «пинжаку» вряд ли интересно. Хм… За чем же эта компания прикатила? Сомневаюсь, что тут что-то незаконное. Охрана порта – явно не просто так свой хлеб ест. Причем про хлеб – это в наше время и в этих краях в самом прямом смысле сказано. Не самые тут подходящие условия хлебушек растить. Картошка – та да, «колосится» вовсю. А вот рожь, и уж тем более – пшеница тут в дефиците…

Так к чему это я? Ну, да… К тому, что охрана тут – воробьи стреляные. Да и чиновник на броневике и при пехотном отделении здешней «спецуры» в качестве силового обеспечения на

контрабандистов не похожи совершенно. А значит – не противозаконное, а просто ценное…. Что же?

И тут один из черных каким-то привычным жестом вскинул правую руку к уху, будто пытаясь прижать его указательным и средним пальцами. Мать моя женщина! Да у него рабочая радиостанция! Ни фига себе тут люди живут! И сколько это сейчас стоит?! Впрочем, как я уже говорил, топливо – это огромные деньги. У богатых, как говорится, жизнь другая…

Повинуясь негромким командам «радиофицированного», сразу трое «черных», закинув свои понтовые автоматы за спину, прогромыхали железом ступенек трапа следом за нашим капитаном и непонятным «гражданином в штатском». А буквально пару минут спустя начали споро и сноровисто переносить из трюма баржи в десантное отделение БРДМ небольшие и явно не слишком тяжелые металлические ящички с запорами.

- Семеныч, - толкаю я легонько локтем в бок стоящего рядом механика, - это что такое? Алмазы перевозят, что ли?

- Круче, - делает он «большие глаза» и глубокомысленно тычет указательным пальцем в звездное небо. – Куда круче. Алмазы – кому и на кой они теперь нужны? Разве что на сверла «победитовые»… А это – вакцина… Даже две. От энцефалита и от бешенства.

Ууу, не удивительно, что Костин танкер бандиты даже порожний штурмовали, будто революционные матросы – Зимний дворец. Вакцина от того же клещевого энцефалита – бешеных денег стоит, просто невероятных. Край-то лесной, клещуки тут даже в спокойные советские годы серьезной проблемой были. Теперь – и говорить не о чем. А сейчас – как раз самый сезон – конец апреля на дворе.

Или, то же бешенство взять, оно же - водобоязнь. Волков и лис без контроля и регулярных отстрелов расплодилось в последние годы – не меряно. А к ним вдобавок – еще и собак одичавших. Лет пять назад вообще новая напасть пошла вокруг брошенных разрушенных крупных городов – «волколаки». Нет, понятно, что никакой мистики, никаких оборотней. Обычный гибрид волка и собаки. Но тварь – реально страшная, куда там сказочным оборотням. Представьте себе волчьи габариты, мышцы и зубы, и собачье знание о том, что человек – это, на самом деле, такое мягонькое и беззащитное. Полное отсутствие боязни огня, запахов дыма и железа. Сильные и дико опасные твари.

Туда, куда волки сунутся только зимой от полной голодухи и безнадеги - волкособаки просто так придут, в качестве регулярного патруля. Чисто «немного подкрепиться». Только будет это вовсе не так смешно, как с Винни Пухом.

И это только о крупном хищном зверье речь. А ведь есть еще грызуны, вроде крыс и мышей, которые тоже много разного и интересного человеку на своих голых хвостах притащить могут… От банального столбняка до тифа. И если нет лекарств – все, амба. Сам себе гроб колоти и ложись в него, можно даже крышкой накрыться.

Одно мне непонятно, неужели местные ничего ближе Ярославля не нашли. В том же Кирове, точно знаю, филиал какого-то крупного Подмосковного вирусологического центра Минобороны расположен. Причем – до сих пор функционирующий. И до Кирова от этого самого Княжпогоста – почти на четыре сотни километров меньше, чем до Ярославля.

Об этом я и спрашиваю механика. Тот слегка подумав, задал странный на первый взгляд вопрос.

- У тебя, Саша, в школе что по истории было?

- Твердая «хорошо» временами переходящая в «отлично». А что?

- Тогда должен понять… Гражданскую помнишь, которая наша, не американская?

- В общих чертах, - продолжаю машинально отвечать я, совершенно не понимая, к чему это вообще старик клонит.

- Ну, вот и припомни всех этих «великих спасителей Руси», что Белым движением в разных местах командовали. Аналогий не видишь?

- Честно? – я всерьез озадачился. – Пока – нет.

Пожилой механик лишь вздыхает да рукой машет сокрушенно.

- «Хорошо» у него… Явно на физкультуре и НВП все силы растратил… А на истории, видать, дремал на задней парте. Как Николай отрекся, так и не стало в Империи одного лидера. Коля Кровавый – тоже не лучший вариант был, тут уж ничего не попишешь. Но его право на власть никто из «белых» оспорить не мог – самодержец, туды его в качель. А все эти Врангели, Колчаки да Деникины с прочими Красновыми да Унгернами – все они примерно одинаковыми были. Апломба и гонора – до фига: как же, все как один спасители Матушки-Рассеи от «большевицкой чумы», Верховные

главнокомандующие, куда уж там… А вот умения договориться меж собой – не было. Каждый на себя одеяло тянул.

Я, кажется, начал догадываться, но перебивать не стал.

- Вот и эти, что тут, что в Вятке – почти такие же. Реальных прав на власть нет, но каждый – Россию возрождает… И снова каждый на себя тянет, каждый договариваться с соседом не желает. Да еще и сидят рядом. Вот и разругались из-за чего-то в пух и прах. И теперь демонстративно друг с дружкой «не разговаривают». До вооруженного конфликта – не дошло, к счастью, но… Им теперь проще с нами торговлю вести, чем сопернику слабину показать… Хоть и дороже по деньгам выходит…Ну, а нам – все равно, кто там из них на самом деле Верховный, главное – платят и те, и другие.

М-да, как-то не задумывался я на эту тему. Хотя над непонятными разногласиями верхушек разных анклавов размышлял не раз. Ну, с «князьями» вологодскими и так все понятно. Волчарами уголовными были – ими и остались. В девяностые такие друг у друга рынки, ларьки да прочие «бизнеса» выгрызали, вместе с печенью, а сейчас вот – населенные людьми городки, деревеньки и хутора. Для них все только в лучшую сторону поменялось: ментов да прокуроров с судьями не стало. А вот что остальные делят? А вот у корабельного механика Семеныча – готовое обоснование, да еще и с историческими параллелями.

Пока мы с Алексеем Семеновичем языками трепали, ухтинская «спецура» уже закончила погрузку и сноровисто разместилась на броне БРДМ. Гольденцвайг пожал на прощание руку «бюрократу» в костюме. Последнюю фразу их разговора я услышал. «Пиджак» интересовался по поводу новых радиостанций и аккумуляторов, а Константин пообещал, мол, в следующий заход. Ох, елки, крут все же знакомый у Павлова, ох крут! В один конец везет медикаменты и электронику, в обратный – горючее. И везде, думаю, ни в накладе.

- Семеныч, а у вас в Ярике и рации клепают?

- Ну, не в самом Ярике, в Рыбинске, - кивает, оглаживая бороду тот. – А так – да. Понемногу и дорого, но оно сейчас не сильно многим нужно.

- А армейские чем плохи? Есть же относительно компактные… И старые вроде «сто седьмой» или «сто пятьдесят девятой», и новые «Северки» да «Арбалеты»…

- Ну, насчет компактности старых – это ты слегка загнул, - усмехается Семеныч, - эти надгробия на себе не утащишь. А новые… Не везде он были, не везде склады сохранились. А где сами склады устояли – не везде электронику сберегли. Она хоть и армейской прочности, но все-таки не железобетонная. Так что, «Магма» Рыбинская без работы точно не останется.

- Так, - обрывает нашу беседу капитан, - с делами закончили, пора определять наряд. Из охраны останется Александр и…

Взгляд Гольденцвайга заскользил по команде.

- Я останусь, - вызывается вдруг Валера. - Попрактикуюсь еще немного. На обратном пути уже не до того будет.

- Ну, раз сам вызвался, - кивает Константин. – И – Штольц. Остальные – разоружаемся и – на берег. Но чтоб к семи ноль-ноль – как штыки… И это, практиканты… Охрану местную предупредите, чтоб они в курсе были. А то неправильно поймут ваши манипуляции с пулеметом – и вдарят из всех стволов. Где новую баржу брать будем? И за чей счет?

С довольным гомоном экипаж рванул по кубрикам – к предупреждению о «общественных работах» и виселице тут явно отнеслись со всей серьезностью. А я – пошел договариваться с местными. Прав Константин, не стоит людей на пустом месте провоцировать.

Глава 6

За восемь лет до описываемых событий.

Госпиталь… Терпеть не могу лежать в разных больничках, хотя, порой и приходится. Вот и сейчас… Нет, не буду врать и наговаривать: очень даже приличненько тут. Явно ремонт недавно сделали: свеженький линолеум на полу в палатах, кровати еще не скрипят на все лады, карболкой (или еще какой медицинской пакостью) в коридорах не воняет. Персонал вполне приветливый и даже миловидные молодые медсестрички присутствуют. Но до чего же тут тоскливо!

Из окошка моей палаты с высоты третьего этажа открывается «восхитительный вид» на трамвайные пути, чахлую пародию на скверик – поросшую травкой полянку примерно пятьдесят на двадцать, на которой растут целых десять деревьев и какие-то кусты. Растут совершенно бессистемно, за этой «зеленой зоной», похоже, и не ухаживают толком. Телевизор смотреть или с соседями по палате общаться… С этим у меня пока проблема – «травматическая бараконтузия с сухой перфорацией обеих барабанных перепонок», кажется так в моей карте написано, если я правильно расшифровал пиктограммы, которые наши медики вместо букв в своих бумажках карябают. Плюс – сотряс головного мозга (вот уж не думал, что он у меня есть!). Плюс пара мелких металлических осколков в левую ляжку. Плюс общий ушиб организма. Тут вообще описать трудно, а если коротко – как в том анекдоте, про «высыпь на дебила мешок мела и палицу мою приготовь»*. По земле меня взрывом кувыркало, как осенний листочек ветром, да потом в борт «Тигра» впечатало, да сверху Сашей Кацендорном накрыло. А он, как я уже рассказывал, и сам – не былинка ни разу, и в штурмовой «Забор» встегнут был. Как в лепешку нас обоих не расплющило – ума не приложу.

Но самые серьезные последствия – по линии врачей-оторино… Тьфу, мать их, навыдумывали названий – язык сломать можно! ЛОР, короче, ухо-горло-нос. Потому как осколки из ноги вытащили, ранки специальным клеем залили (там даже шить толком нечего было), забинтовали туго и забыли. Разве что антибиотики в задницу по пять

раз в день колют. Профилактика, чтоб ее. А вот со слухом – беда. Звон в ушах дикой громкости, и не слышу ничего толком, даже если прямо в ухо орут. Собственно, поэтому и телевизор не глянуть, и с соседями за жизнь не потрепаться. Лежу, как болван, целыми днями с книжками из госпитальных запасов, или в окошко смотрю, или сплю. И выпуски новостей. Даже когда вообще ничего еще не слышал – смотрел все подряд. Даже из видеоряда можно, при желании, представление о происходящем составить…

Ну, лечебные процедуры еще, куда без них. Прогревания ультрафиолетовой лампой, какие-то загадочные «турундки» с борным спиртом в оба уха (болючие, сука!), таблетки разные чуть не пригоршнями. И уже упомянутые уколы. Задница от них уже деревянная, иглу в «булку» скоро будут как гвоздь в доску – молотком забивать. И это я уже оклемался, первые три дня, как в себя пришел – спать невозможно было: при попытке лечь и закрыть глаза такие «вертолеты» начинались, каких я даже на самых разудалых своих курсантских пьянках не припоминаю. Кружило, будто на «американских горках», состоящих из одних «мертвых петель». Ну, и тошнило при этом, понятно, просто страшно. Потом чуть полегче стало, но слышу по-прежнему практически никак.

Улучшения начались только через полторы недели. Видимо «пилюлькины» здешние свое дело знают – звон с каждым днем все тише, слышу все лучше. С соседями по палате, наконец, познакомился по-человечески. Игорь и Олег, оба капитаны, только первый – просто капитан, из морской пехоты, а второй – еще и лейтенант при этом. В смысле – из флотских, БЧ-2. Это которые – ракетчики, ну и артиллеристы, до кучи. Хорошие мужики, но при общении явно комплексуют. Еще бы, я – хоть официально и «чоповец» мутно-непонятный, неведомым образом в военный госпиталь попавший, но что в Старопетровске приключилось – вся страна уже в курсе. По ТВ трендят не останавливаясь, все остальные новости на задний план задвинув. И то, что я – оттуда, ни для кого в отделении не секрет, медсестры в первый же день «по секрету всему свету» растрепали, сороки болтливые. А у ребят болячки – смешные просто. У Олега – какое-то воспаление в ухе, инфекционное. У Игоря – вообще фурункул, но, зараза, в носу. Не наружу, а внутрь ноздри «голову» дал.

А тут на фоне их глупых, совершенно «штатских» болячек – я, этаким суровым ветераном, блин.

И по телевизору в холле отделения во всех новостных выпусках – одно и то же. Старопетровский кризис, нагнетание международной напряженности, практически сорванная эвакуация гражданского населения (вытащить спасатели смогли только жителей окраин, почти две трети народа так в городе и застряли). Потом какая-то провокация, из-за которой наши пограничники и «вэвэры» сцепились с миротворцами ООН, которые вообще непонятно каким образом там оказались. Нет, кто устроил пальбу в обе стороны и «схлестнул» между собой наши «зеленые фуражки» и «краповые береты» с их «голубыми касками» - лично у меня сомнений не вызывает – те же самые граждане, что вкусно пахнущим семтексом штабы бывших войсковых частей минируют. А вот кто и для чего подтянул к границе с прибалтийской стороны миротворческий контингент, да еще втихаря, без официальных уведомлений… Складывается ощущение большого и заранее спланированного спектакля, в отлаженный ход которого наши, поднаторевшие за последнее время в «ассиметричных ответах», внесли конкретный сумбур и все испортили. И теперь ситуация раскручивается со скоростью взбесившейся центрифуги… А вот в том, что «кукловоды» продолжают контролировать ситуацию – я что-то сильно сомневаюсь.

Репортажи с места боестолкновений наших с непонятной принадлежности, зато до зубов вооруженными, «частниками» и прибалтийскими пограничниками я смотрел еще совсем глухим. Но и картинки хватило: разнесенные в клочья передовые позиции пограничных застав, тела под плащ-палатками, перемотанные грязными бинтами раненые. Дерганные, на адреналине и эмоциях: чумазые, покрытые пороховым нагаром лица, на которых безумием горят глаза. Висящий лохмотьями камуфляж…Один – над завернутым в толстый полиэтилен телом товарища плачет, второй – магазины лихорадочно из почти пустого цинка набивает, один за другим, быстро, словно опасаясь не успеть до следующей атаки… Той, которой уже точно не будет. Потому что на ведущей к посту погранконтроля дороге, ее обочинах и в поле вокруг – чадит тяжелой черной копотью вооруженные пулеметами на турелях пикапы и бронетехника. Много, десятка полтора здоровенных внедорожников, вроде «Тойоты Тундра»,

бронетранспортеров и БМП. Примерно половина – с опознавательными знаками «кортой и несафиссимой» армии, вторая – вообще непонятно чьи. Вот такие чудеса иногда в мире случаются: перли через границу на вооруженных джипах и легких бронетранспортерах бойцы какого-то военизированного формирования. А как их «на ноль помножили» - так никто и не знает – кто ж они такие были и откуда. И чего хотели. И как в погранзону со стороны прибалтов попали … Открестились заказчики от наемников, дело понятное. А вокруг – лунный пейзаж. Ни травинки, ни кустика. Лишь сгоревшими перекрученными спичками торчат из земли деревья. Вернее то, что от них осталось.

Чем работали – даже и не скажу. Но точно не «Градами». Последствия применения БМ-21 я видел неоднократно. Тут что-то куда более мощное. Возможно – те самые, легендарные «Буратино», которыми пару лет назад свидомые на Донбассе сами себя пугали, а может – и «Солнцепеки». В любом случае, про судьбу решивших поиграть в вермахт образца сорок первого года «шпротников» и так и не установленных до сих пор «частников» - спрашивать бесполезно. Там, думаю, и опознавать нечего – пепел один…

Судя по свекольного цвета рожам «наших стратегических партнеров» и упрямое выражение лица и резкие жесты Виталия Чуркина – в Совбезе ООН идет вторая серия «марлезонского балета». Эти орут о своих «невинных жертвах», наши грозно рычат о территориальной целостности и недопустимости военного вторжения на нашу территорию… Думаю, там все уже все поняли. Будет, скорее всего, как с Грузией в августе восьмого и Крымом: Запад грозно посотрясает воздух, введет еще два миллиона семьсот сорок шесть тысяч пакетов экономически и политических санкций… Но реально на этом все и закончится. Все понимают, что попытка военного вторжения на территорию России – это вам не по поводу уморенных стараниями нашей авиации «умеренных игиловцев» в Сирии скулить. Тут можно было и до «ядренбатона» доиграться. И, несмотря на гордые позы и летящие в микрофон слюни, выступающие с обвинениями в Совбезе иностранные господа - перепуганы до чертиков. По глазам и нервному тремору пальцев видно. «Ученик чародея», мать его. Запустить заклинание смогли, а контролировать созданный хаос – не способны. И уже поняли, что последствия и по

ним могут ударить такие… Вот только в старом мультике Диснея это выглядело забавно. В реальности – было страшно настолько, что желудок сводило.

Примерно через неделю, когда я уже начал кое-как слышать (правда звук приходилось выставлять почти на максимум, но остальные пациенты к моей проблеме относились с пониманием), все слегка поуспокоилось. Слюни в микрофон уже не летели, да и Чуркин перестал смотреть на «зарубежных коллег» взглядом последнего защитника Брестской крепости. Будто на смертельных врагов сквозь прицел винтовки. Политики, похоже, решили договариваться. Вот только от них, к сожалению уже совершенно ничего не зависело. Запущенное волшебником-недоучкой заклинание начало раскручиваться, и не оказалось рядом доброго старого учителя, что смог бы восстановить порядок одним взмахом волшебной палочки. Правда, понятно это стало не сразу.

Сначала в новостях преобладал все тот же Старопетровск. Показывали возведенный вокруг города кордон, давали возможность послушать доносящуюся время от времени из оставленного города стрельбу. Приглашенные эксперты в студии до хрипоты, перебивая друг друга и, порой, переходя к откровенной базарной перебранке, строили версии о причинах столь сурового решения властей. Идеями и фантазиями фонтанировали… Доходило чуть ли не до «пикника на обочине» и прочей фантастики… А я понимал одно – несмотря на любые проблемы со здоровьем, нам дико повезло. Потому что почти все остальные «стрижи» застряли там, в Старопетровске. И сейчас бьются, в полном окружении, с точно так же застрявшими в обесточенном и отключенном от всех коммуникаций городе наемниками из «Росомахи». К тому же я, как человек в подобных вопросах бывалый, по мелким, почти незаметным для непосвященных оговоркам и недомолвкам в интервью официальных лиц в погонах, сообразил – в окруженном кольцом кордонов городе еще и с местным криминалитетом все серьезно… Вот тебе и Свободная экономическая зона… Вот тебе и образцово-показательный богатый город. Как пришел упитанный полярный лис – так и вылезли на свет божий упыри, которым самое место было в «лихих девяностых», но которых никто не ожидал обнаружить у себя в соседях сейчас. Эти самые официальные лица, скользкие, будто угри, плели словесное кружево,

рассказывая о чем угодно, но не давая прямого ответа на самый главный вопрос – что же случилось в Старопетровске и что там происходит сейчас. «Карантинные мероприятия», «сложная обстановка», «обеспечение режима максимальной безопасности», «приложим все усилия»…Ага, разве что про введение плана «Перехват» не сообщили. Пустомели…

А вот потом события в бывшей Свободной экономической зоне внезапно сошли на нет. Вернее, не столько сами события, в Старопетровске по-прежнему что-то происходило, сколько освещение их в прессе. О событиях там писали и говорили все реже. То, что еще две-три недели назад воспринималось, будто гром среди ясного неба, стало обыденностью. Еще чуть-чуть, и новый мем в интернете появится, вроде приснопамятного «чо там у хохлов». Зато валом пошли нерадостные вести из других мест. Будто плотину какую прорвало и всякая мерзость хлынула в мир могучим потоком.

А еще меня навестил представитель работодателя. Я как раз из процедурного кабинета с очередных прогреваний хромал, похрустывая очередной порцией таблеток. Еще с детства бабуля научила – чтоб быстрей подействовало – сначала разжуй, а уж потом водой запивай. А возле входа в палату – посетитель. Молодой совсем парень в костюме, зеленый еще, как стручок гороховый. Но изо всех сил пытается выглядеть серьезным и солидным, хотя, будем честными, что до Копеца, что до оставшегося безымянным встречавшего нас у «вертушки» куратора ему – как до Пекина в колено-локтевой…

- Татаринов? Александр Александрович? – уточняет он.

Хм, странно, юноша, ты что – сам не знаешь, к кому пришел?

- Ну, с утра, вроде, им был…

- Томилин Сергей Сергеевич, можно просто – Сергей. Я к вам. Где будет удобно побеседовать без посторонних?

- Без посторонних – если только в кабинете начальника здешнего Особого отдела… - неудачно пытаюсь пошутить я.

- А тут есть Особый отдел? – парень явно сарказма моего не понял и принял предложение за чистую монету.

- А я знаю? Но госпиталь-то – военный, так что – должен быть. Наверное…

Визитер сообразил, что его просто подкалывают и насупился.

- Можно посерьезнее, товарищ Татаринов? Я все-таки по делу.

- Запросто, Сергей. Побеседовать можно и в палате. Мои соседи после процедур во внутренний двор покурить, да поболтать ходят. Вернутся где-то через полчаса, не раньше. Кстати, у Кацендорна как дела?

Саше-морпеху досталось куда серьезнее, чем мне. Вышло так, что он щитом и собой прикрыл меня от основной массы всего того мусора, что от взрыва во все стороны полетел. И своим относительно приличным состоянием я именно ему обязан. Так что – вопрос не праздный, мне судьба его на самом деле небезразлична. А заодно, проверим, насколько этот молодой человек вообще в делах организации «копенгаген». Действительно этот Сергей Сергеевич что-то из себя представляет, или так – попка ряженная, ретранслятор чужих слов в галстуке.

- Поправляется Александр, - добавляет себе очков в моих глазах посетитель. – Но у него случай серьезнее вашего, так что, боюсь, в строй уже не вернется…

- А я, значит, вернусь?

- Врачи утверждают, что слух восстановится почти полностью, повезло вам. Нога – вообще царапины…

Ну-ну, царапины… Это не из тебя, молодой человек, два ржавых железных «заусенца» ковыряли. Вот как на себе прочувствуешь, тогда и будешь умничать.

- Так вот, - продолжает Сергей. – В принципе, по условиям контракта, по ранению вы имеете полное право получить денежную компенсацию и…

Он сделал этакий жест ладонью, мол, свободен, как птица, лети куда пожелаешь.

- Но мы все же хотели бы предложить вам продолжить сотрудничество. В ходе тренировок ваша группа показывала весьма впечатляющие результаты. А происшествие это досадное вполне можно на форс-мажорные обстоятельства списать… Вводные у вас были совершенно иные, к самоуничтожению объекта никто готов не был. Но вы и в такой ситуации сумели вовремя среагировать и сохранили личный состав. А «Тигр» - бог с ним. Железо – оно и есть железо, люди дороже.

- Оно и видно, как вам люди дороги, - буркнул я себе под нос, неосознанно покосившись в сторону открытой двери в коридор, через

которую хорошо был виден работающий телевизор на стене.

Сергей мой взгляд понял правильно. Сколько наших групп сейчас застряли в Старопетровске? Почему их там оставили и даже не пытаются организовать эвакуацию?

- Тут сложно все, - замялся мой собеседник. – Далеко не все зависит от нас, и вы это прекрасно понимать должны. Или думаете, мне нравится вот такое «повышение» аж через две «ступеньки»? Когда на меня свалили дела, в которых я почти ничего не понимаю, потому что раньше ими занимались люди куда старше и куда опытнее! Вы думаете, только оперативный состав там застрял? Копеца помните?

Я лишь молча кивнул. Сам ведь Евгения Витальевича вспоминал буквально только что.

- Вот он тоже там остался. Мы даже не знаем, жив или нет. И не он один. Почти все региональное руководство компании на территории СЭЗ* находилось. Операция была масштабная, но такой развязки никто не ожидал… Вот и вышло, что самая верхушка – в Москве. Часть оперативников – тоже уцелели. А среднее звено – почти все потеряно…Все на таких как я свалилось. Крутимся – как те белки… А вы тут еще ехидничаете.

М-да, прорвало парня… Похоже, неправ я был, напрасно на пацана накатил. И правда, он-то тут при чем? Все контракт перед подписанием читали внимательно. А там очень подробно было расписано, чем придется заниматься и чем, возможно, рисковать и жертвовать за предложенные (и весьма немалые) деньги. Подписал? Вот и выполняй «дух и букву»…

- Я вас понял, Сергей Сергеевич, прошу прощения, погорячился. Предложение о продолжении сотрудничества принимаю. Вот только – чем заниматься-то теперь придется. Насколько я понял – никаких Свободных экономических зон в России больше не будет. Про соответствующий указ Президента я по телевизору видел уже. Старопетровск теперь головная боль «вэвэров», в смысле – Росгвардии. А мы чем заниматься будем?

- Знаете, Александр Александрович, - вздохнул мой посетитель, - что-то мне подсказывает, что работы для людей вашей специализации и вашего опыта теперь будет очень много.

И тоже оглянулся на телевизор, по которому как раз шел анонс очередного выпуска новостей. Париж – масштабные вооруженные

столкновения мигрантов-исламистов с полицией, Тель-Авив – еще один крупный теракт, Турция – бомба в одном из отелей в Анталии, Сирия – ИГИЛ и войска Асада сцепились за какой-то очередной небольшой, но стратегически важный городок… Так – теперь о наших пенатах… Ингушетия – снова в двух районах введен режим КТО, Чечня – бойцы СОБРа «Терек» ликвидировали очередного амираи двух боевиков… А о Старопетровске даже не упомянули… Да уж, джинн вылез из бутылки, но вот выполнять желания выпустившего не желает категорически. Равно как и возвращаться назад в бутылку. Ничем хорошим это точно не кончится.

Глава 7

2024-й.

Мерзкий пронзительный визг первой пули я услышал за мгновение до того, как донесся звук выстрела. Смертоносная свинцовая «оса» прошла значительно выше надстройки и сгинула где-то в ветвях на противоположном берегу. Или поспешил невидимый пока стрелок, или оружие у него пристреляно плохо… А может уже просто ушатано до такой степени, что стрелять из него можно только «примерно вон в ту сторону». Не знаю. Да и не важно оно мне, по большому-то счету. Потому что пришло время отрабатывать получаемые от Гольденцвайга деньги.

«Утес» - это вам не ПМ и не «калаш», у него «флажок» предохранителя вверх не поднимешь, с патроном в патроннике при таком калибре шутки особенно плохи… Да и возни лишней много. Поэтому и не стал я его заранее досылать. Зато сейчас резко тяну на себя тросик с удобной обрезиненной ручкой (в этом вопросе НСВ на АГС похож, там тоже досылаешь – будто бензопилу «Дружба» заводишь) и во всю глотку, привлекая внимание команды.

- К бою!!!

Да, знаю, буквально через секунду-другую они и сами поймут, что случилось, вот только пара секунд в бою – это очень много. Порой – это разница между тем, кто по итогам жив остался, а с кого скальп режут. Причем, и я об этом, вроде, упоминал уже, порой режут в самом прямом смысле.

Где-то внизу подо мной, в надстройке, загудел под ногами бегущих трап, залязгала сталь затворов, но мне это уже не интересно. У них – свои обязанности по боевому расчету, у меня – свои. Прильнув к простеньким прицельным, пристально разглядываю в прорезь плывущий мимо берег, ловя движение среди ветвей густого кустарника или дульные вспышки выстрелов.

Левой рукой на мгновение прижимаю рычаг электроспуска. «Утес» басовито откашливается короткой, на три патрона очередью. Длинными очередями из НСВ стрелять авторы наставления по его эксплуатации сильно не рекомендуют. Во-первых, короб всего на пять

десятков патронов, и менять его – вовсе не новый магазин в ПМ вогнать. Особенно без второго номера в расчете. Во-вторых, ресурс у ствола не безграничный и «на расплав» стреляют только идиоты, ну или герои фантастических книг одного давно уже почившего в бозе автора. А в-третьих, разброс при стрельбе длинными очередями увеличивается весьма существенно. А я не с китайской мотопехотной дивизией в чистом поле воюю, когда куда не пальни – в кого-нибудь да попадешь. Так что – аккуратно и экономно, отсекая по два, по три патрона, не больше… Есть! Потерявший голову и одну руку «неприкаянный стрелец» неустановленной пока бандитской принадлежности, выписывает в воздухе нелепый короткий кульбит и выкатывается из куста, в котором прятался, на относительно чистую прогалину.

Эх, как не хватает сейчас оптики, пусть даже не штатного СПП* с его подсветкой и дальномерной шкалой, а хотя бы куда более простого зенитного! Но почему ее нет – понимаю отлично: прямо сейчас о щит передо мной одна за другой плющатся пули, отчего тот гудит и вибрирует. Оптика в таких условиях эксплуатации долго нет живет, а нового прицела со склада РАВ* теперь не получить… Значит, «за неимением гербовой», работать будем снова с тем, что есть.

Пули вокруг густо гудят злобными и смертоносными осами, время от времени мерзко взвизгивают, уходя в рикошет, или громко чавкают, плющась о броню надстройки. А я пытаюсь поймать в прицел тех, кто прямо сейчас пытается во мне «дырочку проковырять». Такие вот «салочки для взрослых»…

Ага, вот и остальные наши к веселью подключились. По прибрежным кустам хлестнули короткие, расцвеченные зелеными росчерками трассеров, свинцовые струи. Потом одиночными, с небольшими интервалами, хлестко защелкала снайперская винтовка. Я ее в каюте Константина видел мельком. Значит, капитан тут еще и за снайпера. Будем надеяться, что СВД у него не только «для форсу бандитского» и пользоваться ею он умеет.

Ай, мать твою! Висящий на рамке из арматуры бронежилет весьма болезненно прикладывает меня пластиной по затылку. Вот в такие моменты и начинаешь горько сожалеть о давно прое… утраченном «военно-морским способом» шлеме. И собственной

прижимистости, из-за которой пока так и не купил себе другой, взамен проданного во время болезни.

Резким рывком разворачиваю свою огневую точку на сто восемьдесят градусов. Да уж, похоже, не зря я защитой со стороны тыла озадачился. Прямо сейчас могло и точно в затылок прилететь. В принципе, чего-то подобного мы и ожидали – плотный отвлекающий огонь с одной стороны, а основной удар – с противоположной. Именно из этих соображений Гольденцвайг и боевое расписание составлял: кому, где и в каком направлении глядеть и стрелять случись что. Мы готовы. И ждет вас, ребята, неприятный сюрприз. Кого «вас»? Да вот этих дурней, что на моторной лодке из прикрытой ивняком заводи сейчас нас нагнать пытаются а-ля сомалийские пираты.Ну-ну, против «двенадцать и семь» вот на этой жестяной «казанке»? Оптимисты… Блин, стоп, а ведь если я сейчас по ним вдарю – лодке тут же хана наступит, мгновенно… А как же тогда законные трофеи? Нырять потом за ними?

Мои секундные терзания прервала длинная очередь. Похоже – Валера с «ручником» к нашему «дружескому междусобойчику» подключился, а потом к нему одиночными, но в приличном таком темпе присоединился еще и автомат. Вроде бы Юрка там службу нести должен. В любом случае – справились мужики и без моего участия: потерявшая управление лодка сначала пошла на циркуляцию, а потом и вовсе заглохла, закачалась на поднятой нашей баржей невысокой волне. Движения и каких-то других признаков «разумной жизни» в ней не наблюдалось.

Значит, подсобим капитану, у него пальба до сих пор в полный рост идет. Развернув «Утес» на сто восемьдесят, практически сходу всаживаю «двоечку» в здоровенный пень-выворотень на склоне речного берега, аккурат под пульсирующие вспышки. Там мгновенно наступает тишина и «растворение воздухов». Это от обычной автоматной пули, пусть и с сердечником, такой комель – надежная защита, а вот для пуль НСВ – даже не помеха. Прошили и не заметили, только щепа мелкая на мгновение во все стороны брызнула.

Что, все? В наступившей вдруг тишине тарахтение дизеля и шлепки волн о борт показались преувеличенно громкими.

- Наблюдаем! – глухо, но вполне различимо донесся снизу голос капитана.

Да, похоже, действительно – все. На берегу – ни звука, ни движения. Даже пичуги лесные молчат, перепуганные грохотом выстрелов.

- Машина, малый назад!

Тональность тарахтения нашего дизеля изменилась, ощутимо завоняло соляркой – облако выхлопа (весьма небольшое, надо сказать к чести Семеныча – следит он за двигателем на совесть) раньше назад сносило, а теперь мы кормой прямо в него и вползаем. Берега, за которыми я по-прежнему наблюдаю, поползли в обратную сторону.

- Досмотровая – работайте, - снова слышен голос Гольденцвайга.

Досмотровая группа – это четверо охранников, все, кроме меня. Я – по-прежнему у «крупняка». Как-никак – основное огневое средство он у нас сейчас, без присмотра не оставить. А то вдруг война, а мы – не накрашенные…

Первым делом – расстрелянная Валерой и Юркой моторная лодка. Она хоть и успела набрать через пулевые пробоины речной водички, по-прежнему качается на мелкой волне и уже понемногу дрейфует в сторону более пологого левого берега. Ее прямо с борта цепляют длинным багром и тянут ближе, к подъемным балкам с талями. Чем на волне качаться, рискуя что-то за борт уронить, а то и самому искупаться, куда проще – поднять все на борт и разобраться в спокойной обстановке. Трупы за борт скинуть потом – дело минутное, равно как и палубу парой ведер воды «прибрать» после. И это еще не рассматривая тот факт, что лодка с мотором, пусть и покоцанная малость – сама по себе товар не из самых дешевых.

Сейчас лодка практически подо мной и хотя мне, вроде, положено за окрестностями бдеть в оба глаза, поневоле бросаю взгляд вниз. И в голове будто рубильник какой-то щелкает. Память у меня все же тренированная. В той же Чечне в свое время, году этак в десятом-одиннадцатом в командировках альбом местного бандподполья, ну, тех его участников, о ком хоть что-то известно было, наизусть заучивали. А это, к слову, почти полторы тысячи только фотографий и фотороботов, не считая анкетных данных и устных описаний тех, на кого фото не было. И – ничего, учили.

Вот и сейчас старая закалка впрок пошла. Рожа одного из лежащих на спине в лодке бандитов мне отлично знакома. Уже много лет знакома, с Чухломы еще, вернее, со времен большого толковища,

что по итогам чухломской бойни у нас с тогда еще будущими «князьями» вышло. Один из подручных Турка, мелкого «князька» из Сямжи. А вот по аналогии с узнанным вспомнил я и еще одну «морду лица», чуть раньше показавшуюся мне просто смутно знакомой…

К семи утра, как и было приказано, вся команда была на борту. Вот только отплыть, как планировали, не вышло. Насколько я понял, какой-то важный груз должны были на борт доставить к отплытию, но не доставили, задержались (ну, или опоздали – тут как посмотреть). Пришлось сидеть, ждать. Но время постарались провести с максимальной пользой. Константин со Штольцем на пару – в портовое управление утопали, похоже, попутные грузы выискивать, коль уж время на это появилось. Семеныч в моторном засел, чего-то там в своем хозяйстве в очередной раз подкрутить, почистить, продуть и смазать. Юрка – на камбузе на тему обеда соображал. Один из ребят-охранников – на вахте возле трапа. Оставшиеся двое – рядом с нами, команду Валериных болельщиков изображали.

А мы с Валерой – опять у пулемета. Он с утра, как стало понятно, что отплытие откладывается, вообще отчебучил: сходил к местным охранникам и договорился (как я понял – помимо всего еще и проставился) и они нам в тренировке помогать принялись. Время от времени выбирались со своих постов и делая вид, что целятся в нашу «лайбу», замирали так секунд на тридцать. И если Валера пулемет в их сторону развернуть не успевал, громко свистели и руками махать принимались, обозначая, кого именно мой стажер проворонил. Вроде – ничего сложного. Но и Валере – усложненная тренировка, все же территория причала и близстоящих сооружений – приличная, головой крутить приходится активно. И парням какое-никакое развлечение. Плюс – бутылка «вкусной и полезной водки» на вечер, окончание смены отметить. Разве что старший смены перед началом этих «игрищ» к нам заглянул и убедился, что патронный короб от «Утеса» отстегнут, и в патроннике патрона нет. Тоже человека характеризует. Словом – все при деле были.

Ожидаемый ценный груз на борт доставили только после обеда. Если честно, я этот момент чуть не проворонил – мы со «стажером» продолжали НСВ мучить. Правда – уже самостоятельно, парни из охраны ростовые мишени изображать утомились – жарко. Зато мы с Валерой наконец закрепили мой бронежилет на рамке из толстого

арматурного прута и теперь крутим нашу огневую точку «в условиях ограниченной видимости». В смысле – затылок, конечно, прикрыт, зато круговой обзор похуже стал…

Вот и пропустил я прибытие важного груза. Что было не так уж сложно. Если за вакциной приезжали – почти войсковая операция была, то тут – какой-то мужик пешком притаранил закрытый на замок ящик с ручкой сверху, вроде как у кейсов-дипломатов были. У нас в этот момент ствол нашего недо-ДОТа в противоположную от причала сторону развернут был, вот и не увидели сразу. Заметили только когда он по палубе сапогами своими прогремел, и в надстройку к Константину поднялся. Бросил на нас взгляд мельком, кивнул машинально, здрасте, мол, и дальше пошел. Мы примерно так же, между делом, ответили на приветствие и продолжили тренировку.

Валера вообще дорвался, будто голодный до фуршета. Впрочем, он на повышение рассчитывает всерьез, а тренироваться на обратном пути будет уже некогда. Баржа-«керосинка» с двумя сотнями тонн горючего – это цель жирная. У многих может башню снести от жадности. От шальных ватаг с Пустошей до мелких «князей» или даже просто старосты какого-нибудь прибрежного поселка. Глядеть придется в оба и спать вполглаза. Не до тренировок будет. В общем, Валера развлекался от души, а меня будто червячок какой изнутри точить принялся. Знаете, бывает так: словно случилось что-то на грани восприятия, заметить, вроде, заметил, а что именно – не поймешь никак. И, вроде, нормально все, и – один черт что-то покоя не дает…

А вот теперь я понял– что именно мне все это время спать спокойно не давало, что на мозги капало! И голова моя заработала очень быстро, переваривая и раскладывая по полочкам полученную информацию...

Видел я этого «курьера»! Как раз возле Турка и подручного его, что сейчас в лодке «озябший» валяется, крутился. Раз на толковище был, пусть и на побегушках - значит он у Турка хоть и «шестерка», но не простая, а из доверенных. Сразу два человека Турка вокруг нашей «керосинки» - однозначно хреновый признак. А Турок – пусть и из мелких, но все же «князь». И такая вот убогая засада – это совершенно на него не похоже, особенно в таком серьезном деле. А значит что?

- Это подстава! Тревога!!!

К счастью, народ в команде у Константина бывалый, тертый. Сначала действуют, и только потом вопросы задают. Парней из досмотровой от борта сдуло, словно осенние листья ветром. А с берега, словно в подтверждение моих слов, снова загрохотали автоматы. А потом среди прибрежных зарослей раздалось очень знакомо громкое «фшшшх!». Если б голова моя не была гладкой, будто бильярдный шар, волосы наверняка встали бы дыбом (конечно, если успели бы). РПГ-7, да на дистанции чуть меньше трех сотен метров – это смертельный приговор для нашей «лайбы», залитой топливом «под пробку». Но где-то на середине дистанции оставляющий за собой легкий дымный след выстрел вдруг закрутил сложный кульбит и рухнул в воду.

«Протух, сука!» - успел подумать я, пока разворачивал в сторону неведомого стрелка пулемет, а потом придавил пальцами рычаг электроспуска. Я говорил, что из «Утеса» длинными очередями стрелять не рекомендуют? Забудьте на хрен!!! Не сейчас и не здесь! Сейчас я лупил по кустам, словно Билл Дьюк* в «Хищнике», буквально выкашивая всю растительность в секторе ведения огня. А остальная команда поддерживает «Утес», кто чем может. Лично у меня желания второй шанс гранатометчику давать не возникает! Видимо, в своем мнении я не одинок – среди кустов один за другим вспухают грязно-серым дымом небольшие, но хорошо заметные на общем фоне облачка разрывов осколочных гранат. Дмитрий – старший охраны, похоже, дефицитных и дорогих ВОГов* не пожалел, ГП на борту только у него есть – старенький, но ухоженный «Костер»*.

Интересно, был в армии норматив по смене патронного короба пулемета НСВ? Наверняка был! В Советской, а потом Российской армии были нормативы для всего, от разборки пулемета до наматывания портянок. Думаю, сейчас любой из возможных мною перекрыт с приличной форой. И это при том, что второго номера у меня в расчете не имеется – все один. «Жить захочешь – не так раскорячишься», прав был безымянный очкастый и усатый милиционер из «Особенностей национальной охоты». А мне верхом на бочке бензина объемом в две сотни тонн жить в этот момент хотелось просто неимоверно.

Думаю, в эти несколько минут наша баржа со стороны смотрелась очень впечатляюще. Этакий ведущий бой линкор «Миссури», только

речной и сильно «в миниатюре». Ага, «в масштабе один к сорока трем», мать его так…

Несчастный подлесок на берегу мы скосили начисто, там даже загорелось что-то. Ну, может и не загорелось, а всего лишь тлеть начало, но белесый дымок пополз по земле явно не пороховой, тот развеивается быстрее. Вот теперь там ничего живого точно не осталось. С двойной гарантией. Шансы уцелеть только у тех, кто в самом начале взял ноги в руки и дернул подальше, куда глаза глядят.

Двойная засада. Похоже, нас хотели взять на сборе трофеев. Ну, да – задумка неплохая. Мы, разобравшись с засадой, начинаем шмон, выбираемся на палубу, часть – вообще на берег сходит. Почти все на виду, а точнее – в прицеле. Одновременно открыть огонь, заранее распределив цели – и все, амба… Даже если один - двое из нас и спрятались, об организованном сопротивлении речи уже не шло бы в принципе, только о зачистке и добивании раненых и спрятавшихся. А тут я, глазастый и злопамятный… Обломал здешним несчастным «благородным пиратам» все планы, чем огорчил их до смерти. В самом буквальном смысле, Вон они, кучками изорванного пулями тряпья среди покрошенных почти в силос ветвей валяются. И в весьма немалом количестве… Что-то мне подсказывает, что на «тройную засаду» у организаторов уже банально народу не хватит, слишком уж много мы их тут наколошматили.

- Ну, ты силен! - от души хлопает меня по плечу Гольденцвайг.

Видимо – благодарить пытается, но при его габаритах… Будто пыль из половика выбить попытался – меня чуть с креслица пулеметного не снесло. Константин, похоже, осознал, что перестарался с выражением чувств и смущенно хмыкнул.

- Нет, слыхал я раньше о спецназовской «чуйке», мол, нутром парни засады чувствуют, но как-то не верил. А оказывается – бывает!

- Бывает, - соглашаюсь я. – Сам видел неоднократно. Но тут – не оно. Тут – хорошая память и наблюдательность. Знаю я вон того…

Валера при помощи Юрки уже подтянули почти затонувшую моторку к борту и сосредоточенно собирают с намокших тел «урожай» ништяков, что у них при себе были. Труп моего знакомца сейчас как раз на палубе валяется, руки раскинув.

- … и того, что с «очень важным грузом» к нам приходил, тоже видел раньше, только мельком, потому и не вспомнил сразу. А как

этого узнал – так головоломка и сложилась.

- И? – Гольденцвайг пока явно не понял, какая взаимосвязь между двойной засадой и тем, что мне знакомы рожи бандитов.

- Это не просто маленькая банда, - объясняю я. – Это люди Турка, «князя» из Сямжи. Он хоть и мелочь среди прочих, но все ж таки… Такая бездарная засада – это не его уровень. Такую как раз какая-то мелкая беспредельная ватага могла устроить, но не «князь». У того – все серьезнее. Вот и прикинул я одно к другому: серьезные люди – и вдруг такая лоховская засада… Быть не может. Вот и заподозрил подставу.

- Да уж, вовремя заподозрил,– капитан снова поощрительно хлопает меня по плечу, на этот раз куда аккуратнее. - Еще минут пять – и почти вся команда в прицел к ним попала бы. А оставшихся – числом додавили бы. А то и просто тем же РПГ на дно отправили…

Константин задумался.

- И ящик этот еще… - тянет он.

Именно. И ящик. Пока мы его дожидались – целый день потеряли. И в ночь, понятно, никуда уже не пошли, тут капитан и штурман правы. Ночью по узким рекам, да без створных знаков и бакенов, которыми сейчас никто не заморачивается – это верный способ и баржу угробить, и самим угробиться.

Возникает вопрос: не специально ли нас в Емве задержали? Возможно, тут все подготовить неуспевали, вот и притормозили нас в пункте отправления. Связь вполне могли и по рации держать. «Князь», пусть и не из самых крутых - не мелкий налетчик с Пустошей. У него с возможностями все куда лучше. А тот же армейский «Северок-К» при правильной антенне на две сотни километров работает без малейших затруднений. Так ведь «Северок» - всего лишь носимая радиостанция для разведгрупп, были на складах куда более мощные и «дальнобойные». А «князьям» много чего досталось раньше и сейчас многое доступно такого, на что у простого смертного средств никогда в жизни не хватит.

- Юрка! – принимает, похоже, решение капитан. – А ну-ка тащи сюда из моей каюты ящик, что нам последним в Емве привезли!

Замочек на ящичке был, может, и неплохой, но, что называется, от честного человека. Под нажимом маленького ломика-фомки и пары секунд не продержался: хрустнул «язычок», крышка откинулась…

- Дааа… - протянул Гольденцвайг.

Как говорится – что и требовалось доказать. «Важным грузом», за ожидание и доставку которого курьер отдал весьма немалые деньги, оказался двумя старыми силикатными кирпичами, густо пересыпанными, чтоб не гремели, свежими опилками.

- Зашибись, - спокойным, даже несколько меланхоличным голосом подвел итог невозмутимый Штольц.

- Вот не пойму, - теребит в раздумьях кончик своего шикарного «конского хвоста» капитан, - чем же я этому Турку насолить мог? Сямжа – она ж вон где… За три рубля на такси не доехать… И не на реке стоит даже… Где он – и где я?

- Наняли его, - уверенно отвечаю я. – Так что твоя главная проблема – не Турок, а в Ярославле кто-то. Думай. Кому ты там мозоли своей баржей отдавил, кому мешаешь?

- Наняли? «Князя»? – Константин явно сомневается.

- Не «князя», а «князька», - пытаюсь прояснить ситуацию я. – Мелкий он, но жадный. Это по прозвищу он – Турок, а по жизни – азербайджанец рыночный, Мамедов… Аббас, кажется, не помню. Из тех, что в самом Азербайджане позором нации считали. Торгашом мелким был, им в душе до сих пор и остался. Прикинь сам: сидит он в своей Сямже, на картошке и мясе с молоком, больше там и нету ничего – село, пусть и большое, производства там никакого не было никогда. Ну, может, лес еще валят, на продажу, кругляком необработанным. А слева от него – Харовск, в котором Черномырдин – Черномор обустроился. А там – торф, лен, доски и брус из купленного у того же Турка бревна делают, да еще и стеклодувы… Справа – вообще Акоп – Акопян окопался… В Тотьме с ее солью. А Акоп, к слову – вообще не из «князей». Вот только «на зуб» его даже князья пробовать давно не рискуют. Ученые уже. А между ними – этот самый Турок со своей картошкой…

- Да уж… Небось там «жаба» - размером с мамонта…

- Угу, если не с диплодока, - поддакиваю я, - и давит, пупырчатая, давит… Так что нанять такого – дело не хитрое. Вопрос в другом – кому ты дорогу перешел? Кто его на тебя натравил?

- А ведь они нас взорвать готовы были, - снова подает голос Штольц. – Если бы первая граната дефектной не оказалась – мелкими обгоревшими кусками уже на дне лежали бы… Да и выстрелы к РПГ –

штука дорогая, простому налетчику не по карману. Прав Александр, заказали нас.

Константин мрачнеет лицом.

- Ладно, в Ярик придем – там и разберемся, кто нас с топлива так радикально подвинуть решил. Думается мне, что в Городском Совете на такие фокусы посмотрят без одобрения – сферы поделены давно и по-честному. А это все – конкретный беспредел. И с Турком тоже решать нужно…

- Турка тебе «князья» не сдадут, - пытаюсь слегка охладить пыл Константина. - Он – один из своих, тот самый Сомоса, который, может, и сукин сын, но он – их сукин сын*. А ты – чужак, пусть временами и полезный. Даже не надейся.

Константин снова задумался, а потом посмотрел мне в глаза.

- Александр, а ты бы взялся?

Нормальные вы, барин, задачки ставите…

- Нет, Константин, - решил не юлить и не набивать себе цену я. – И причин много. Я – не наемный убийца, это первое. У нас с «князьями» уже давно нейтралитет, пусть и вооруженный. Они не трогают нас, мы следим, чтобы совсем не теряли берега они. Если я грохну одного из «князей», пусть даже такого убогого урода, как Турок, остальные это воспримут совершенно однозначно. Даже самые нормальные и умеренные, как Гвоздь из Никольска. Это уже вопрос сохранения лица… Это – второе.

- И грозит это… - начинает Гольденцвайг.

- Новой Чухломой это грозит, - резко заканчиваю за него я. – Причем мы сейчас - вовсе не единый кулак, как тогда. Пока соберемся – многих смогут перебить поодиночке…

- А что им сейчас мешает начать вас отстреливать начать?

- Сложный вопрос. Одни, как Гвоздь или Черномор – вполне довольны сложившейся ситуацией. Они сели на «хлебные», доходные места, им беспредел устраивать ни к чему. Они вот-вот в настоящих, без кавычек, князей превратятся. Мы таким – не помеха, скорее – наоборот, помогаем порядок поддерживать, и залетных грабителей с Пустошей отстреливать. Другие, вроде Турка – не рискуют «статус кво» нарушать. Договор имеется и не соблюдать его – оно не по понятиям выйдет. И когда наши соберутся и пойдут мстить, у прочих «князей» повода вписаться не будет – не мы начали, косяк за

«князьком». С него, выходит, и спрос. Ну, и побаиваются, думаю, до сих пор. Пусть и меньше, чем в первые годы. Урок им тогда вышел хороший. Но речь у нас не об этом. А о главной причине – третьей.

Константин, похоже, слегка поостыл и глядит на меня заинтересованно, явно ждет продолжения.

- Турок – просто наемник, пусть и немалого ранга. Причина твоих проблем не в нем. Не подписался бы он, нашли бы еще кого-нибудь, И не факт, что в самое ближайшее время не найдут…

Гольденцвайг мою мысль понял, по глазам вижу.

- Все верно, проблема – в заказчике. Не устранишь того, кто Турка на дело подрядил – так и будешь ходить да оглядываться. Анекдот помнишь? «Проще один раз пристрелить блядующую жену, чем каждую неделю стрелять ее нового любовника»… Тут – та же песня.

- А в Ярике мне с «крысой» разобраться – не подсобишь?

Тут уже я задумался всерьез, прикидывая, что к чему.

- Знаешь, не в обиду, но – тоже нет. Я для всех, включая тебя самого, в Ярославле пришлый, чужак. Не дело чужаку в такие внутренние дела влезать. «Свои псы грызутся – чужой не лезь». Как бы у вас там все не закончилось – это будет разборка внутренняя, можно сказать – семейная. А вот мне, постороннему, лучше не участвовать. Опять же – мы все больше по бандитам, грабителям да насильникам. А у вас там уже почти «вельтполитик»… Опять же – своих людей разве нет?

- Свои – есть. И если заказчика найдем и вину его докажем – поддержка со стороны других членов Городского Совета будет серьезная. Но ты уж больно эффективен, - хмыкает капитан.

- Если поддержка еще и от кого-то со стороны будет, так тем более я тебе не нужен, - развожу руками я.

- Ну, нет – так нет, - соглашается Гольденцвайг. – Пошли трофеи смотреть, похоже, сбор к концу идет.

Насчет «к концу» - это Константин малость погорячился, парни из охраны по избитым пулями бывшим прибрежным зарослям до сих пор шарятся. Но сворачивать этот разговор пора в любом случае. Поэтому легко соглашаюсь и иду вслед за капитаном к выросшей на палубе кучке разного барахла.

Глава 8

За восемь лет до описываемых событий.

- Значит, все-таки решился? – меланхолично пережевывающий свой шашлык Саша Кацендорн смотрит на меня пристально, будто дырку сверлит. Видимо, спиртное его слегка уже поднакрыло с отвычки, несмотря на обильную и горячую закусь.

- Да, тезка, решился, - киваю в ответ. – Долго думал и – надумал. Все равно больше ничего толком не умею. Куда мне с моим «багажом»? В народное хозяйство?

- Это да, - тянется мой тезка за очередным куском свежего, еще теплого, румяного лаваша, присыпанного сверху кунжутными семечками. – В народном хозяйстве механизаторы да комбайнеры нужны… Но никак не спецы по меткой стрельбе в ближнего своего…А чего не назад, к своим, а в «стрижиках» решил остаться?

- Смысл? – лишь пожимаю я плечами в ответ. – Штат там давно набран. На прежнюю должность уже точно не возьмут. В простые опера*? В моем-то возрасте и с моей выслугой? Не солидно как-то… А «Стрижи» предлагают старшего группы. И оклад приличный. Да плюс командировочные и прочие «за сложность-напряженность». Даже чисто по деньгам – куда выгоднее, чем в Росгвардии…

- Но есть нюансы… - насмешливо фыркает теперь уже бывший морпех, явно вспомнив весьма неприличный бородатый анекдот.

- А куда ж без них? – улыбаюсь и развожу руками я. – Росгвардия – как ни крути, государственная структура. И работает только на нашей территории. А «Стрижи» как были «частниками», пусть и под крылышком у «кого надо», так и остались. И отправить могут, как я понял, практически куда угодно: хоть в Африку, хоть в Азию, хоть в Латинскую Америку.

- М-да… Что-то все больше на «Блэкуотер» становится похожим…

- Типун тебе, - обрываю я собеседника. – Пока даже намеков на какую-то гнусь – в помине нету.

Саша поднимает стограммовую рюмку водки.

- Вот за это давай и выпьем.

- Лучше – за твое здоровье, - не соглашаюсь я.

- Так за него мы уже, вроде, пили? – недоуменно поднимает на меня взгляд Кац.

- За твое – не грех и еще раз выпить.

- Это да, - вздыхает он, - осталось-то его – всего ничего.

Сидим мы в этом уютном питерском заведении «с кавказским колоритом» не просто так, а сразу по двум поводам: меня – выписывают завтра, а вот Сашку окончательно и бесповоротно списывают… Нет, жить он, конечно, будет. Надеюсь – еще долго и счастливо… Но вот служить – точно нет. После всех операций он теперь даже на четвертую группу предназначения не вытягивает. Все, полная отставка по состоянию здоровья. На страховку «Стрижи», врать не буду, не зажались, компенсацию тезка получит весьма немаленькую… Но что с той компенсации тридцатилетнему мужику, еще три месяца назад находившемуся буквально на пике физической формы, а теперь ставшему фактически инвалидом?

- Да нормально все будет, - стараясь не сфальшивить интонацией, убеждаю я его. – Ты парень молодой еще, найдешь, чем заняться… В целом мысли какие?

- Думаю – домой двину, в Нижний. А там, на месте, осмотрюсь да и порешаю, что и как. Ну, что – еще по одной?

А запросто! Хорошо ведь сидим, почему ж нет?

- Девушка! - взмахом ладони привлекаю внимание молоденькой официантки, и когда та подходит, продолжаю. – Нам еще один графинчик водочки, пару мясных салатов и… Шашлычка?

Отреагировав на мой вопросительный взгляд Саня молча согласно мотает головой.

- Два двойных, а то он у вас вкусный, но уж больно порции маленькие…

Девушка добросовестно заносит заказ в маленькую записную книжку и упархивает в сторону кухни.

- А хорошо тут все-таки…- откидывается на мягкую спинку диванчика Саня. – А главное – ничего «авторского», мать его…

Это да, это он верно подметил. Последнее время Северная Пальмира просто крышей потекла по этому идиотскому термину. Натуральное массовое помешательство. У них теперь в какую сторону не плюнь – все «авторское»… «Авторский WOK от бренд-шефа»*…

Это, мать его, вообще – что? Нет, что такое WOK я, слава богу, знаю – лапша китайская. Та самая, которую герои американских фильмов обожают на дом заказывать, когда сами готовить не хотят. По сути – тот же «Доширак», разве что качеством чуть лучше и с натуральным мясом. Впрочем, что там за мясо – это вопрос открытый… А тут – авторский!!! Да еще и от какого-то загадочного «бренд-шефа», кем бы он ни был… Да и все остальное – такое же. Авторское меню в ресторанах. Авторские пирожки и пирожные в кондитерских… Ребята, да у моих бабушки и мамы на кухне тоже все пирожки были – сплошь авторские. Но это вовсе не повод за пироженку, размером с коробок спичек, полторы сотни рублей требовать…

А вот этот «Шашлык Хаус», несмотря на глуповатое название, местечком оказался весьма приятным. И обстановкой, и меню, и расценками – откровенно радовал.Ресторанчик сложно было назвать грузинским там, или армянским. Скорее – усредненным кавказским. Стены под каменную кладку с характерным орнаментом, блюда медные с чеканкой и кинжалы да сабли на стенах, обитый тканью с фестонами потолок, мягкие диваны с подушками. Но все – умеренно, без лишней аляповатости, глаз не режет. И приготовлено все отлично, при вполне вменяемой цене. Словом – я тоже не жалел, что мы именно сюда зашли. И до Московского вокзала, с которого через несколько часов отправится Сашкина скоростная «Волга» на Нижний Новгород – рукой подать. Даже с его костылями доберемся минут за десять, если не быстрее. Правда, выходить из теплого, пропитанного вкуснейшими запахами жареного мяса и свежего хлеба помещения в промозглый и холодный Питерский октябрь – нет ни малейшего желания. И прямо сейчас – очень радует, что хоть и придется, но – позже, позже… А пока – еще по соточке, под нежнейшее мясо с хрустящей, пропеченной корочкой, да с острым, отдающим кинзой соусом.

- Хорошо! – соглашаюсь я с Саней и наливаю из принесенного официанткой графинчика нам еще по полста капель на брата. – Быть добру!

Сашка тост охотно поддерживает.

Вот тебе и «Здравствуй, жопа, Новый год»! В самом, чтоб его, прямом смысле.

- Твою ж мать!!!

Осыпавшаяся с потолка цементная пыль густо присыпала плеснувшийся в одноразовом пластиковом стаканчике разведенный спирт. Более опытный Салават, буквально каким-то «верхним чутьем» уловивший, что именно этот снаряд из десятков, свищущих прямо сейчас над головой, рванет неподалеку, прикрыл свой ладонью. Бахнуло знатно, миллиметров, думаю, не меньше ста двадцати. Интересно, «Сани» или все же «саушка»*? Впрочем, какая разница? Хорошо – не прямое попадание. Пробить все перекрытия нашего блиндажа, может, и не пробило бы… Но праздник был бы испорчен окончательно. А так… Ну, похрустим немного цементной крошкой «на закуску»… Спирт – и не такое продезинфицирует… Да уж, более безумного «новогоднего застолья» я в своей жизни припомнить не могу, как не стараюсь.

- Ну, с Новым годом, мужчины, - на чумазой физиономии Салавата только зубы да белки глаз блестят в полутьме.

- А не рано? – с сомнением глянул я на часы.

- По Иркутскому времени – самое оно, - снова сверкнул зубами в полутьме мой собеседник и организатор здешнего «нарушения безобразий». – Тамошний я. Вот, будем считать, с семьей отмечаю.

Ну, тут возразить нечего. Семья – это святое, в своем праве человек.

А вообще, конечно, полная задница. «Здрасте!», что называется, и «С прибытием!». Не успели добраться, едва не сгинув под пусть и не прицельным, зато массированным артобстрелом, загнать в заглубленный и перекрытый, здоровый, явно танковый, капонир своих «стальных» коней и найти нужный блиндаж… И сходу, как говорится, с корабля на бал, угадили на эту «безобразную и разнузданную пьянку». Ну, как, пьянку… Нет, грамм по полста водки или разведенного спирта на нос все же набралось. После того как я, на правах припозднившегося и никем нежданного «варяжского гостя» свою фляжку с водочным НЗ на стол выставил…

- Взаимно, Гарифыч, - прежде чем выпить, я все-таки собираю нападавший в стакан и не успевший утонуть сор мизинцем. Понты – понтами, а пыль и песок на зубах и без того скрипят.

Поблизости снова гулко дадахает разрыв очередного «чемодана» весьма немалого калибра. И вновь пол под ногами идет волной, а на голову и за шиворот с потолка сыплется мелкий мусор. Что-то

разошлись они… Второй час мы тут, и второй час в этой норе сидим, будто мыши какие, или тараканы. Потому как даже самая крутая спецура под артобстрелом работает так себе. Да чего уж там… Откровенно хреново под артобстрелом работается. Вот когда устроят они хотя бы небольшую передышку… Впрочем, я пусть офицер и не армейский, а самый что ни на есть «мент поганый», но отлично понимаю, что встряли мы в этом Душанбе. Конкретно встряли. Никто нам тут спокойно по специальности отработать уже не даст. Какое, в баню, деблокирование посольского комплекса и вывод персонала, если по городу третьи сутки вражеская артиллерия молотит? Дураку понятно, что после такого «вступления» можно ждать только одного – крупномасштабного штурма города талибами и...

- Когда ж оно у них кончится-то, - негромко вздыхает кто-то из моих.

- А черт его знает, - пожимает плечами Салават. -В одном уверен – склады у здешних вояк были немаленькие… Денег на армию тут последние пару-тройку лет не зажимали…Хватит всего и надолго.

- И как же вы умудрились все это талибам сдать? – недоуменно смотрю я на собеседника.

- Ну, во-первых – нифига не мы…Наше все при нас. Опять же, если бы просто сдали, - грустно усмехается тот в ответ. – Тут едва ли не половина местной армии к талибам чуть не в первый день мятежа переметнулась. В полном составе, с вверенным оружием и техникой. В колонну, сука, по трое, с развернутыми знаменами и под барабанный бой умаршировали. А вторая половина, увидав такой тухляк, собрали жопы в горсть, и рванули в разные стороны, кто куда. Так что, теперь тут кроме нашей «двести пьяной»* против душманов и встать-то некому. Разве что вы еще вот теперь… Вливайтесь, бляха-муха.

М-да… Интересно девки пляшут, по четыре штуки в ряд… По телевизору в России картинка вооруженного мятежа и последующего прорыва через границу бойцов Талибана в Таджикистане выглядела не так мрачно. В «ящике с привидениями» говорили об отдельных случаях перехода солдат правительственных сил на сторону талибов. А тут вон оно как… Впрочем, командиру роты глубинной разведки 783-го отдельного разведбата 201-й дивизии, тьфу, вернее – 201-й российской военной базы Салавату Гарифовичу Ишукову я доверять

склонен куда больше, чем телевизору. Он – тут, а новостная телестудия – в Москве, в Останкино осталась. Ему на месте всяко виднее.

- Перспектива – закачаешься, - задумчиво почесываю бровь я.- И какие у нас шансы?

- Это смотря на что, - с видом древнекитайского философа изрекает ротный. – Конкретно на ваши задачи, если не будете начала штурма дожидаться, а прямо сейчас к посольскому городку на прорыв пойдете – возможно, и успеете их выдернуть. Там народу не так уж много осталось, где-то под сотню рыл. Семьи и вспомогательный персонал оттуда еще в «угрожаемый период»* выдернули, успели. Так что там только мужики из посольских, из обслуги кое-кто и посольская же охрана – взвод, примерно…

- Машины под вывоз дашь?

- Машины – это уже не ко мне, - отрицательно мотает головой Гарифыч. – Это уже к зампотеху. Но с твоим-то «мандатом»… Думаю, пяток «Уралов»-«Звезда»* с «рулями» в комплекте он тебе даст, куда денется… А мы парой «бэтров» и взводом разведки обеспечим, на прикрытие. Сейчас ваших сил на все может и не хватить. Да и город с окрестностями вы не знаете. Эвакуировать-то вообще как планировалось?

- «Коровами»*, - даже не пытаюсь играть в секретность я.

Какая уж тут, в дупу, секретность?..

- Должны были вытащить посольских под прикрытием наших «Тигров» и вашей «брони» на аэродром, а по дороге дать сигнал. Прямо на «взлетку» пришли бы из Ташкента две «коровы» с прикрытием, тут ведь по прямой всего три сотни кэмэ в один конец. Места в «вертушках» и на посольских, и на нас – с запасом хватить должно было…

- Но не на нас, - зло щерится Ишуков.

Да уж, дивизию, а вернее – базу, не то, что парой - даже сотней «двадцать шестых» не вывезти. Даже если бросить все имущество, движимое и недвижимое. Даже если вывозить бойцов в одних трусах и босиком… Так что, личный состав базы при любом раскладе остается тут. И задача у них простая, как гвоздь: держаться. Либо пока не захлебнется наступление моджахедов, либо пока не кончится сама дивизия. Такие вот «веселые» тут, в Душанбе, сейчас расклады.

- Но не вас, - смотрю я прямо в глаза подвыпившего разведчика.

Какое-то время мы играем в гляделки, а потом он опускает взгляд и лишь рукой вяло отмахивается, мол, а, и черт бы с ним. Действительно, мы-то тут причем? Мы – такие же «стрельцы государевы», пусть и числимся «частниками». Нам приказ отдали – мы выполняем. А прямо сейчас – так и вовсе с ним, Салаватом, в одном блиндаже кукуем. Вот свалится нам на крышу какая-нибудь крупнокалибернаябетонобойная дрянь – и все, пишите письма мелким почерком. Все вместе ровным слоем по стенкам размажемся. И плевать будет, кто тут разведчик-«глубинник» из армейцев был, а кто – бывший старший опер из СОБРа, «на вольные хлеба» подавшийся. Снаряду – ему без разницы.

- А теперь как поступать думаете? – выпустивший пар Салават снова начинает прикидывать варианты. – От аэропорта-то уже, наверное, не осталось ни черта. Да и «вертушку» туда теперь гнать – верная гибель – все простреливается. Ссадят махом, как над Ханкалой в две тысячи втором.

- А вот тут тебе и карты в руки, - развожу руками я. – Кто тут у нас разведка? Вот и кумекай: где можно одноразовую ВПП* для «вертухи» устроить, чтобы и от вас недалеко было, и «духи» сходу не пристрелялись? «Корова», она все же транспортник на вооружение армией принятый, неприхотливый, на любую относительно ровную площадку сядет.

- ВПП – это для самолета, - начинает умничать Салават. – Для вертолета – ВП, вертолетная площадка…

- Веришь-нет, мне глубоко до… ну, ты понял. Я сейчас согласен хоть на причальный док имперского линкора класса «Звездный разрушитель», хоть на заброшенное школьное футбольное поле. Лишь бы там «корова» сесть могла.

Ишуков коротко гоготнул и, слегка фальшивя, насвистывая марш имперских штурмовиков из «Звездных войн», полез в стоящий углу блиндажа сейф. Как оказалось, за крупномасштабной картой Душанбе и прилегающих окрестностей. Причем, с даже уже нанесенной «легендой»*. Увидев мой заинтересованный взгляд – лишь плечами пожимает.

- На то мы и разведчики, чтобы у нас самая полная информация о противнике была…

- Логично, - мне тут возразить нечего.

- Так, - бормочет негромко Салават, водя указательным пальцем по карте, расстеленной на спешно очищенном от небогатого «новогоднего угощения» столе. – Аэропорт – тухляк, вообще без вариантов. «Айни»* – те же яйца, только в профиль… По ним сейчас тоже долбают – будь здоров… О, есть идея!

Его палец ткнулся куда-то чуть северо-восточнее Душанбе, по масштабу судя – едва ли больше чем в паре-тройке километров от городской окраины.

- Пустырь там знатный, оба «двадцать шестых» разом сесть смогут, ну, если пилоты там не совсем лохи раскидистые.

- Лохов сюда не пришлют, - подаю голос я.

Салават мимикой выражает согласие.

- Ну, вот и определились. Сюда «вертушки» и вызовешь, координаты я тебе запишу сейчас.

- Ага, - шмыгнул носом я. – Осталась полная фигня – начать, да закончить… Что по поводу прорыва к посольскому комплексу порекомендуешь?

- Думаю, стартовать вам нужно в наглую прямо от нас. Через, - разведчик бросает короткий взгляд на массивные электронные «Касио» на запястье, - полтора часа. Как раз успеем вам в сопровождение пару «бэтров» с бойцами организовать. Огонь к этому моменту малость затихнет, а то и вовсе ненадолго прекратится, вот тогда вы и дернете отсюда на всех парах. Судя по точности пальбы – наблюдателей-корректировщиков у «духов» в окрестностях сейчас нет… Ну, мои пацаны свой хлеб тоже не зря едят… Да…

Отчаянные, смотрю, у Ишукова подчиненные. Несмотря на непрекращающийся обстрел, похоже, организовали наблюдение и прочесывание округи, не давая обосноваться поблизости вражеским артнаводчикам, и заставляя противника тупо долбить по площадям. Впрочем – на то они и разведка. Уж где-где, а непосредственно вокруг ППД* у них вообще каждый угол «приссан» должен быть, каждый булыжник – в лицо знаком.

- А с чего ты взял, что обстрел прекратится?

- Многолетний личный опыт, - с легкой укоризной, будто на несмышленого ребенка, смотрит он на меня. – Через полтора часа – полночь по местному времени… Артиллеристы, по-твоему, что – не люди?

- Так талибы, вроде, Новый год не отмечают…

- Талибы – да, не отмечают. Вот только сомневаюсь, что это моджахеды так лихо гаубицами пользоваться умеют. По-любому – из местных вояк, перебежчики стараются. Лояльность доказывают. А они – «на четверть бывший наш народ». Не в смысле – евреи, а в смысле – с остатками советского воспитания люди. Вот к бабке не ходи - в полночь точно «на отметить» прервутся…

А что? Дельный план, вполне осуществимый. Нам на то, чтобы вырваться с территории базы и хотя бы на пару километров от ее периметра оторваться – много времени не нужно. Сам город мятежники пока не трогают разве что случайный какой, шальной снаряд прилетит. Целенаправленно долбят исключительно по координатам здешнего президентского дворца, 201-й базы, городского аэропорта и военно-воздушной базы «Айни». Вырвемся на городские улицы – до посольства доберемся с почти стопроцентной вероятностью.

- В самом Душанбе на улицах как? – подобная информация лишней не может быть в принципе.

- Талибов и мятежных войск пока, вроде, нет, - прищурив один глаз, Салават теребит задумчиво мочку уха, вспоминает. – Но уже вовсю «резвится» местный криминалитет и дезертиры. Да и простой народ – не теряется. Одни под шумок чего нужного в хозяйстве урвать на халяву пытаются, другие, опять же, по принципу «Война все спишет», отношения друг с другом выясняют. Вот такой бардак, как сейчас – самое идеальное время, чтобы горячо любимому начальнику с работы по темечку чем-нибудь тяжелым тюкнуть… Ага, «апоплексический удар… табакеркой»*.

Да уж, людей не переделать. Почти всегда и практически везде рядом с крупной катастрофой или боевыми действиями начинается вот такая гнусь. И не имеет тут значения ни континент, ни национальность. В сорок первом во Львове и на Волыни «щирые украинцы» с таким энтузиазмом принялись на совершенно добровольных началах резать своих вчерашних добрых соседей – евреев и поляков, что даже у немецко-фашистских оккупантов глаза от удивления на лоб лезли. Или в том же Новом Орлеане после «Катрины» тамошние жители сначала из разбитых стихией магазинов волокли все подряд, а потом друг друга под разными предлогами

утилизировать начали едва ли не в промышленных масштабах… А здешние чем хуже? Опять же, это для русского обывателя таджик – туповатый и вечно заискивающий, зашуганный гастарбайтер… А в самом Таджикистане, кстати, вполне крупномасштабная гражданская война всего полтора десятилетия назад закончилась. И шутка про то, что «Дедушка – воевал, дедушка умеет убивать» в здешних краях еще шуткой стать не успела. Да и умеющие убивать тут пока совсем не дедушки.

- Принимается, - соглашаюсь я. – Давай тогда порядок радиообмена оговорим.

- Легко, - соглашается Ишуков. – Сейчас я пацанам из роты РЭБ* свистну – они рации ваших «Тигров» на нашу волну настроят, и все будет красиво. Позывной у тебя какой?

- Татарин, - не задумываясь отвечаю я.

- Ммм-дэ? – скептически кривит губы и заламывает «домиком» бровь Салават Гарифович Ишуков, разглядывая мою самую что ни на есть рязанскую морду лица.

- Не, ну а что делать? – пожимаю я плечами. – Кто виноват, что фамилие мое так называется – Татаринов?

- Аргумент, - соглашается разведчик. - Ну, тогда значит я буду Горынычем.

- Тоже красиво, - оценив сходство позывного с отчеством, я негромко хохотнул. – Типа, чудище бусурманское?

- Сам ты – чудище… И бусурманин… А я, - Салават гордо вздымает в потолок указательный палец, - один из наиболее известных фольклорных персонажей русских сказок.

- Красиво излагаешь! – в непритворном восхищении изумляюсь я. – Вах, как сказаль, слющай, да!

- Ладно, пошутили – и будет, - лицо ротного вновь становится серьезным. – Пошли, буду тебя знакомить с моими головорезами, что тебя сопроводят и сберегут. А потом – к зампотеху, на «Уралы» для тебя его раскулачивать….

Богатый жизненный опыт Салавата не подвел – примерно без пяти минут полночь канонада вдали как-то враз поменяла тональность, из слитного рева сначала превратившись в отдельные гулкие «взлаивания», а потом и вовсе затихла. «И тишина!». Только звон и

тонкий писк в обиженных на скотское обращение барабанных перепонках.

- Пошли! – прижимаю я пальцем тангенту установленной в «Тигре» рации.

Рыкнув на холостых движком и плюнув в видимым даже в темноте солярным облаком, первым покатил БТР разведчиков. Под его колесами громко захрустел гравий и мелкие обломки всего подряд, густо устилавшие сейчас разбитый снарядами асфальт плаца. Мой командирский бронированный внедорожник – следом. Потом пойдут пять «с мясом» оторванных от большого сердца зампотеха новеньких «Уралов»-«Звезда» (как он по ним заранее убивался, как за их судьбу переживал… Мне кажется, его жизнь водителей, пацанов-«срочников», которых нам «в лизинг» вместе с машинами сдали, меньше волновала). Замыкать колонну будут еще два «Тигра», один – с крупнокалиберным «Кордом» на турели, второй – со «спаркой» из «Печенега» и АГС-30.Тоже штука хорошая, порой – ничуть не менее действенная, чем «Корд». И в самом арьергарде – вторая «броня» с Салаватовыми архаровцами, только не «восьмидесятка», как головной, а «восемьдесят второй», тот, что с тридцатимиллиметровой автоматической пушкой. В общем, совокупная огневая мощь у нас выходит вполне внушительная. Против танка, конечно, жидковаты (и то, смотря против какого и на каких условиях «встречи»), а вот пехота и так уважаемые исламистами самодельные огневые точки из гражданских пикапов «колхоженные» - нам практически не противник.

Едва мы тронулись в путь, в чехле на левой плечевой лямке «разгрузки» запиликал спутниковый телефон. Какой-то очень крутой с шифровальным блоком. Такой не прослушаешь, как ни старайся – парная трубка нужна. Понятно, «центр» вызывает. Юстас – Алексу, все дела… Звонка я этого и сам жду вот уже минут пятнадцать, с тех пор, как отзвонился «куда следует» и сообщил состав нашей колонны, чтобы наших в посольстве предупредили по закрытой линии связи и «тонко намекнули», что мы – не подстава и не провокация. А заодно – и полномочия мои подтвердили.

- На связи Татаринов, - нажав кнопку приема вызова, дисциплинированно представился я.

- О численном составе вашей колонны посольство уведомлено. Вас ждут.

В трубке запиликали гудки отбоя. Вот так… Ни «здравствуйте», ни «до свидания»… Хамы, мать их! Но то, что в посольстве ждут – это очень хорошо. Чем меньше времени уйдет на погрузку – тем выше наши шансы вырваться из Душанбе живыми и с минимальными повреждениями.

Сам город, мелькавший за окном мчащейся по улицам бронемашины, смотрится откровенно гнетуще. Даже там, где пока не видны разрушения, и горит электричество, выглядит все каким-то настороженным и угрюмым. Сразу становилось понятно – в Душанбе уже вовсю начались, пользуясь хорошим эвфемизмом, подсмотренным мною когда-то в книжке про революцию семнадцатого года, «События». Именно так, с заглавной буквы. Нечто грозное и неотвратимое накатило на столицу Таджикистана, это чувствовалось буквально кожей даже тогда, когда на короткое время замолчала артиллерия, старательно мешавшая с землей российские военные части.

А местами уже и вполне явственные материальные следы видны были, что называется, невооруженным глазом. Вот, только что промелькнул слева ощерившийся клочьями стекла в выбитых витринах торговый центр. Похоже, на первом этаже был какой-то крупный салон бытовой техники, вроде российского «Эльдорадо»… Теперь об этом напоминали лишь болтавшиеся на ветру полусорванные рекламные перетяжки, да валяющаяся прямо перед выбитыми витринами на асфальте огромная «плазма». Видно, уронили, когда наружу вытаскивали. Больше ничего вокруг не наблюдается – тишина и пустота. Зато, судя по слабым отблескам пламени, в разгромленном торговом зале явно начинается пожар. И что-то я сомневаюсь, что это короткое замыкание или еще какая случайность…

Еще через пару кварталов какая-то шайка откровенно мутных личностей не самого приятного вида, зато при оружии, кучкуется возле пары микроавтобусов. Заметили нас, начали по-бабуиньи скакать, и показывать разные оскорбительные жесты, Разве что членами голыми не трясли. Один попытался что-то метнуть в нашу сторону. Вот это уже зря. У ребят нервы сейчас взведены, будто тугая пружина. Им

сейчас нет времени разбираться, что именно ты, обезьяна, кинуть в нас решил: гранату, пустую банку из-под пива или собственного дерьма пригоршню.

Головной БТР коротко, зато очень солидно прогрохотал башенным КПВТ, алые искры пуль крупного калибра сверкнули над головами. Гордых бабуинов будто ураганом сдуло. М-да, приматы как есть, в чистом виде. Кривлялись аккурат до тех пор, как не замаячила ответка. А потом – в кусты.

Добрый, я гляжу, у Ишукова личный состав. Я бы сразу на поражение отработал. Но то – я. У меня выслуги, если со всеми льготами считать – чуть больше двадцати пяти лет. И большая часть из них – по «горячим точкам». Да и дома служба у СОБРа – вовсе не рутинная. Я истину «Только мертвый в спину не стреляет» на собственном опыте не один раз прочувствовал.

По пустым улицам замершего в ожидании страшного города мы до пересечения проспектов Абуали Сино и Исмоила Сомони долетели практически на крыльях. Комплекс российского посольства впечатления Брестской крепости, готовой дать отпор любому врагу, как-то не производил. Чего уж там, он даже на форт первых переселенцев на индейской территории – и то не тянул. Симпатичный песочно-бежевого с белым цвета особнячок в три этажа под старину, а позади него, похоже, жилая, многоэтажка тех же колеров. Видимо – жилье посольских. И все это за ажурной кованой решеткой, больше на металлическое кружево похожей. Что-то подсказывает мне, что не успей мы сюда до входа талибов в город, «последний и решительный» в исполнении здешней охраны, какой бы отважной и подготовленной она не была, вышел бы весьма коротким. Негде тут оборону держать. Героически умереть – места полно, а вот обороняться – негде.

Увидели нас издалека, в этом районе даже уличные фонари не погасли еще. Хотя, думаю, прежде всего нас услышали. Несмотря на могучую канонаду, рев нашей колонны слышен должен был быть издалека. Автоматические сдвижные ворота откатились в сторону, будто это у кого-то из нас пульт управления был. Обе наши «коробочки» замерли за забором, развернув башни вдоль дороги в обоих направлениях, а спешившиеся разведчики и мои подчиненные заняли оборону за невысоким каменным цоколем забора. Пока нам, вроде, никто не угрожает, но лучше быть готовым к тому, что не

случилось, чем оно случилось – а ты не готов… «Уралы» же и «Тигры» - укрылись за трехэтажным особняком посольства. Им вот-вот под погрузку вставать.

На встречу со здешним руководством я пошел один: не то время и не то место, чтобы политесы разводить и на приемы ходить со свитой в дюжину рыл, да еще и по предварительной записи... за две недели. Но, не успел я даже поздороваться со ждавшими меня в холле посольства штатскими в весьма недешевых на вид костюмах, как в ухе у меня ожил динамик радиостанции.

- Татарин – Тигру-первому, как слышишь?

- На приеме Татарин. Что там у вас, Тигр-первый?

Заранее проинструктированный водитель моего бронеавомобиля, который еще и на бортовой радиостанции вместо связиста сидит, просто так меня дергать не станет. Раз вызывает – значит что-то срочное.

- Выходил на связь Горыныч. В районе городского аэропорта «духи» пошли в наступление. Там сейчас натуральная мясорубка. Наши пока зацепились, но надолго ли…

- Принял тебя, отбой связи.

- Отбой, - откликнулся водитель и умолк.

Я повернулся к «костюмам».

- Так, господа-товарищи. Времени у нас, как оказалось, нету от слова «совсем». Поэтому - хватай мешки, вокзал отходит. У вас на все сборы – не больше пятнадцати минут. Лучше успеть быстрее. Персонал, не участвующий в разных мероприятиях по поводу спешного драпа – может начинать рассаживаться по грузовикам уже сейчас.

- Но позвольте, молодой человек, - от решившего со мной поспорить мужика лет шестидесяти властностью так и шибало. Похоже – здешняя самая большая шишка. Сам посол, не иначе.

- Вы вообще себе представляете, сколько тут секретных документов? Вы понимаете, что их сейчас придется уничтожить? А очень многое потом восстановить просто не удастся! Нам необходимо время и транспорт для их эвакуации.

- Так, господин посол… - добавляю я в голос металла.

- Чрезвычайный и Полномочный посол, если уж на то пошло! – голосом он явно выделяет заглавные буквы своих титулов и гордо

задирает подбородок.

Да что на этого индюка вообще накатило? Решил перед подчиненными показать, какой он крутой и как он может «махру серую», в смысле – меня, по ранжиру построить?

- Чрезвычайный и Полномочный – это что, типа, офигеть какой большой начальник?! Да насрать! – рявкаю я на него. – По мне, так хоть Наиглавнейший Церемониймейстер… четырех золотых знамен и бунчука с кисточками! У нас от силы – полчаса. Причем в районе аэропорта сейчас умирают русские солдаты, чтобы эти полчаса у нас вообще были! Документы восстановить будет невозможно?! Ну, охренеть теперь, какое горе! Вот отрезанную башку назад пришить - точно не получится!!! До вас мои полномочия довели вообще?!

- Допустим, - господин Чрезвычайный и Полномочный что-то сник, думаю, на него так не орали уже пару десятилетий, если не больше.

- Тогда вы знаете, что я тут разве что расстрелять не могу никого. Но – только расстрелять. Нужно будет дать в морду, заковать в наручнику и, в ковер завернутого, в вертолет пинком запихнуть – сделаю не задумываясь! Еще желающие поспорить есть?

Ответом мне была тишина.

- Замечательно! Через пятнадцать… нет, через десять минут все, что тут есть секретного из документов и аппаратуры, должно полыхать красивым и ярким термитным пламенем. А персонал – шустро лезть в кузова грузовиков. Вопросы есть?! Если нет – выполнять!!!

Штатские порскнули кто куда, видимо, смотрелся я очень убедительно. Только посол остался в холле.

- Учтите, я этого так не оставлю, молодой человек. И обязательно уведомлю ваше руководство о том, насколько хамски вы себя вели.

- Непременно сообщите, - согласно мотнул головой я. – Только для начала давайте хотя бы до Ташкента живыми доберемся, ладно?.. И это… Пока ваши подчиненные аппаратуру закрытой связи не раскурочили, передайте в Ташкент вот это...

Я протянул послу бумажку с наспех накарябанными Ишуковым цифрами.

- Пусть «вертушки» прямо сейчас вылетают вот по этим координатам.

И все-таки мы успели! Машины летели прочь от посольского комплекса, будто за нами сам дьявол гнался. Хотя, в каком-то смысле это так и было. Что-то мне подсказывает, что попасть в плен к тем же талибам – ничуть не лучше, чем в ад. Разве что пытки продолжались бы все-таки не вечность. Но мало бы точно не показалось. Как там в «Острове сокровищ» было? «Те, кто останутся в живых, позавидуют мертвым»? Вот-вот, думаю, так оно и было бы.

Когда мы почти достигли «точки рандеву», на которой нас должны были подхватить и увезти в более безопасные края вертолеты, на связь снова вышел Салават.

- Татарин – Горынычу, на связь!

- На связи Татарин.

- Татарин, ваши «борты» смогут принять наших «трехсотых» из аэропорта? Хотя бы самых тяжелых…

Мысли заметались в голове, будто белки на кофеине. Вывоз посла, конечно, приоритет абсолютный. Но и раненых бросить – это уже совсем мразью конченной быть нужно. Решение приходит мгновенно. Три почти новых бронемашины «Тигр-М СпН»… Примерно двадцать две с половиной тонны брони, мощных двигателей и смертоносного вооружения. Почти двадцать две тонны веса… А, да и черт бы с ним! Если решат, что я был не прав – пусть через суд из зарплаты моей вычитают! Ежемесячно, мля!

- Горыныч – Татарину.

- На связи, - тут же откликается разведчик, явно пытающийся «на том конце провода» понять причину моего недолгого молчания.

- Присылай. Возьмем, сколько сможем. И это, кроме «трехсотых» пришли еще трех «рулей» из своих, не зампотеховскаих. Только толковых, чтоб технику не погробили…

Теперь на несколько секунд замолчал Салават, явно переваривая услышанное. Сначала просто молчал, потом громко матюкнулся, видимо, тангенту от волнения отжать забыл.

- Ну ты, мать твою, даешь, Татарин. Принял тебя, принял. А как?...

Он не заканчивает, но намек в вопросе слышен явственно.

- Да плевать! Люди дороже любого железа. Что они со мной сделают? Меньше взвода – не дадут, дальше фронта – не пошлют.

- Понял тебя, Татарин! Ты – мужик! Горжусь знакомством!

- Взаимно, Горыныч, держитесь там! Удачи! Отбой связи.

- Отбой.

«Коровы» в сопровождении пары «Ночных охотников» - Ми-28, прилетели буквально через десять минут после нас. Сели красиво, будто на параде, несмотря на глубокую ночь и «посадочные огни» в виде четырех фальшфейеров по углам условной «посадочной площадки», а по-хорошему – просто здоровенного пустыря. Как я Салавату и говорил – лохов сюда не пришлют. Еще через пятнадцать минут пришли сильно побитые пулями бронированные «Уралы» с ранеными.

Пока тех переносили из грузовиков в просторное нутро «вертушек», кого на носилках, кого – на брезентовых плащ-палатках, а кого и просто на руках, ко мне подскочил молодой старлей. Лицо знакомое, на «безобразной пьянке» в блиндаже у Ишукова он тоже присутствовал, представлялся, вроде, Дмитрием.

- Я к вам за… - старлей явно замялся.

- Понятно, «Тигры» принимать, - ободряюще улыбнулся я. – Вон они стоят. Ключи – не нужны, машина армейская, с кнопкой стартера, «бэ-ка» - полный, пострелять не довелось, вот в баках уже пустовато. Извини, заправлять было некогда.

- Это фигня, - блеснул он в ответной улыбкой в едва рассеиваемой слабым светом прикрытых маскирующими «намордниками» автомобильных фар темноте.- Заправим!

- Раненые еще будут, Дима?

Вопрос весьма животрепещущий, нам тут задерживаться тоже как-то не с руки. Нужно ведь еще господина Чрезвычайного в Ташкент доставить, вкупе с Полномочным… Вместе с его бунчуком и кисточками…

- Да, будут. Примерно столько же, - Дима, будто уловив мои мысли, сам отвечает на незаданный вопрос. – Ждать долго не придется – вторая колонна практически сразу за нами выйти должна была. Минут еще десять-пятнадцать, не больше.

Кивнув, я поочередно заглядываю в оба вертолета. Еще столько же… Твою душу!!! А, с другой стороны… В сущности, никто ведь не живет вечно, правда? И все, кто погоны в своей жизни одел, должны быть готовы к тому, что жизнь их может прерваться чуть раньше, чем природой запланировано…

Войдя по опущенному пандусу в ту «вертушку», в которой уже разместились мои бойцы, взвод посольской охраны и посольское же руководство, останавливаюсь и обвожу салон взглядом.

- Мужчины, сейчас придет вторая колонна с ранеными. Все – тяжелые, вы все сами видели: способных передвигаться самостоятельно среди них нет… Места на них при текущем раскладе точно не хватит… Заставить или приказать – не могу, да и не собираюсь. Но я – остаюсь тут. Так что, простите, господин «Наиглавнейший Церемониймейстер», жаловаться в Ташкенте вам будет не на кого…

Поправив автомат,висящий стволом вниз на груди, я неторопливо спускаюсь из «вертушки» на землю. Не оборачиваясь, молча. Я уже все сказал и сделал. Теперь каждый должен принимать решение за себя. Самостоятельно.

- Эх, да етит твою мать то! – с чувством выдыхает у меня за спиной незнакомый голос, похоже, кто-то из охранявших посольство пограничников свое отношение к ситуации выразил.

И следом за мной по металлу пандуса загрохотала еще одна пара тяжелых ботинок. Потом – еще одна. И еще… А после в нестройном грохоте ног отдельные шаги перестают различаться.

Обернулся я только отойдя от «коровы» шагов на двадцать. И увидел, что кроме обмотанных пропитанными кровью бинтами раненых, в «вертушке» людей в камуфляже не осталось. Все они сейчас как-то привычно, обыденно, выстраивались передо мной в две шеренги. Четырнадцать человек моих, из «Стрижей», и порядка двух десятков «погранцов» из посольской охраны. Хотя… Какое, к чертовой матери, мои – не мои? Все они теперь, похоже, мои. Потому что для получения приказов подразделение строится только перед командиром.

- Извини, Дима, - оборачиваюсь я к оторопело наблюдающему за происходящим старлею. – Пулемет, ну, в смысле – «Тигры», я тебе, похоже, не дам. Самим пригодятся.

Глава 9

2024-й.

Окончательный дележ трофеев отложили до более спокойного момента. Думаю, наступит он уже после выхода нашей плавучей «керосинки» на большую воду, где и с берега если и достанут – то только артиллерией, и любых абордажников издалека видно, ну, если они, конечно, не коллеги Кирюхи Мазура*. С другой стороны – я и не против совсем. Спешить мне некуда, Константин и вся остальная команда показали себя парнями честными, без гнили. Такие по мелочи крысить не станут. Так чего ж спешить?

Сначала вообще думал, что с «разделом имущества» придется ждать аж до самого Ярославля. В конце концов - крупных базаров и ярмарок до Ярика, один черт, не будет. А там и долю свою получу, и расторгуюсь сразу. Правда, Валера с заговорщицким видом шепнул, что скоро нарисуется вариант куда выгоднее. Мол, имеются тут неподалеку покупатели и к качеству товара не столь привередливые, (впрочем, откровенного хлама, вроде сломанной мною не так давно самодельной «поджиги» или уж совсем ушатанных стволов среди трофеев не было), и цену дающие несколько выше, чем на Ярославской ярмарке. Хм, заинтриговал.

А вот закупаться буду точно в Ярославле. В первую очередь, даже если больше ни на что другое денег не хватит - шлем и радиометр брать нужно. «Однозначно!», как говаривал когда-то один либерально-демократический политик. Без них мне последнее время что-то совсем неуютно. Без первого – в бою: не один раз я сегодня дернулся, когда в опасной близости от головы всякое пролетало… Не пули, нет, автоматную пулю шлем все равно не удержит… Но человек – животина хрупкая, ему и не пули, а просто мелкого чугунного или стального осколка гранаты, а то и просто выбитой близким взрывом заклепки, или даже крупного куска металлической окалины вполне хватит. Тюкнет в висок, и все – приплыли. Заказывайте заупокойную. Без второго – после. И это я в очередной раз осознал, глядя, как неторопливо и тщательно Гольденцвайг исследует доставшееся нам «в наследство» с «озябших» налетчиков имущество. И как по его

указанию что-то (не увидал, что именно – далековато все же от моей огневой точки до палубы, да и солнце – в глаза) – безжалостно было выброшено за борт. С «фонящим» хабаром шутки плохи. С ним только если уж совсем отморозки дело иметь будут. И даже самые отмороженные не поволокут «трещащий» товар на торжище. За такие фокусы вешают без долгих разговоров сейчас везде, кроме разве что совсем глухих дыр в Пустошах. Но там чуть не у каждого первого пусть и слабая, но стадия лучевой, а у некоторых – и не слабая вовсе. Им на такие «мелочи» уже чхать с самой высокой колокольни. В тех краях если счетчик Гейгера рядом с тарелкой жратвы или кружкой воды в истерике не заходится – уже хорошо.

Ближе к обеду следующего дня, когда «керосинка» наша уже бодро резала волну Горьковского водохранилища на весьма приличном расстоянии от берега, Гольденцвайг объявил общий сбор команды на палубе перед надстройкой. Ага, дележ добычи. Забавно осознавать, что в некоторых вопросах мы, еще совсем недавно мнившие себя такими развитыми и цивилизованными, совершенно не стесняясь пользуемся опытом отсталых предков. Вот прямо сейчас способ дележа «непосильным трудом нажитого» явно позаимствован у каких-нибудь пиратов Карибского моря, или других «романтиков с большой дороги» прошлых веков.

Схема простая: треть добычи - сходу в «общак», так сказать, «на развитие производства», две доли Гольденцвайгу – капитан как-никак, руководство. По полторы Семенычу и мне. Он – моторист, без него наша «лайба» вообще никуда не поплывет, ну а я… Я ж «технический специалист» и этот… «оператор»… угу, машинного доения… Хотя, об этом я, вроде, рассказывал уже – как пулеметчику «крупняка» мне полуторная доля трофеев изначально положена. Собственно, с прицелом на эту самую «полторашку» Валера ко мне в стажеры и напросился. Впрочем, не имею желания его ни в чем обвинять – полтора по-любому больше и лучше, чем один. И нет ничего плохого в человеческом желании честно заработать побольше. Остальным – по одной.«Общаковую» часть трофеев убрали в кладовую – позднее продадут, а деньги - в судовую кассу. Оставшееся честно поделили на одиннадцать примерно равных по стоимости кучек, пронумеровали их, и потом тянули жребий из шустро принесенного Юркой с камбуза котелка. Нам с пожилым мотористом, как не сложно догадаться, три из

них досталось. Одну на двои, попозже раскидаем «на лопопам». Плюс, в качестве небольшого довеска мне, потому как «общак» - только на команду, а я – так, временно привлеченный «варяг», Константин еще патронов отсыпал щедрой рукой сверх нормы. Команда решение кэпа поддержала дружно и, как мне показалось, совершенно искренне. Хорошие они все же парни.

Обещанный Валерой выгодный вариант тоже себя долго ждать не заставил. Ближе к вечеру, я едва успел полученное по жребию оружие почистить и патроны осмотреть и рассортировать. Те, что слишком сильно потертые или с начавшейся коррозией – в сторонку, на продажу. Покупатели даже на такие всегда найдутся, пусть и цену дадут несколько ниже. Но сам я их в бою использовать буду только в совсем уж безвыходной ситуации. Потому что, как пошутил во время совместной рождественской пирушки в Ханкале подмосковный омоновец, тот, который то ли Боря, то ли Миша: «Может выйти чреватым боком». Зачем на ровном месте себе проблемы создавать? Магазины перебрал еще, и даже один свой заменил на более новый из числа трофейных.

Сначала наша плавучая «керосинка» замедлила ход, потом стала с середины русла прижиматься к правому по ходу движения берегу. Вдали уже виднелся довольно широкий залив с крупным островом посередине – похоже, устье какого-то притока Волги. На берегу – развалины то ли крупного села, то ли мелкого городка.

- Семеныч, это где мы? - придержал я за рукав моториста, направлявшегося в свое пропахшее горячим машинным маслом и соляркой «логово».

- Устье Меры это, Саня, - ответил тот. – Оно же Мерский залив. Через «с», а не «з», не перепутай гляди. А то местные и обидеться могут.

Довольный удачным каламбуром, старик коротко хохотнул.

- Ага, понял, спасибо, - кивнул я. – А в «глобальном смысле» это все где?

- До Ярославля – две с половиной сотни еще идти. Ближайший крупный город – Кинешма. Был…

- Что, там вообще теперь не живет никто?

- Ну, не совсем. Какой-никакой народец при здании порта и вокруг него гуртуется. Только мало их. Дурное место. После катастрофы в

Кинешме какое-то поветрие моровое был. Слухи все на бригаду РХБЗ, что в городе стояла, валили. Чушь, конечно… Армейская РХБЗ – это дегазация и дезактивация, ну, ладно – огнеметы еще… Никакой боевой химии, а уж тем более – бактериологии, у них отродясь не водилось и водиться не могло. Не их профиль. Но вот уже сколько лет прошло, а желающих рискнуть и там поселиться – по-прежнему немного. Только те, кто во время мора выжил. Ну, мы туда тоже особо не заходим. Разве что когда грузы какие-нибудь по фрахту передаем.

- А сюда, стало быть, заходите?

- Сюда? – Семеныч через плечо оглянулся на приближающиеся руины на берегу. – Сюда заходим. Тут община одна обитает… Хорошие люди, но малость того… Своеобразные. В религию ударившиеся. В свою собственную…

- Сектанты что ли?

Надо же, кого только не встретишь на Пустошах! Впрочем – ничего удивительного: после того, как цивилизация рухнула, подобно карточному домику, у многих «чердаки потекли» капитально. В том числе – и на религиозной почве.

- Можно и так сказать, - соглашается Семеныч. – Но они нормальные, без лишних закидонов. Разве что чужаков не шибко привечают. Но – спокойно, без фанатизма. Просто так, без повода, ни в кого не палят. С командой нашей у них отношения давние и вполне дружеские. После того, как мы им кое-что из медикаментов привезли в нужный момент, можно сказать – почти своими стали. По крайней мере, в спину не шипят и не плюются, ведут себя доброжелательно. Впрочем, на ночевку до сих пор остаться не предлагают, а мы через них сколько уже лет проходим регулярно.

Так вот он, значит, обещанный Валерой вариант. Что ж, вполне логично. Замкнутая община, во внешний мир не рвутся, чужих к себе тоже не пускают. А потребности-то все равно есть, как не быть. И в медикаментах, и в оружии, и в боеприпасах. Да и в горючем, возможно. Все на своем огороде не вырастишь, в лесу не заохотишь и даже в руинах не откопаешь. В таких местах ценник всегда выше, чем на обычном базаре – ввиду полного отсутствия конкурентов. Как говорится: «Не нравится цена – пойди, по базару поищи». И это при том, что как раз базара вокруг как-то и не наблюдается… Или добираться до него, прямо как в этом случае, долго и опасно. А тут –

Константин на своей «ласточке», практически весь в белом. К тому же, думаю, цену он уж совсем не ломит, хоть и про себя вряд ли забывает. Вот и выходит, что всем выгодно: одним – не нужно рисковать и куда-то за тридевять земель переться, с непредсказуемым результатом, другим – небольшой гешефт.

Руководство местное меня, признаюсь честно, немного удивило. Я, откровенно говоря, ожидая встречи с предводителем крупной секты, представлял что-то этакое… Ну, даже не знаю… Словом, рисовала мне фантазия сразу несколько вариантов. Либо – нечто напоминающее уличного проповедника Карла из «Джонни Мнемоника». Которого в кино молодой Дольф Лундгрен играл… Этакое огромное, фанатичное и совершенно безумное чудовище, похожее при этом на Христа на стероидах. Или, наоборот, циничного и беспринципного, но дико харизматичного и обаятельного проходимца. Такого, как глава секты «визуалистов» в сериале «Менталист», в исполнении Малькольма Макдауэлла. В крайнем случае – что-то совершенно не от мира сего, совсем на своей волне, вроде кришнаитов, которых я несколько раз в Москве на Арбате видел.

Правда, в кришнаитов верилось меньше всего. Рассказывал мне, кажется, все тот же Артем Фишер, как в конце еще первой зимы после катастрофы набрел он на лагерь кришнаитов где-то в районе Галича… Вернее, на то, что от них осталось. Вымерли они, как мамонты. Хотя, по словам Тёмы судя, скорее всего – вымерзли. Словом, как он тогда выразился: побираться на улицах в оранжевых тряпках, бить в бубны и орать «Харе Кришна!», делая вид, что тебе абсолютно плевать на государство, можно только при наличии этого самого государства. Ну, в смысле, когда есть кому починить канализацию, включить отопление, завезти продукты в супермаркеты и жуликов на улицах ловить, пока ты, в оранжевую простыню завернувшись, всякой ерундой страдаешь. А вот как государства не стало, так сразу и выяснилось, что умения громко и заунывно вопить «Харе Рама!» для выживания – явно маловато. В ту, первую зиму, помнится, и куда более рукастых и смышленых погибло очень много. Чего уж про таких мало приспособленных к жизни говорить… Словом, вариант с кришнаитами мне казался наименее вероятным из всех возможных.

Но, повторюсь, реальность удивила куда больше собственных фантазий. Пришедший на маленькую, явно еще во времена Союза

построенную, пристань возле небольшой безымянной деревушки мужик был… обыкновенным. Я даже не знаю как его описать-то лучше… Пожалуй – на председателя колхоза из советских фильмов годов этак, семидесятых, похож, наверное. Невысокий, пожилой и крепенький, этакий седой гриб-боровик, в ношеном, но чистом и аккуратном костюме, брюки которого заправлены в кирзовые армейские сапоги. Под пиджаком – рубаха с расстегнутым воротом. На голове – небольшая кепка, вроде той, что у Лужкова была. Короткая, аккуратная бородка-шкиперка, седая, как и волосы, из-под кепки выбивающиеся.В общем –патриархальный такой деревенский типаж. Я подобных дедков по детству своему в деревне у бабушки во время летних каникул застать успел еще. Уж на кого – кого, а на сектанта – точно не похож. Совсем. Однако, судя по уважительному обращению со стороны Гольденцвайга, Штольца и прочей команды – это как раз местный «гуру» и есть.

Зато вот с охраной его – все просто и понятно. Двое серьезного вида парняг, лет на пятнадцать, примерно, моложе меня, где-то под тридцатник обоим. Бороды, конечно, визуально возраста добавляют, но не сильно. Высокие, крепкие, взгляды у обоих цепкие, несмотря на внешне расслабленные позы. С висящими на груди стволами вниз автоматами обращаться явно умеют.

Я на такие дела и сам мастер: стоит себе человек, «волына» у него дулом в землю смотрит, левая рука - поверх ствольной коробки автомата, правая – на рукояти лежит небрежно. Того и гляди – глаза прикроет и задремлет. Вот только левая ладонь – аккурат поверх «флажка» предохранителя. Одно движение большого пальца слева направо, и он уже снят. Рывок левой руки вверх – и патрон уже в патроннике (и это при условии, что он изначально там не был, все нарушения техники безопасности сейчас никому не интересны). В то же самое время ствол – пошел вверх, и огонь открывать можно практически сразу. Это только в кино злодеям зачем-то в лоб стреляют… Я уже, вроде, рассказывал, как со мной, тогда еще курсантом зеленым, инструктор по огневой в училище жизненным опытом делился: «Не стреляй человеку в голову, она маленькая и твердая. Стреляй человеку в брюхо, оно большое и мягкое». Если уж совсем серьезно, то пуля в голень или колено любого, даже самого

злобного и матерого, гарантированно на землю уложит. И не нужно терять драгоценные мгновения на подъем оружия на уровень глаз…

Так вот, парочка «гардов», ненавязчиво маячивших за спиной сектанта-«колхозника», явно в курсе всех этих тонкостей. Вряд ли, конечно, они до катастрофы уже были серьезными специалистами… Сколько им тогда было? Года по двадцать два, двадцать три. Это либо – «летеха», едва военное училище закончивший, либо – вообще «срочник», в правильных войсках отслуживший. Впрочем – при наличии хорошей базы научиться в первые годы после встряхнувшего планету «упитанного полярного лиса» было не так уж сложно: стреляли тогда много. Сложнее было выжить. Эти – выжили. И, по ухваткам судя, многому научились.

Меня они, кстати, выпасли мгновенно, едва я по сходням вниз пошел. Не удивительно: команду Костиной «лайбы» они уже давно в лицо знают. А вот моя физиономия им не знакома. Расслабленность их тут же, как ветром сдуло: один из телохранителей как бы невзначай встал между мной и здешним «гуру», перекрывая мне возможную линию огня, второй – наоборот, сместился чуть в сторону, чтобы ему, случись что, в меня стрелять ничто (и никто) не мешало. Молодцы, уважаю!

Телодвижения их не остались незамеченными ни Гольденцвайгом, ни главсектантом.

- Это свои, - поспешил отрекомендовать меня Константин. – Александр, он в команде у нас недавно. Но специалист ценный. За лояльность его я ручаюсь.

Ну, вот это ты, Костя, положим, зря. Ручаться за одного малознакомого человека перед другим, таким же малознакомым. Хотя, ему меня тоже не на улице представили. А Павлову он явно доверяет. Да и я никаких фортелей выкидывать не собираюсь. К чему оно мне?

Пожилой «гуру» на Костину фразу только коротко головой качнул, давая понять, что принял к сведению. Своим телохранителям небрежно рукой махнул, мол, нормально все. Те слегка расслабились, но из поля зрения меня все же не выпускали. И – снова правильно: доверяй – но проверяй.

Пока Гольденцвайг и «гуру», поднявшись в ходовую рубку, что-то обсуждали, к причалу потянулся местный народ. Первыми, понятно, ребятня примчалась. Секта – не секта, а пацанве нигде на месте не

усидеть, когда в поселке посторонние появляются. Я такое уже не один раз видел. Потом местные мужики подходить начали. По их виду судя – не бедствуют сектанты. Одежда на всех чистая, ухоженная. Может, и не новая, да и «индпошива», своими руками сшитого – хватает, но откровенной рванины и лохмотьев не видно ни на ком.

Наша команда, с Валерой и Юркой во главе, все, кроме отсутствующего по понятным причинам капитана и стоящего в карауле вахтенного, расстелив прямо на серых от времени досках причала несколько старых, засаленных и многократно штопанных брезентовых армейских плащ-палаток, устраивают прямо у борта импровизированный базар. В качестве товара, понятное дело, трофеи недавнего боестолкновения с речными пиратами. И то верно: к чему далеко возить, если прямо тут расторговаться можно? Причем, по уверениям Валеры, очень даже выгодно.

Сходил в каюту за «нажитым непосильным трудом» добром и я. Разложил свои трофеи с краю, не мешая торговать остальным. Но, учитывая невеликий ассортимент, покупатели и на мои пару «весел» - АК-74 и три пистолета Макарова нашлись почти мгновенно. Двое. Солидные дядьки в годах, судя по схожим лицам – братья. Подошли, повертели в руках, с моего разрешения провели неполную разборку, долго разглядывали на просвет каналы стволов и детали УСМ. Перебрали патроны, что я высыпал из холщового мешочка с затяжками. Несколько осмотрели особенно внимательно, примерно с десяток, покачав отрицательно головами, отложили в сторонку. Ну да, не дураки явно. Рисковые, конечно – я бы добрую треть тех, что они все же купить решили, даже и в магазин снаряжать не стал… Но у них тут, похоже, критерии качества слегка другие. Не до жиру, как говорится, Приценились. Услышав названную мною сумму, Валера только глаза выпучил. «Ой, дурак!» - прямо-таки читалось в его взгляде. Ну, да, скорее всего, мог и повыше цену задрать. Но – не торговец я по натуре. В любом случае, получил процентов на двадцать больше, чем если бы все то же самое на ярмарке в Никольске продал. Так чего с людей три шкуры драть? И так не в накладе остался. В общем, расстались мы с покупателями вполне довольные друг другом. Они, мой широкий жест явно оценив, еще и пару трофейных разгрузочных жилетов купили, несмотря на то, что я их даже от засохшей крови отстирать не успел.

- Бабы в реке прополощут, - махнув рукой, пробасил тот, что постарше. – Мы тут не брезгливые.

Видимо, не только братья-покупатели на произошедшее внимание обратили. Потому как примерно через час ко мне, загорающему возле пулемета, подошел один из давешних хватких пареньков-телохранителей.

- Арсений Витальевич с вами поговорить хочет.

Нас не представляли, но в голосе было такое уважение к названному, что сомнений и не возникло – «гуру» пообщаться хочет. Что ж, уважим человека. Жизнь у «хэдхантеров» сложная, никогда не знаешь, какое знакомство буквально завтра пригодиться может. Потому и не ссоримся мы ни с кем, без самой крайней нужды. А тут, вдобавок, еще и места для всех нас новые. Не слышал я, что бы кто-то из наших на Кинешму ходил. Значит, будем налаживать дружеские контакты с прицелом на будущее. И не только для себя. Мало ли, занесет нелегкая кого-нибудь из охотников за головами в здешние края, а тут о нас знают уже. И знают с хорошей стороны. Поэтому – и еды продадут, и в спину не выстрелят. А это, уж поверьте, в наше волчье время – очень немало.

- Что ж, не будем заставлять ждать,- привстал я с креслица и, громко свистнув, замахал рукою Валере. Мол, принимай пост, стажер. Каким бы дружественным тут народ не был, у пулемета лучше кому-то подежурить. Доверие – это одно, а вот расслабон неуместный – совершенно другое.

Когда мы спускались по брошенным с борта на причал сходням, пара здоровенных битюгов с коротко остриженными хвостами и гривами, таких, вроде, першеронами называют, подкатила к борту прицеп с цистерной. Прицеп интересный: в прошлой жизни явно был грузовиком, может – «Газ», а может – и «Зил» «сто тридцатый». Не настолько хорошо я в грузовиках разбираюсь, чтобы по раме и задним колесам марку определять. Была б кабина… Но вот как раз кабины – и нету. Вместо нее оглобли, упряжь и пара богатырских статей лошадок. Да уж, что ими какая-то бочка на колесах? Такие в Первую мировую гаубицы таскали. По фронтовому бездорожью. А тут – какие-то несчастные четыре «куба» топлива… Не смешно даже. Значит, не только трофейными пушками и патронами Константин с местными

банчит. Скорее – наоборот, оружие и боеприпасы - это так, приятный бонус, «вишенка на торте».

Здешний главсектант, видимо, все свои дела с Гольденцвайгом порешал уже, и теперь сидит неподалеку от причала, на удобной даже на вид деревянной лавочке со спинкой, в тени пары яблоневых деревьев. Тени пока еще жиденькой, те совсем недавно лист дали, но – все равно лучше, чем на солнцепеке. И не просто так сидел, а наблюдал, как Юрка споро и привычно раскатывает «кишку» топливного шланга от помпы к одной из горловин цистерны. Стоило нам подойти, «гуру» привстал, проявляя уважение, и первым подал руку для пожатия, а потом приглашающе похлопал ладонью по лавке, присаживайся, мол.

И начался ставшим за многие годы уже привычным процесс представления на новом месте. Ага, «ария варяжского гостя» в моем исполнении…

Похожий на колхозника «гуру» слушал вроде бы внимательно, но у меня почему-то сложилось стойкое впечатление, что он не столько меня слушает, сколько изучает. Не разглядывает, и не обнюхивает даже, словно один пес другого, а именно комплексное изучение проводит, будто оценивая. Лицо задумчивое, выражение доброжелательное, но в глазах – будто лед намерз. Непростой взгляд у человека, видно, и человек ему под стать.

На кратком упоминании событий в Чухломе взор старика вдруг немного «оттаял».

- Как же, как же, наслышан…

Надо же, наша «веселая история» и сюда докатилась. Интересно, насколько сильно ее в процессе «доставки» переврали?

Словно почувствовав мой настрой, Арсений Витальевич пояснил.

- Среди наших братьев и сестер – немало людей, выживших благодаря вам. И обретших здесь бога.

Вот тебе раз! А Валера на пару с Семенычем утверждают, будто здешние чужаков не привечают. Вон, казалось бы, старых знакомых – Гольденцвайга с командой, ни разу даже на переночевать не оставили. Несмотря на вполне взаимовыгодный бизнес.

И снова мои мысли не остались незамеченными стариком, который лишь вопросительно изогнул бровь.

- О них подумал? – главсектант взглядом указал на баржу. – Они – хорошие люди, но к богу им дороги не найти. Истинно верующим сможет стать лишь тот, кто все потерял. А у Константина и его товарищей – и без того все хорошо. Им нас не понять, как не поймет рыба птицу. Но не все кто приходит к нам – такие. Тех, кто прошел через посылаемые жизнью испытания, но остался чист сердцем, тех, кому действительно некуда больше идти – мы принимаем. Вот ты, Александр, вполне мог бы стать одним из нас. Я вижу в тебе немалый потенциал.

Я лишь плечами пожал. Ну, да, конечно, вот сейчас мне и начнут рассказывать про то, какой я особенный и как много мне может дать здешняя церковь, как бы она не называлась. Старая песня, знакомая еще с начала девяностых, когда в Москве не протолкнуться было от вербовщиков «Аум Синрике», церкви Муна и прочих Белых Братств.

В голове почему-то всплыл эпизод фильма «Конан-варвар», когда вот такие же благостные «дети цветов» предлагали воину бросить меч и вернуться к земле. И реакция – исполненный ехидства каркающий смешок и: «В земле мы все належимся после смерти»… Но обижать «гуру», разумеется, не стоит.

- Уж простите, Арсений Витальевич, но как-то не чувствую я в себе тяги к созидательному труду на благо какого бы то ни было бога. При всем моем уважении.

Старик на меня явно не обиделся, скорее наоборот, мой ответ его изрядно повеселил.

- Александр, - ответил он мне, доброжелательно улыбаясь. – Вам никто ничего подобного и не предлагает. Не думаю, что бог оценит попытку мотыжить грядки клинком булатной стали. И урожаю такое на пользу не пойдет, и клинок загубить недолго. И зачем это нужно?

Так, меня что же, в здешнюю охрану зазывают? Или вовсе в какую-нибудь местечковую армию? А что, община тут явно немаленькая, «штыков» двадцать, а то и тридцать прокормить смогут. А взвод профессиональной пехоты по нашим временам… У иных вологодских «князей» их «дружины» немногим больше.

- Господь способен не только дать утешение все потерявшим в нашем сошедшем с ума мире. Он также может дать силу и мужество тем, кто встанет на защиту обездоленных. Поистине сверхчеловеческую силу, несравнимую с другими… Не буду врать – не

всем, лишь самым достойным. Но ты вполне можешь оказаться из их числа. Ты чист сердцем, в тебе нет алчности и злобы. Ты уже сделал защиту других своим ремеслом… так попробуй превратить презренное ремесло в высокое искусство. Если в этом твое призвание – будет совсем нетрудно, поверь, я знаю, о чем говорю.

Точно, в «дружину» тянет, как бы она у него не называлась. Да еще и обещает черт знает чего. Интересно, он для своих «берсерков» со сверхчеловеческими силами, по старинке, мухоморы варит, или химией какой ширяет, исходя из последних достижений довоенной еще науки?

- Не хочу обидеть вас отказом, - я попытался придать своему голосу максимальную искренность, - но защищать других для меня – профессия. Приносящая деньги. Что-то не вижу я в этом никакой особой чистоты помыслов.

- Ты же взрослый человек, Александр, - снова улыбнулся мне «гуру», - и отлично должен понимать, в чем разница между: «зарабатывать, чтобы жить» и «жить, чтобы зарабатывать»… Ну, да ладно, неволить не буду. Просто помни, если решишься – возвращайся. У нас тут крепкая община добрых людей. И к своим защитникам мы относимся вовсе не как к наемникам и, уж тем более, не как к княжеской «крыше».

Ага, понятно. «Народ и армия едины» и все такое. Нет, что-то не готов я пока в ряды просветленных вставать. И сверхчеловеческие силы – оно, конечно, здорово, но вот еще знать бы, какой ценой. Так что – как-нибудь в другой раз. И, полагаю, не в этой жизни.

Открытым текстом я этого, понятное дело, говорить не стал, отказ обставил максимально вежливо и уважительно, а потом – распрощался и неторопливо, но целеустремленно, «сделал ноги» назад, на баржу.

Когда речной танкер тихо, без ставшего для меня уже привычным за время недолгого путешествия короткого гудка, отвалил от причала, к пулеметному гнезду подошел Семеныч.

- О чем беседовали, если не секрет, Сань?

Энергичный кивок в сторону неспешно уплывающего назад берега сомнений не оставлял, механик явно имел в виду мой разговор с «гуру».

- Нет, какие там секреты? – отмахнулся я. – К себе звал. Говорит – большой во мне потенциал…

- Надо же, - удивлению судового «механа» нет предела. – Нам за все время знакомства даже переночевать не предложил ни разу, мы тут, неподалеку от Кинешмы на ночевку у островка одного встаем. А тут – прямо звал?

- Ага, - с легкомысленным видом кивнул я. – Еще и обещал разного, чуть ли не Бэтменом сделать… Собственно, потому и не рискнул. Недоверие у меня вызывают люди, что золотые горы сулят «безвозмезддо, то есть дадом».

Гнусавый голос Мудрой Совы из мультика у меня вышел настолько похожим, что Степаныч громко и совершенно несолидно хихикнул.

- А про нас он не говорил ничего?

- А то, - снова киваю я. – Говорил. Мол, продались вы с потрохами Золотому Тельцу и этому, как его… Маммоне. Потому и не дано вам истинного бога узреть.

Увидев, как насупился механик, я понял, что с шуточками немного переборщил.

- Так и сказал?

- Нет, конечно, - поспешил я исправить ситуацию. – Это меня что-то на идиотский юмор потянуло. Сказал что-то вроде: мол, у вас и так все в жизни неплохо складывается. А они если кого к себе и принимают, то только уж совсем в отчаянном положении людей. Тех, кто все потерял, кому уже просто идти некуда. Но при этом еще что-то и про чистое сердце намекал. Думаю, какого-нибудь бандита они на порог не пустят, даже если он на этом самом пороге с голоду подыхать будет. Ну, по крайней мере, так я его понял.

- Угу, - щурится на клонящееся к закату солнце Семеныч, - а оружие, все, что есть, скупают, чтоб у тех, что на пороге никаких глупых мыслей не возникало… Впрочем, места тут глухие, неспокойные. До Пустошей – рукой подать. Тут кроме шуток «тяжко жить без пулемета».

И мы ненадолго замолчали, думая каждый о своем.

- А в Кинешме вы, значит, не останавливаетесь принципиально? – через некоторое время нарушаю слегка затянувшееся молчание я.

- Можно и так сказать. Нет, если попутный фрахт выпадает – грузы завозим… Но на ночевку не встаем, тут ты прав.

- Что так? Ты ж вроде сам говорил, что мор прошел давно и люди там живут, не мрут…

- Может, и не мрут, - явно смутившись, соглашается мой собеседник. – Но, знаешь… Как-то оно… Словом – не буди лихо.

Подкалывать старика по поводу суеверий я не стал. Они дело такое – одно другому рознь. Какие-то, вроде черной кошки или бабы с пустым ведром, разумеется – чушь полная и заведомая. Но ведь и другие есть… Вроде «трое от одной спички не прикуривают»*. Тут изначально причины были и весьма серьезные. Кто знает, как тут дело обстоит? Какая именно «болячка» тут народ после ядерной войны косила? Какие у нее были причины. У той же сибирской язвы «период полураспада» - очень длинный. Заразиться, говорят, и многие десятилетия спустя можно было. К чему лишний раз рисковать?

Ночевать, как Степаныч и говорил, встали у небольшого островка километров на тридцать выше руин Кинешмы по течению. До Ярославля осталось совсем немного, меньше двух сотен километров, но бдели ночью всерьез. Очень часто на длинных перегонах грабители подлавливают торговые караваны буквально на последних привалах, когда охрана, чувствующая близость дома или конечной точки маршрута, решает, что можно уже и расслабиться немного. Тут-то их и берут, тепленькими. Однако что я, что прочие нанятые Гольденцвайгом охранники – не из таких. Нас без хрена не сожрать. Потому – смотрим в ночную тьму внимательно, в оба глаза, слушаем внимательно – в оба уха. Но, видимо весь «лимит» неприятностей на это путешествие наш коллектив уже выбрал. Ночь прошла совершенно спокойно, разве что крупная рыба у борта шумно плескалась. А с рассветом речной танкер вновь «развел пары» и двинулся вверх по течению Волги в сторону Ярославля. И уже после обеда я увидел его своими глазами…

Глава 10

За семь лет до описываемых событий.

Одной группой нам повоевать не дали. Так и сказали: мол, слишком жирно – целый взвод из одних офицеров, пусть часть из них уже бывшие. Тут – каждый «ванька-взводный» на счету, офицеров – мало, бойцами командовать некому… Так и раскидали по «точкам», кого куда, вот к примеру меня и… Так, это что еще такое?

- Да что ж ты, гад, творишь, так твою перерастак?!

Возмущению в голосе прилегшего отдыхать на туристическом коврике-пенке солдата нет предела. Ну, да, если б мне с размаху на руку наступили, я б тоже обиделся. И выражался б ничуть не тише и, скорее всего, даже грубее. Однако Игоря неласковый прием совершенно не смутил. Прапорщик Боровков вообще, как я успел заметить – парень жизнерадостный и, как в армии о таких говорят - «не вникающий». В смысле, умудряющийся все жизненные проблемы и невзгоды пропускать мимо себя. Как в том древнем анекдоте: «- Как же вы расслабляетесь? – Да я просто не напрягаюсь!».

Вот и сейчас он отреагировал в свойственной манере.

- А я при чем? Поразметались тут, понимаешь, словно знойные барышни во сне… Поотращивали ласт… Честному человеку уже и наступить некуда. Ты это, радуйся, что всего лишь на руку, а не на голову.

- А в ухо? – коротко поинтересовались снизу.

Обладатель отдавленной ладони уже присел на дне окопчика и, весьма недобро глядел на обидчика. Пока – снизу вверх, но это явно только пока. Ведь если встанет… А он явно собирается…

Прапорщик погранвойск ФСБ Боровков – тоже парень крепкий, в охрану посольств за рубежом других и не берут. Правда, тут весовые категории явно разные. Игорек – спортивный, но худощавый, легкий. А оппонент у него, хоть годами и моложе, но – почти на голову выше и тяжелее килограмм на тридцать…

- Так, стоп! – выставляет перед собой ладони «провинившийся». – У меня есть серьезные реабилитирующие обстоятельства!

- Да ну? – нехорошим таким тоном интересуется встающий.

- Эй, хорош! Я ж вам пожрать притащил! Ты чего?

Настроение в окопе резко меняется. Пожрать – это очень даже «зер гут». Продовольственные склады какой-то удачливый подонок с противоположной стороны накрыл артогнем еще первого числа под вечер. А вывезти оттуда и рассредоточить по территории базы успели совсем немного – обстрел базы начался еще вечером тридцать первого и с тех пор, можно сказать, и не прекращался. Так что последние трое суток с кормежкой было как-то не очень. Дошло даже до вскрытия личных припасов «на самый крайний». А это, и вам любой военный подтвердит, либо когда уже совсем кирдык и больше пожрать просто нечего… Либо очень большая коллективная пьянка, а закуски нет от слова «совсем». Но у нас – явно не этот случай.

- Ну, другое дело, - «потерпевший», только что всерьез собиравшийся Игоря больно бить, резко «меняет показания». – А то сверху прыгает, по рукам ходит, как по тротуару… Чего там?

«Там», в стареньком вещмешке-«сидоре», оказалась «скатерть самобранка» в миниатюре. По банке гречки с мясом на нос, три банки тушенки и столько же сайры в масле на всех, куча упаковок армейских галет.

Закопченные, чумазые лица бойцов вокруг прямо светлеют, кто-то, подобно «потерпевшему» - лыбу до ушей давит… А то, голод – он не тетка. Посидишь пару деньков с пустым брюхом – поймешь, какой на самом деле харч богов – консервированная гречневая каша.

- Чего смотрим? Налетай – подешевело! – Игорь изображает рукой широкий приглашающий жест.

Мои воины не заставляют себя уговаривать, и шустро разбирают доставленный пограничником провиант. Надо же… Уже даже в мыслях они «мои»… А ведь всего четверо суток ими командую. Ими и этим… Опорным пунктом? Узлом обороны? Блин, вот честное слово, как без мата обозвать это недоразумение – я даже и не знаю.

Полузасыпанный сейчас бетонный блиндаж, здорово «окривевший» на один бок вчера, после прямого попадания крупнокалиберной минометной мины, пара отходящих от него в разные стороны недлинных окопов полного профиля, позиция под АГС, сейчас не шибко уже нужная, потому как сам автоматический гранатомет еще позавчера приказал всем жить долго и счастливо и отправился в свой оружейный рай… И двенадцать бойцов-

мотопехотинцев. И я, бывший майор СОБР, а ныне – вообще непонятно кто. И неунывающий прапорщик погранвойск Федеральной службы безопасности Боровков Игорь… кстати, как его хоть по батюшке-то? Почти пять дней знакомы – а так и не спросил. К слову - это именно он за мной следом первым из вертолета пошел. Поведение у парня – несерьезное, зато стержень внутри даже не стальной – титановый. Такая вот «Брестская крепость»…

Погода нормальная – и то радость. Обычно зимой в здешних краях довольно мерзко – около нуля, дождь со снегом, ветер. А тут – как на заказ, небо чистое и тепло, для зимы, понятно. Но днем до десяти-двенадцати на солнышке. И ночью плюс. Что немало, учитывая, что мы – на улице постоянно.

И с обеда первого января мы тут воюем. Сначала был нас тут почти полный взвод, и даже настоящий взводный был. И АГС-17, и противотанковый РПГ-«семерка». Теперь же – «маемо що маемо», как говаривала моя родившаяся под Полтавой бабушка… Из всех ранее имевшихся «красот» остался только пулемет ПКМС на трехлапом станке, да снайперская винтовка, правда штатного снайпера осколками посекло еще позавчера, и сейчас она вроде как за тем же Игорем и числится, как за наиболее подготовленным. РПГ-7 хоть и жив-здоров, но к нему всего четыре выстрела осталось. Из которых два – противопехотные осколочные «морковки»…Зато подствольные гранатометы теперь у всех…Количество «пользователей» за последние дни сократилось больше, чем вполовину, вот и «шикуем». Радует только, что с боеприпасами пока все в порядке и «двухсотых», в смысле – погибших, у нас всего шестеро.

Остальных, с ранениями разной степени тяжести в тыл эвакуировали. Хотя, какой, к чертовой матери, тыл на окруженной со всех сторон противником военной базе? Но с «передка» - отправили, даже «легких», кто остаться пытался, я в приказном порядке отослал. При любом раскладе там раненым лучше, чем здесь. Там и медикаменты есть, и «пилюлькины» квалифицированные… Если, и правда, ранен легко – быстренько подлатают и в строй вернут в кратчайший срок. А тут чего ловить? Кроме бинтов и ИПП – нету ничего, даже зеленки. На кой тут раненый? Дожидаться, пока в рану грязь и инфекция попадет, начнется нагноение, а то и гангрена, и вот тогда он из «легкого» превратится в «тяжелого»? А то и вовсе из

«трехсотых» в «двухсотые» перейдет? Нет, спасибо – не нужно мне такого счастья!

- Что там? – спрашивает Игоря кто-то из бойцов.

О чем он – все понимают и так. Там – это поближе к штабу. Где еще есть связь с «большой землей», где можно услышать хоть какие-то обнадеживающие новости. Впрочем, лично мне и так все ясно. Если командование расщедрилось на такую «пирушку» (это при скудных-то резервах, что удалось спасти) – значит будет большая драка. После которой нас либо деблокируют, и тогда с продуктами все станет нормально, либо продукты эти никому из личного состава «двести первой» уже не нужны будут. У покойников в животе бурчит только в книжках про восставших мертвецов… Свои мрачные предчувствия я, конечно, вслух озвучивать не буду. Но Игорь мою правоту подтверждает. Правда, в его исполнении все выглядит вовсе не так сурово, скорее – даже наоборот.

- Штабные говорят – весь ОДКБ* на дыбы встал, - уверенно, будто сам только оттуда, с «большой земли», рассказывает пацанам Боровков. – Узбекистан «в темпе вальса» назад вернулся, так просились, говорят, так уговаривали… В Ташкенте в аэропорту – натуральный сумасшедший дом: и транспортники, с техникой и десантурой, и штурмовая авиация. И узбекская, и казахская, и наша, само собой. Говорят даже «стратегов» из Сирии на нас переориентировали…

- Чего ж ждут тогда? – вырывается у кого-то из слушавших его пацанов.

- Удобного момента! – наставительно тычет в небо указательным пальцем пограничник. – Ну, херакнут по ним сейчас, ну положат пару-тройку сотен… Толку? Остальные-то назад в горы уйдут… Лови их потом. Здешние горы – это вам не Сирия, тут прятаться есть где и кроме городов. Вот и нужно, чтоб мы их на себя оттянули, заставили резервы в бой бросить, чтоб увязли… Вот тогда им и прилетит так, что мама не горюй.

- Ага, - не согласился с недавним обидчиком «потерпевший». – А они там все – дурнее паровоза и нифига не понимают…

- Может и понимают, - пожимает плечами Игорь. – Вот только у них задача – взять Душанбе и нас размазать, как масло по бутеру. С

налета – не вышло. Эффект неожиданности – утрачен. Да и боеприпасы, похоже, понемногу заканчиваться начинают…

Вот тут он прав. Почти сутки уже плотный ранее артобстрел превратился в редкие залпы.

- Не сделают, - продолжает развивать свою мысль прапорщик, – значит зря дергались. А если задача не выполнена, дело не сделано – так кто ж за него тогда заплатит?

- А ты думаешь, они тут за деньги?

-А ты думаешь – за просто так? – хитро прищурившись переспрашивает Боровков. – «За так» сейчас разве что мухи сношаются. И то, думаю, ненадолго это, бабло всех девок испортило, даже мушачьих…

Среди бойцов прокатился смешок. Молодец Игорян, поднимает парням настроение.

- Жрете, да? – из ДОТа, где установлен на треноге пулемет, доносится обиженное сопение. – А некоторые вас, сволочей, тут стерегут…

- Твою душу, - звонко хлопает себя ладонью по лбу Игорь. – А про Саню-то мы чуть не забыли!

- Чуть? – в голосе из блиндажа явно слышится сомнение.

- Разумеется «чуть»! – уверенно заявляет погранец. – Я ж тебе, как наблюдателю, самолично банку с кашей открывал, да заболтался что-то…

С этими словами наглый эфэсбэшник забирает у меня из рук едва открытую консервную банку, и ехидно подмигнув, мол, еще одну себе вскроешь, втыкает в «дубовую» холодную кашу вилку, и вразвалочку топает к пулеметному гнезду. Не, ну не наглец, а!!!

- Вооот, совсем другое дело, - доносится из блиндажа довольный голос пулеметчика. – А галетку можно, пацаны?

- Да без проблем, - я аккуратно кидаю в дверной проем свою же, не вскрытую пока упаковку. Чего уж теперь…

- Ваще ништяк! Спаси… - Сашка вдруг прерывается на полуслове. – К бою!!!

Первым на крик дозорного отреагировал Боровков, что не удивительно, он рядом стоял – все и сам увидел. Схватив СВД и подсумок с магазинами, он ужом скользнул из окопа в сторону руин бывшей трехэтажной казармы. Что правильно. Снайперу… ну, ладно,

может и не совсем полноценному снайперу а, западную терминологию используя, марксману*, в пехотном окопе во время боя делать нечего. Его главное оружие – даже не винтовка, а скрытность и незаметность. Даже очень грамотный стрелок со снайперской винтовкой на открытой местности и без маскировки – мишень, легкая добыча для врага. А вот в хорошем укрытии, да имея несколько позиций и возможность переходить с одной на другую… В таких условиях он стоит если и не взвода, то уж никак не меньше десятка обычных «мотострельцов».

Бойцы разбежались по позициям. Я – нырнул в блиндаж к пулеметчику и, достав из чехла старенький армейский «восемь на тридцать»*, разглядываю руины жилого микрорайона, который талибы и перебежчики из местной армии огнем артиллерии превратили за последние дни в мало на что похожие груды бетонных обломков, щебня и кирпичного крошева. Мне не просто оборону держать, мне остатками взвода руководить. И пусть, как я уже недавно рассказывал, мне, майору спецназа МВД, в этом вопросе любой пехотный лейтенант ощутимую фору может дать… Нет у нас под рукой ни одного пехотного лейтенанта. Есть я, прапорщик Игорь и вот эти девятнадцатилетние мальчишки. А значит – будем выполнять задачу наличными силами и средствами.

А из-за руин по нам плотно начали колошматить несколько пулеметов. Я еще лет десять назад от одного хорошего знакомого слышал, что можно из пулемета и вот так – с закрытых позиций работать. И, якобы, не так оно и сложно. По его словам, еще в Первую Мировую этот способ придумали. Слышать – слышал, а вот в живую увидал только сейчас. Ощущения, прямо скажем, не самые приятные. Однако – тут без корректировщиков точно не обошлось. А значит – будем искать…

Одного душманского наблюдателя я разглядел довольно быстро.

- Саня!

Пулеметчик лишь коротко гукнул вместо ответа, слышу, мол.

- Примерно на три пальца правее ванны с синей шторой, и чуть ниже. Видишь?

Ориентир, конечно, если только на слух его воспринимать – закачаешься. Но что поделать, если эти серые груды перемолотого сталью в пыльную труху бетона на вид – одинаковые. А тут – такой подарок: торчащая из обломков белая эмалированная ванна, из которой

высовывается вяло шевелящийся на ветру «хвост» ярко-синей полиэтиленовой занавески.

Во второй раз Сашка меня даже междометьем не удостоил. Только коротко откашлялся через пяток секунд его ПКМС. А обломки стены «по указанному адресу» украсились темно-бордовым, даже на вид тягучим и липким пятном. Еще через несколько секунд донесся хлесткий хлопок со стороны бывшей казармы. Похоже, и бравый пограничный прапор кого-то засек.

Пулеметы на некоторое время замолкли. Ага, без наводчика все уже не так радужно. А на прямую наводку выползать – похоже, боязно. Но, у них ведь тоже и командиры, и приказы… Вскорости между развалин, прикрываясь битыми плитами и обломками рассыпавшихся перекрытий, показались угловатые силуэты внедорожных пикапов с «крупняками» в кузовах. Первые короткие, пристрелочные очереди выбили целые фонтаны земли из брустверов наших окопов.

- Головы пригнули! – во всю глотку ору я.

Но пацаны у меня уже ученые. Все, кто не умел так быстро на дно окопа нырять – уже там, позади. Либо в госпитале, либо под плащ-палатками рядком вдоль стены лежат.

- Так, внимание, - снова горланю я. – Разбираем цели по номерам! С первого по четвертого – ориентир «красный балкон», с пятого по восьмого – ориентир «ванна», примерно на ладонь левее, с девятого по одиннадцатого – прямо по детской площадке!..Дистанция…

Буквально на секунду замираю, прикидывая расстояние при помощи простенького дальномера бинокля.

- … первая цель – двести метров, вторая и третья по двести пятьдесят!.. «Подкидышами»*…

Сейчас пацаны лихорадочно накручивают прицельные «Костров»*, выставляя указанную дистанцию и загоняя в стволы гранатометов выстрелы.

- Залпом! На счет «Три»! Один! Два!!!

Гаркнув: «Три!!!», я тоже на мгновение привстаю, благо, один угол нашего блиндажа вдребезги разнесен особо удачным попаданием и дырища там в потолке внушительная, и отправляю свой «гостинец» в сторону душманской «тачанки», что встала посреди обломков детской площадки. И тут же падаю на пол, как подрубленный. Попаданий я не вижу, зато пару из них отлично слышу. Когда осколочный ВОГ

взрывается не на грунте, а на металлической поверхности, звук получается очень характерный: звонкий, скрежещущий, такой ни с чем не перепутать.

Снова достаю бинокль и окидываю поле боя «вооруженным взглядом». Видно, правда, плоховато: из глубины ДОТа угол обзора у амбразур – так себе. Но оптикой на солнышке бликовать на фоне темных провалов бойниц блиндажа – поищите другого дурака за четыре сольдо…

А неплохо мы отстрелялись! Тот пикап, что на детской площадке стоял, выглядит совсем плачевно – вскрытая консервная банка, а не машина. Похоже, одна из четырех гранат попала в кабину, еще одна - в кузов к пулеметчику, а оставшиеся две – легли с близким накрытием. В общем, там сейчас много битого стекла, изорванного железа и нашинкованной сталью человеческой плоти. Второму, тому, что стоял неподалеку от обрушившегося вниз оббитого темно-красным сайдингом балкона, досталось чуть меньше, но тоже основательно. Пулемет задрал раструб пламегасителя почти вертикально в зенит, на прикладе мешком рваного, сочащегося кровью тряпья обвис пулеметчик. В кабине заметно шевеление – похоже, пришедший в себя водитель пытается завести двигатель. Еще раз громко и резко хлещет по ушам выстрел СВД. Лобовое стекло внедорожника забрызгивает изнутри красно-бурым и ужасно неаппетитным. Не судьба…

Больше всех повезло третьему пикапу. Сейчас он, густо дымя, отползает назад за развалины. Судя по насыщенности ярко-белого облака над капотом – это даже не радиатор, это или расширительный бачок в клочья, или патрубки системы охлаждения. Впрочем, не исключено, что и то, и другое. Так что, надолго этой «хромой лошадки» не хватит: сейчас вытечет тосол и перегревшийся двигатель быстро и надежно схватит мертвого «клина». Что ж – нам проблем меньше. С рук из ДШК стрелять – и Джон Рэмбо не сможет, а в наличии у моджахедов еще и штатного станка вдобавок к тому вертлюгу, на котором пулемет установлен в кузове, я что-то сомневаюсь.

Где-то вдалеке, пока на самой грани слышимости, возникает новый звук. Этот мерзкий, выматывающий душу вой просто невозможно с чем-то перепутать. Минометы.

- В укрытие!!!

Сейчас нас снова начнут пропалывать, как ту картошку. После того, как нам блиндаж обвалили, разом выбив сразу пять «активных штыков», причем одного – в безвозвратные, а еще двух – в тяжелые, укрытий мы себе нарыли новых, узких индивидуальных «щелей». Может, и не так надежно, как бетонный ДОТ, но и попасть куда сложнее, не говоря уже о том, чтобы заметить. И даже в случае прямого попадания потери все равно меньше. Один, как бы цинично это не звучало – это лучше, чем пятеро.

К слову, обстрел что-то особо не впечатляет. По сравнению с вчерашними, не говоря уж о более ранних - и жидковат, и кривоват. И если первое можно списать на заканчивающиеся боеприпасы, то вот второе… Похоже, если и приврал Игорь, описывая последние новости с «большой земли», то совсем немного, чисто для красоты картинки. Вернувшийся в оборонительный союз Узбекистан и российская военная авиация на взлетных полосах в Ташкенте – это уже даже не «звоночек», не намек. Это натуральное сообщение открытым текстом, можно сказать – колокольный набат. А что такое штурмовая авиация русских – все «бородатые» в Сирии уже уяснили. Сильно сомневаюсь, что найдется много желающих на себе опробовать. Вот и начали, как говаривал великий Попандопуло: «хлопцы разбегаться кто куда, в разные стороны». И технические специалисты, те же артиллеристы и артнаводчики – в первую голову. За ними все же контроль не такой плотный, как за той же пехотой, где большая часть бойцов – не из местных перебежчики, а моджахеды. Которые «неофитам» деру дать не позволят, пристрелят скорее. Вот и щеманули «технари», как тараканы на кухне, едва жареным запахло. Что по точности обстрела очень заметно. Впрочем – нам оно только на руку.

С другой стороны, если боевики ждут наших авиаударов, шанс у них только один – прорваться через удерживаемый нами периметр на территорию базы, перемешаться с нашими порядками, закрепиться, пусть даже и «слоеным пирогом», набрать как можно больше пленных и начать переговоры о «коридорах безопасности», как в Алеппо в прошлом году. По своим наши авиацией долбать не станут и начнут договариваться. Но только при таких обстоятельствах. При прочих - будут выжигать эту нечисть без всякой жалости. И значит это, что вот сейчас-то нам и захорошеет. Причем – очень скоро.

Едва обстрел закончился, громко вслух делюсь своими соображениями с пацанами. Передышку нужно использовать с умом и по максимуму – растаскиваем все оставшиеся боеприпасы по позициям, вскрываем все цинки, набиваем все имеющиеся магазины и ленты к пулемету. Я, конечно, тот еще Кутузов, но что-то мне подсказывает, что позже на все это времени может и не оказаться.

Поперли «бородатые» минут через пятнадцать. Густо, чтоб их. Развернутых знамен с черепом и костями, аксельбантов и ровных шеренг не хватает – вылитая каппелевская «психическая атака» из «Чапаева» получилась бы. Точно – приперло гадов, раньше они себе такого не позволяли, берегли людей. А теперь – классическое «Либо пан, либо – пропал».

Пока меня еще слышно, отдаю последние указания, чуть позже не то, что подчиненные – сам себя не услышу.

- Патроны экономим, подвоза не будет! Очередями – только на самых малых дистанциях! Сначала долбите ВОГами, потом – ручными гранатами! И – держаться!!! Зубами, когтями… рогами, мля, упритесь!!!

- Не надрывайся, командир, - спокойно отзывается от пулемета Сашка. – Не маленькие. Нам «Панфиловцев» в клубе еще в ноябре показали… Отступать некуда…

Ответить я не успел, да и что на такое можно ответить? Но нам помешали. Прямо перед бруствером поднялся сноп разрыва, меня, словно пушинку, отбросило в сторону и густо присыпало комьями земли. В голове – непередаваемые ощущения, будто бутылку кефира встряхнули хорошенько. Ни черта себе! Это что ж такое было?

- Танки! – слышен чей-то голос сквозь ватную заложенность в ушах.

Танки – это хреново. У меня к РПГ всего две кумулятивных гранаты осталось. И обе обычные, не тандемные. Такие «в лоб» разве что старенький Т-62 возьмут, и то – при удачном попадании. Что-то более серьезное – только в борт или корму. А борта и уж тем более задницы свои они мне вряд ли подставят.

Слегка приподнимаюсь над бруствером окопа. М-да, и верно – танки. Два «семьдесят вторых» явно решили прикрыть прущую на нас пехоту. У которой пока дела – как-то не очень. Десяток подствольных гранатометов на узеньком участке – штука страшная. Со стороны

выглядит взрыв ВОГа совсем не зрелищно: небольшое грязно-серое с черным облачко быстро рассеивающегося дыма, вот, собственно, и все. Ни тебе любимых Голливудом огненных шаров, ни сносимых фонтанами огня врагов… Но у нас не кино, а реальная жизнь и там сейчас мало никому не кажется. Оно, может, и не эффектно, зато очень эффективно. Со свистом пластают сейчас воздух между развалинами домов сотни мелких, но смертельных осколков. Лежат едва пошедшие в атаку моджахеды мордой в землю, «Аллу в бар» не зовут. И все бы хорошо, вот только – танки. Всего два, но нам и их за глаза хватит. На дистанции в три сотни метров они нас тут за пару минут с землей перемешают. А нам и огрызнуться толком нечем. Обидно, а ведь неплохо повоевали…

Первым делом оба танка синхронно, почти залпом, ударили по и без того на ладан дышащей казарме. Словно подтверждая древнюю армейскую шутку, что лучшее средство для борьбы с вражеским снайпером – имеет калибр в сто двадцать пять миллиметров и установлено в танковой башне. Вот только глядя на то, как оседают в туче пыли, поднятой взрывом и обрушением, сразу два этажа левого крыла, смеяться вообще не хочется. Как там Игорь, успел ли выбраться? Надеюсь, что да.

Делать-то что? Сейчас они фугасными по нашим позициям пройдут – и все, «адиос, мучачас – до свиданья, девочки». Нам сейчас много не нужно – полтора десятка залпов, чисто для верности, а потом талибам останется не спеша до нас пешком прогуляться и неспешно, позевывая и почесываясь, тяжелораненых добить. Да вот хрен-то там! Я так просто не сдамся!

Стряхиваю со спины брезентовую сумку с гранатометными выстрелами. Осколочные – пока нафиг, все равно толку от них сейчас никакого, а вот кумулятивные – сюда. Один, словно гетманскую булаву, пихаю за пояс РПС, второй – до щелчка фиксатора вгоняю в ствол РПГ. Свожу вместе проволочные «усики», за короткую матерчатую петельку вытягиваю шпильку и стряхиваю с носика гранаты предохранительный колпачок.

Еще один близкий разрыв заставляет еще теснее прижаться к стенке окопа и пригнуться ниже. Ну, сейчас я вам, твари. Убить, может, и не убью – но покалечу гарантированно!

Ай, какая ж красота! Не стесняясь эмоций, восторженно ору в голос. Со стороны соседнего опорного пункта, до которого от нас метров восемьсот, точно в борт одного из «семьдесят вторых» устремляется яркая подвижная искра, низко стелящаяся над землей и нервно подрагивающая на лету из стороны в сторону. ПТУР*! Ай, красавцы!!! Сберегли-таки «Корнет»!!!

В правый борт обреченного танка будто гигантским молотом влепили. Грохот взрыва, отлетевшая метров на десять башня красиво втыкается пушкой в землю, и медленно оседает «куполом» вниз, открывая для обозрения пылающее нутро. Экипаж, думаю, даже и понять ничего не успел. Зато все поняли душманы-пехотинцы. Завыв дурными голосами, они из всех стволов ударили в сторону, откуда прилетел управляемый ракетный снаряд. Блин, каково там сейчас ребятам – даже думать не хочу. Но, кажется, они подарили нам шанс на жизнь.

Один из бородатых ловко забрался на броню уцелевшего Т-72 и бодро замолотил по башне прикладом. А когда люк чуть-чуть приоткрылся (ну, да, танкисты – не настолько идиоты, чтоб посреди боя из-под брони чуть не по пояс высовываться), активно жестикулируя начал что-то втолковывать невидимому командиру машины. Договорить не успел – как-то прямо обреченно всплеснул грабками напоследок, да и рухнул вниз, под гусеницы, получив пулю точно промеж лопаток. Уж не знаю, кто из моих расстарался, но хочется верить, что Боровков. Да и прилетела пуля примерно оттуда. Но, по всей видимости, услышанного командиру второго танка хватило. Многотонная машина резким рывком развернулась в сторону избиваемого талибами опорного пункта. Подставив при этом мне левый борт. Как удачно! Вот такой случай я точно не упущу!

Теперь нужно действовать быстро, пока талибский танк парней из пушки не нахлобучил. По неподвижной мишени на трех сотнях метров – даже с открытых прицельных стрелять можно, а для умеющего работать с оптикой… Словом, и говорить не о чем.

Утягивая за собой дымный «хвост», граната ушла… Твою мать! Вроде, и попал - куда целился: под надгусеничную полку, аккурат между четвертым и пятым катками. И не сказать, что результат плохой: «гусянка» сползла, пятый каток перекорежило, четвертый – вообще отлетел… Но не этого я добивался. Там, за катками и бортовой броней

– самое «вкусное». АЗ, он же автомат заряжания. Для своих – просто «карусель». Проще говоря – основная боеукладка со снарядами. Если туда удачно попасть… Я – не попал. И эта бронированная тварь еще жива. Правда, теперь для нее первостепенная цель – не отстрелявшиеся уже птурщики, а мы. Вернее – моя светлость, но прилетит всем, за компанию. И нужно пошевеливаться. Они там, конечно, после взрыва «прибалдевшие сего числа», но башню в нашу сторону уже разворачивают.

Вторая граната до щелчка, шпилька, колпачок… В какой-то момент возникает нехорошее ощущение, что вот прямо сейчас сквозь оптику прицела увижу только вспышку выстрела. И на этом все закончится. Причем проскочила эта мысль удивительно спокойно, буднично как-то. Но – успел. И снова попал.

На этот раз первые пару секунд танк стоит, будто ничего и не произошло, я даже взопреть успел, неужто промазал? Но потом вверх, сквозь распахнувшиеся люки начинает бить натуральный столб непереносимо яркого, светлого, почти белого пламени. Высокий, метров в пять-семь как минимум. А еще через пару секунд танк буквально в клочья разносит. Оторванные поручни, коробки активной защиты, ящики ЗИПа, прочие мелкие детали с башни и корпуса, траки и просто разные бесформенные обломки и осколки – все это разлетается примерно на полсотни метров во все стороны. Кому-то из «духов», укрывавшихся от наших пуль за броней, сейчас явно поплохело. Человек – животное хрупкое, ему много не нужно. Порой, достаточно стального или чугунного осколка весом в пару граммов. А уж что способен сотворить летящий на приличной скорости танковый трак… Слабонервным лучше не видеть.

А вот теперь можно и продолжить! Численное преимущество у «бородатых», конечно, впечатляющее. Да вот только мы на заранее подготовленных позициях, и с боеприпасами проблем не испытываем. А им, сколько б их там не было, до нас от развалин многоэтажек – почти две сотни метров по пустырю бежать. Ну-ну, пусть попробуют!

Дальнейший бой вспоминается как-то смутно, рвано, без подробностей. Наверное потому, что было всего очень много, очень быстро и совсем недолго. Я стрелял из подствольника, одну за другой отправляя осколочные гранаты в весьма недолгий полет. На двух сотнях метров человеческая фигура, да еще и в движении – мишень

дико неудобная. Так чего время на прицеливание тратить? Загнал в ствол ВОГ и – «По группе мотопехоты противника…». А по наступающей толпе урон от гранаты все равно куда больше. Потом дошло дело и до ручных. Их метал тоже в темпе, почти не глядя куда, следя лишь за тем, чтобы не швырнуть оборонительную. У РГО или Ф-1 убойности, конечно, побольше, но я тут не один, вокруг и своих хватает… И если пуля, по крылатой фразе Суворова – дура, то граната при таком подходе к вопросу – вообще идиотка конченная. Причем идиотка с разлетом осколков до двухсот метров. Вот зачем мне своими же ребятами рисковать?

А потом развалины домов перед нами в самом буквальном смысле встали на дыбы. Земля резко, сильно и весьма болезненно поддала по пяткам, а пришедшая спереди ударная волна со всей могучей дури швырнула меня спиной на стенку траншей. Во рту и на губах – кровь, да и из носа по подбородку юшка потекла. И это еще легко отделался. Не было б на мне бронежилета – скорее всего повредил бы спину. А так – только «в зобу дыханье сперло». Еще бы, с такой-то великой «радости»! Лежа на дне окопа я увидел в ярком голубом небе очень характерные силуэты. Ага, картина художника Саврасова «Грачи прилетели». Но не те, что по весне, а те, что штурмовики. И именно на штурмовку они сейчас и заходят. Под крыльями сверкает пламя, куда-то вперед тянутся дымные шлейфы ракет.

«Обозначить нашу позицию!» - всплывает у меня в голове: «А то ведь накроют сослепу».

На ощупь тащу из подсумка все три оставшихся РОПа*. Даже не глядя на донца, скручиваю с них крышечки и, под небольшим углом, одну за другой отстреливаю осветительные ракеты в сторону талибов. Красного огня, белого, зеленого – какая разница? Никаких общих сигналов оповещения у нас и летунов все равно нет. Остается надеяться только на их опыт, что поймут, догадаются. И знаете, возможно мне и показалось, но вроде бы один из Су-25 в небе прямо надо мной покачал крыльями, мол, понял тебя, пехота. Лежи уже, отдыхай, мы тут как-нибудь сами…

И я лежу. Дно окопа раз за разом ощутимо пинает снизу по лопаткам и копчику, будто пытаясь то ли подняться, то ли меня подбросить повыше. Но я на это уже ни малейшего внимания не обращаю. И на проносящиеся над головой «сушки» и подошедшие

чуть позже «вертушки» - тоже. Мой взгляд, будто магнитом тянет к входу в наш окончательно завалившийся блиндаж, где почти на пороге лежит на боку консервная банка с так и не тронутой гречневой кашей. Из которой до сих пор торчит глубоко воткнутая гнутая алюминиевая вилка. И густо натекшая вокруг этой банки лужа темной, почти черной крови. Сашкиной крови. И его глаза, уже мертвые, мутные, в которых отражается бездонное и яркое азиатское небо…

Глава 11

2024-й.

Впечатление город производит, врать не буду. Особенно после Вологодчины, где даже Никольск – уже нешуточный центр цивилизации. Ярославль же в этом вопросе – явно вне конкуренции. Сравнить можно разве что с Вяткой, которая Киров. Но там не было такого удачного ракурса для обзора, как тут. С реки смотрится Ярославль монументально.

- А вот и «стрелка»! – в голосе Семеныча слышна гордость.

Ну, нифига себе! Вот это я понимаю – размах. «Стрелка» и вправду оказалась стрелкой, вроде как на Васильевском острове в Питере – невысокий зато довольно широкий и длинный «язык» суши, коса, тянущаяся вниз по течению Волги от обрывистого берега и словно пытающаяся отрезать от основного русла ту речку-приток, что здесь в Волгу впадает. Что тут было раньше? Не знаю, до войны мне в Ярославле бывать не приходилось, но, судя по памятнику на высоком постаменте, на вершине которого до сих пор горит позолотой, пусть и изрядно потускневшей, двуглавый орел – что-то вроде парка. Всякие там выложенные узорной брусчаткой дорожки, парапеты из полированного гранита, фонтаны, клумбы с цветами… Сейчас вместо всего этого – здоровенное торжище. Но упорядоченное, вроде Черкизовского рынка в Москве, в его последние годы, а не просто хаотичное нагромождение торговых павильончиков, киосков, а то и просто навесов и настилов. Ничего подобного, все вполне аккуратно.

- Как тебе?

- Впечатляет! – кривить душой даже не пытаюсь, такого размера рынок я после семнадцатого года нигде не видел.

- Что за река? – интересуюсь я зачем-то названием притока.

- Которосль.

- Понятно… А памятник кому?

- Чему, - улыбается Семеныч. – Тысячелетию основания Ярославля. В десятом году открыли. Пойдешь на ярмарку – поближе глянешь. Оно того стоит.

- А вон там – это что?

По левому борту, полускрытый торжищем на «стрелке», виден крупный остров, соединенный с берегом мостом, не особенно широким, двум машинам точно не разъехаться, но основательным, явно, еще до войны построенным. Вся береговая линия острова – сплошной причал, к которому пришвартовано десятка полтора плавсредств разного размера и степени потрепанности. Почти сразу за причалами с десяток хороших, и явно не очень давно построенных четырехэтажных домов из бруса. А между ними – приземистое, но широкое здание в два этажа, в котором я и без вывески безошибочно опознал бы кабак. Впрочем, вывеска имелась. И из нее следовало, что это кабак и есть.

- Даманский, - таким тоном, будто это все объясняет, ответил механик.

- Спасибо, что просто в задницу на послал, добрый человек, - хмыкаю я.

- А, ну да… - явно смутился мой «Вергилий», - ты ж у нас не бывал. Раньше на этом островке парк отдыха был. Аттракционы разные, карусели… Теперь – порт для приезжих. Для своих – другой, вооон там…

Механик пальцем указывает направление.

- … дальше за «стрелкой», в смысле, за ярмарочной площадью, километра полтора по набережной, ну, чуть меньше - бывший речной вокзал. А чужаков – тут размещаем.

- В интересах безопасности? – с намеком на шутку спрашиваю я.

- А ты как думал? – не принимает юмора старик. – Тут, было время, такие налеты отбивали – мама не горюй. Прямо-таки капитан Блад штурмует Порт-о-Пренс…

- Вообще-то он там, вроде, квартировал, - хвастаюсь я знанием творчества Сабатини.

- Да не суть, - отмахивается мой собеседник. – Не в том дело. Главное-то ты понял.

Тут возражать не буду, понял, конечно же. Действительно, после нескольких попыток взять город «на штык», отвести под проживание приезжих какую-то компактную и легко контролируемую территорию, откуда выпускать их только на ярмарку, да через хорошо оборудованный КПП – далеко не самая дурная идея.

- И как, помогает?

- Разумеется. Выход с острова один, через мост. На том берегу – самая натуральная таможня. С недобрыми намерениями – мышь не проскочит. А с добрыми – до «стрелки» пешком по набережной десять минут идти, не больше, если сильно не торопясь, прогулочным шагом. И торгуй сколько душе угодно. Или покупай, тут уж кому что.

- А если нужно не на ярмарку?

- А куда ж еще? – вопросом на вопрос отвечает механик. – Остальное все есть на острове. Кабаков – четыре штуки. Это отсюда только один видно. Причем – на любой карман. Все – с девками, опять же, расценки строго по уровню заведения. Если переговоры с деловым партнером из местных – так там же, в кабаке, в отдельном кабинете. Ну, или в гостинице. Опять же, это ты человек не торговый, потому сходу такие вопросы задавать начал. Остальные сюда, как раз наоборот, именно расторговаться или закупиться приезжают. Их все устраивает. Да и привыкли за столько-то лет. Сам понимаешь: наше торжище – наши правила. Кого не устраивает – поищи другую ярмарку…

Что-то мне подсказывает, что с «другими ярмарками» в округе серьезная напряженка.

О безопасности тут, к слову, тоже не забыли. По верху высокого утеса, что нависает над «стрелкой» - основательная, метра в четыре, стена из бетонных плит и блоков. С бойницами и стрелковыми ячейками. А кое-где, точно как в порту Емвы, бросаются в глаза на фоне серого бетона стальные «кочки» снятых с бронетранспортеров и БМП башен. Все серьезно. Не удивлюсь, если где-то за стеной – пара батарей хорошо пристрелянных минометов. Лично я бы – точно озаботился, чтоб одна держала под прицелом остров-гостиницу, а вторая – ярмарку. Но про это я даже спрашивать не стану. Семеныч мужик общительный, но все же не «болтун – находка для шпиона». И с головой у него полный порядок. Еще подумает что-нибудь не то. Зачем мне эти трудности?

Пришвартовались быстро. Как оказалось, в здешнем порту «для своих» у Костиной «ласточки» - свое отдельное и индивидуальное «парковочное место» у причала имеется. Причем – весьма солидное, с широким подъездным пандусом и кучей каких-то специфических конструкций на причале. Ну, да, не «апельсины бочках» перевозят люди. Все серьезно.

Вот в части «моряк вразвалочку сошел на берег», у меня возникли небольшие сложности в лице здешней портовой охраны. Ну, да, я этих парней вполне понимаю: они при исполнении, а тут со знакомого, вроде бы, борта, спускается какой-то совершенно незнакомый тип. Да еще и при оружии. И плевать, что в компании знакомых им людей. Тип-то – откровенно посторонний, а все прочее – так по-всякому могло сложиться. Но на чужака отреагировать они были просто обязаны. И отреагировали. К их чести нужно сказать – быстро и решительно, но при этом без ненужной грубости. Мордой в пол укладывать не стали, просто ткнули носом в ближайшую стену, ну, и как водится, оружие на землю, а руки в гору и – за голову.

Быковать и нарываться – не стал. Больше скажу: несмотря на все уверения Костиного экипажа, чего-то подобного изначально и ждал. Потому что много где побывал, причем, не в качестве «торгового гостя» (купцам везде рады, они – источник как товаров, так и новостей), а именно что в роли незнакомого и дико подозрительного вооруженного мужика, от которого совершенно неизвестно, чего ждать. И обращение видел разное. Ярославль в этом плане оказался далеко не худшим вариантом. Тут хотя бы не стреляли сходу. А я и такое видел…

Растерявшийся Константин кинулся разбираться к начальнику караула. Через несколько минут они вернулись уже вдвоем. Мне разрешили опустить руки, развернуться и даже автомат подобрать с палубы, но предупредили, чтобы не дурил. В противном случае, мол, стреляем на поражение. Я лишь плечами пожал и, демонстративно отомкнув магазин, закинул автомат за спину. Мол, даже и в мыслях не было.

Пытающегося было неуверенно начать извиняться Гольденцвайга останавливаю после первых же слов. Отвечаю, что парни – молодцы и все сделали правильно. И что я на их месте действовал бы точно так же. Охранники сделали рожи кирпичом, мол, ничего не слышали, но по глазам вижу – и мое спокойное поведение и слова им импонируют. И теперь вся строгость их – больше для порядка, потому что положено так. Старший караула меж тем достал из какого-то рундука в обычный брезентовый чехол для оружия. Правда, не под автомат, побольше немного, но так и меня на «калаше» прицел, который я снимать не

собираюсь – потом опять пристреливать придется. Так что, без магазина мой автомат в чехол войдет свободно, даже место останется.

- Сделаем так, - обращается он разом и ко мне, и к Косте. – Оружие – в чехол, чехол я опечатываю своей личной пломбой. При убытии показывает, что печать не повреждена – и все отлично. Ну, а если нет…

Ну, тут пояснений не нужно. Понятно, запишем Ярославль в число населенных пунктов, где свободно с оружием посторонние не гуляют. В Кирове порядки, кстати, похожие.

- А пистолет? – на всякий случай уточняю я.

- И пистолет сюда же, - начкар слегка встряхивает чехол.

Ничего себе! А вот такого я еще нигде в последние годы не видел…

- Погоди, а защищаться-то мне как?

- От кого? - в глазах начкара нешуточное недоумение. – В верхнем городе чужих практически нет, только местные. И полиция имеется. Ты больше не на Пустошах, бродяга, а во вполне цивилизованных краях. Тут за порядком есть кому следить, никаких дуэлей посреди пыльной улицы в стиле Дикого Запада. Мордобой, кстати, тоже не приветствуется, не говоря уже о поножовщине. Учти. Есть проблемы – обращайся к полицейским.

Надо же. А вот об этом мне никто заранее не говорил. Хотя, что-то не заметил я, чтобы кто-то из экипажа оружие куда-то сдавал или упаковывал хотя бы. Значит – только для пришлых это правило. Даже не знаю… С одной стороны – только позавидовать можно местным, коль у них такой порядок в городе. А с другой – без оружия я себя все равно, что голым ощущаю.

- Не переживай, Александр, - явно поняв мое состояние, пытается поддержать меня Константин. – Пока назад не соберешься – мы тебя в моей конторе разместим, есть у меня там что-то вроде гостевой комнаты. А на «стрелку» все равно приезжих со стволами не пускают, так что на ярмарку сможешь пойти спокойно – там кроме охраны все безоружные.

Приложив все усилия, чтобы мое согласие выглядело спокойно, даже равнодушно (уж поверьте, усилие потребовалось немалое), я протягиваю автомат и ПММ начкару. Тот аккуратно уложил оружие в чехол, застегнул и сразу в нескольких местах опломбировал его

ручным пломбиратором, похожим на крупные щипцы. Доводилось мне в прежние времена такие видеть. Ими обычно инкассаторские сумки, электросчетчики в подъездах, ящики с огнетушителями и всякое такое опечатывали. Причем сдается мне, что процедура эта тут стандартная. Потому как и в чехле оружейном уже люверсы имеются, и проволока у караульных есть… В общем – отработан процесс. Может, появление таких как я тут событие и не ежедневное, но и на форс-мажор тоже не тянет.

Оглядев тщательно опечатанный чехол, я лишь хмыкнул глубокомысленно. Давно, еще когда после событий в Старопетровске я отлеживался в госпитале, попалась мне в руки одна хорошая фантастическая книжка… Вернее, книжек было три, про одного героя. Фантастика. В другой мир там люди уйти могли. В новый, неосвоенный, практически тот самый Дикий Запад, который старший охраны только что упоминал, разве что с техникой и оружием там все в порядке было, пересаживаться на лошадь и к Кольту Миротворцу привыкать не приходилось… Так вот, там тоже такая фишка была на базах тамошнего начальства: приехал в гости – оружие в чехол и опечатать.

- Чего сопишь? – поинтересовался начкар.

- Да вот, вспомнил книгу одну, у нее еще автор с латиноамериканским псевдонимом был… Не оттуда идею подрезали?

- Понятия не имею, - не поддержал тот шутку. – Придумал не я. Но мысль толковая, мне нравится.

- Да я, собственно, тоже не против… Так, просто к слову пришлось…

На том мы с «гостеприимной» местной портовой охраной и расстались. До самой своей конторы Костя смущенно молчал. Ну, да, его понять можно: практически в гости человека пригласил, а тут такое… Мне-то ничего, говорил уже: и почище варианты «приветствия» видывал, а вот ему, как хозяину – неудобно.

Поднявшись на набережную, сходу увидел на противоположной стороне улицы памятник. Какой-то «мужик в пиджаке». Напрягаю зрение – ага, Некрасов. Такие вот подробности, кстати, тоже о многом говорят. В местах неспокойных, толком не обустроенных, о сохранении довоенных памятников заботятся едва ли не в самую последнюю очередь. Не до них – других забот хватает. А тут – второй

подряд уже, и опять во вполне приличном состоянии. Видимо, правда, цивилизованные места, в полном смысле слова.

До конторы Костиной от пристани оказалось недалеко – с пирса на набережную подняться, пройти по ней метров сто пятьдесят в сторону ярмарки и узкую улицу перейти. А ничего. Неброско, но прилично. Двухэтажный особнячок, явно дореволюционной еще постройки, стоит не прямо у тротуара – небольшой и узкий, буквально пара-тройка метров, но дворик с газоном есть, отгороженный от улицы полутораметровой, примерно, кованой оградкой на редких, но основательных кирпичных тумбах. Окна первого этажа забраны металлическими решетками, по второму этажу – балкончик на три окошка. За фасадом явно следят: не облупившийся и не облезлый, побелен грязновато-белой известью. Симпатично. И никаких вывесок, сообщающих, «кто в теремочке живет». Что тоже понятно и весьма показательно: кому надо – тот и без вывески знает, а кто не знает… Ну, значит, оно ему и не надо.

Внутри оказалось еще лучше. И не только (и даже не столько) из-за обстановки, которая тоже – вполне ничего, а исключительно благодаря внешности… ну, я даже не знаю… видимо, персональной помощницы торгового человека Кости Гольденцвайга. Девушка лет двадцати двух – двадцати трех примерно, блондинка, явно натуральная, глазищи зеленые. Хорошенькая до невозможности. И фигура отличная, насколько можно судить. А судить можно весьма уверенно, сарафанчик на ней пусть и скромного фасона, без здоровенного декольте и с подолом вполне приличной длины, но легкий по теплому весеннему времени. В общем, глядишь – и душа радуется.

Увидев начальство барышня начинает бодро рапортовать в стиле «за время вашего отсутствия в вашем присутствии не нуждались»… в смысле – «происшествий не случилось», но… По глазам вижу, причем по глазам обоих – это все только потому, что я здесь. Не было б постороннего, все совершенно иначе и выглядело бы, и происходило. Ну, дело молодое. Дай им бог, как говорится.

Опомнившийся Константин представляет мне девушку. Ага, значит - Оксана, секретарь-референт. И вам здравствуйте… А уж как мне-то приятно, даже выразить не могу. И, кроме шуток, реально – приятно. Девчушка-то не просто красивая, а такая, знаете… тепло

рядом с такими, приятно находиться. Но, что-то мне подсказывает, что лишний я здесь и сейчас… Тихо кашлянув, привлекаю к себе внимание снова про меня позабывшего Константина и прошу его показать обещанную гостевую комнату.

Комната, и правда, оказалась именно гостевой, а не начальственным закутком с кожаным диваном, если вы понимаете, о чем я. С отдельным входом с улицы, с заднего двора, без прохода в саму Константинову контору. Узкая и крутая лесенка на второй этаж, крохотная площадка, тяжелая дверь , обитая темно-вишневым кожезамом. Явно еще прошлых времен вещь, сейчас если что-то похожее, то все же куда проще видом. А тут – и «глазок» врезной, и накладка вокруг замочной скважины латунная. Все красиво и солидно. За дверью, ключ от которой Гольденцвайг сразу же отдал мне – комнатка квадратов, примерно на шесть, не больше. Кровать-полуторка, письменный стол со стоящим на нем массивным чугунным, судя по виду, канделябром на шесть свечей, стул, тоже довоенный, простенький, офисный. За кроватью у стены – узкий одностворчатый шкаф-пенал для одежды и массивный изрядно облупившийся сейф. Окошко во внутренний двор позади стола и еще одна дверь.

- Там душевая и туалет, - поясняет Константин. – Как говорится – санузел совмещенный. Бойлер в подвале, Понятно, на дровах, не электрический. Так что, прежде чем мыться – придется растопить и подождать, пока нагреется. А холодная есть все время. Как тебе?

- Выше всяких похвал!

Отвечая, я нисколько не кривлю душой. Нормальный, как в старые времена, смывной туалет я за последние пару лет видел раза два или три. Именно что видел, не буду врать, что пользовался. Такие теперь себе очень немногие позволить могут. У прочих все по-простому – «гнездо орла», «домик работы неизвестного архитектора»… Короче, самый обычный дачный или деревенский «скворечник» над выгребной ямой. А тут – такая лепота. Еще свечки в канделябре запалить и можно с книжкой засесть: почитать, помечтать… Эх, какие ж мы были глупые! Совершенно не ценили то, что имели. И теперь вот самое простое с тоской вспоминаем.

- Ну, раз все устраивает – располагайся, - Константин широким жестом обводит предоставленную мне «жилплощадь». – Я завтра с людьми пообщаюсь, уточню по поводу местечка для тебя на какой-

нибудь «попутке» в обратную сторону. Что прямо до Никольска довезут – гарантировать не буду, да и по поводу места в охране…

- Да оно понятно, - обрываю его я на полуслове.

А чего тут неясного. Это мне в первый раз подфартило, что за меня Павлов доброе слово замолвил и в команде у Гольденцвайга «вакансия» образовалась при весьма нерадостных обстоятельствах. А то – не видать бы мне на Костиной «ласточке» не то, что должности пулеметчика, а и просто пассажиром – скорее всего не взяли. Я ж говорил уже, вроде: чужак, да на таком «золотом» кораблике. Нет, без вариантов.

- Меня и пассажирское местечко вполне устроит. Главное – чтоб не очень задорого. Можно даже на палубе, лишь бы навес на случай дождя был. Мы не привередливые.

Вместо ответа Константин лишь улыбнулся. Да, все привередливые в наших (и не только в наших, думаю) краях перевелись уже давно. А даже очень плохо идти по реке (надо же, нахватался уже от Семеныча с его «плавает только дерьмо, корабли – ходят») – все равно куда лучше, чем то же самое расстояние на своих двоих топать. Разница просто несоизмеримая.

Понятливо кивнув, мол, услышал я тебя, Костя выложил на стол уже не новый, слегка потертый но явно прочный кожаный кошелек-кисет с тесемками-завязками на горловине. М-да, прошли времена плоских портмоне, все как в Средние века… Мешочек глухо и очень приятно для сердца тяжело брякнул металлом по столешнице.

- Полный расчет, Александр. Сотрудничество у нас вышло приятным и плодотворным. Жаль – таким недолгим.

Эх, жаль ему…Можно подумать – я от восторга прыгаю. Но, условия мне были известны и понятны с самого начала и никаких иллюзий я не строю. Что купцы, что охрана купеческая – сообщества закрытые. И посторонним туда просто так хода нет. Ну, что уж тут поделать: не жили богато – нечего и начинать.

- Еще буквально пара вопросов, капитан, - притормаживаю я уже собравшегося было на выход Константина.

Ничего, парень, подождет твоя зазноба. У вас, молодых-красивых, времени много. А мне кое-что сразу прояснить нужно, чтоб потом дураком не выглядеть.

- Мне как по городу передвигаться? Пусть и без оружия, но я тут человек пришлый. Семеныч говорил, у вас «гости столицы» вообще все на отдельном островке проживают, на этом, как его?...

- Даманском, - машинально подсказывает Гольденцвайг.

- Вот-вот. И, вроде, выходят они оттуда только до ярмарки и назад, по набережной. В Верхний город у них, в смысле – у нас, право выхода есть вообще? Проблем со здешними патрулями ППС, или как их у вас называют, не возникнет у меня?

Костя сосредоточенно нахмурился, наморщив лоб и сдвинув свои густые черные брови к переносице.

- Ну, вообще прямого запрета нет. Но – да, прав ты, как-то оно не особенно принято… Вот что, завтра, как на ярмарку соберешься, спустись в офис, Оксана там с самого утра будет, да и я тоже не до обеда сплю… Выдам я тебе одну штуку… Вроде, - Костя коротко хохотнул, - ханской пайцзы в Золотой Орде или пропуска-«вездехода». Ну, не совсем, конечно. Особых полномочий и прав она не дает, но любой полицейский будет знать, что ты не приблудный какой-то, а мой гость.

Вот, другой разговор. Правда – завтра, это не совсем то, что мне нужно, если уж на чистоту.

- А сегодня – нельзя? – я развожу руками, как бы извиняясь за настырность. – А то я сегодня еще прогуляться хотел…

- Куда? – искренне удивляется Константин. – На ярмарке все закрылось уже. До завтра…

- А кроме ярмарки у вас внезапно разбогатевшему «хэдхантеру» и сходить некуда? Капитан, у меня вот уже почти полгода денег было - строго в обрез. Только на лекарства и пожрать. Причем, «на пожрать» – уже очень во вторую очередь. А третьих очередей даже и не предусматривалось. Никаких, вообще…

- Ааа, - явно начинает улавливать мою мысль Костя.

- Ага, - в тон ему с улыбкой соглашаюсь я. – Кстати, из этого - следующий вопрос: какое из заведений Даманского, чтоб с пивом, мясом и бойкими девицами, порекомендуешь? Ну, чтоб никакой дряни не подсыпали и карманы не вывернули? Ну и, соответственно, чтоб «на винт не намотать» ничего?

Взгляд Кости на мгновение виновато метнулся куда-то в сторону. Туда, где за стенами и потолочными перекрытиями в офисе осталась

зеленоглазая красавица в легком сарафане.

- Эээ… Ааа… Ну, слышал я как-то краем уха…

Краем уха значит? Ну-ну… Впрочем, я ему не отец, не старший брат и уж точно не судья, поэтому лишь поощряюще киваю с самой серьезной физиономией. Мол, знамо дело, что исключительно со слов чужих людей, прекрасно понимаю, продолжайте.

- Ну, да, - купившийся на мою постную рожу Константин явно воспрял духом. – Так вот, говорили мне, что в «Волге» на Даманском в этом плане все в порядке. Но все деньги с собой я бы брать все же не стал. Нужно ли неплохих людей в искушение вводить? Трех монет золотом там точно на все хватит. Даже с небольшим запасом. Хотя… Запросы-то у всех разные…

Неплохие, видать, в той «Волге» расценки. За три золотых на крупной ярмарке, вроде здешней, можно в хорошем состоянии, пусть и слегка «бэ-у» автомат Калашникова купить. Впрочем, Семеныч правильно говорил, есть места с ценами куда ниже, но и с обстановкой соответствующей, и с качеством услуг… А мне сейчас хочется слегка оторваться после полугода строжайшей экономии на всем. Чтобы красиво и приятно. А не подкисшего пойла, пивом называемого исключительно по ошибке, налакаться и не престарелых «жриц любви» с отвисшими «прелестями» созерцать. Опять же – деньги есть. Могу себе позволить. Вот только, как Костя и советует, денег возьму с собой ровно столько, сколько нужно, а остальное тут, в сейфе до утра оставлю. Спокойнее будет. Мне еще завтра на ярмарке средствами РХБЗ и индивидуальной бронезащиты закупаться (это я про радиометр и шлем, если кто не понял). Да и на обратный билет в сторону Никольска деньги понадобятся. И просто на дальнейшую жизнь – тоже. Словом, спускать все в ближайшем кабаке, подобно карибскому пирату из книжки Сабатини – не собираюсь. Погуляю в удовольствие, но с чувством меры.

В общем, пришлось снова спускаться назад, в приемную Константиновой конторы. Там он и выдал мне интересного вида жетон на тонкой цепочке, явно сделанный из «входной» фишки в казино. Были такие, без указания номинала. Их на деньги назад разменять нельзя было, только проиграть или в ресторане ими расплатиться. Откуда знаю? Доводилось мне в прежние времена в нескольких казино бывать. По службе. Когда кого-нибудь из тамошних посетителей

«принимать» нужно было. А то и владельцев брали, прямо на рабочем месте. А потом, после выхода указа – и закрывать ушедшие в подполье заведения приходилось. Вот как раз такой немного потускневший розового цвета кругляш с витиеватой каллиграфической надписью «Империя» мне Костя сейчас и выдал.

- Однофамилица, - улыбнулся Гольденцвайг. – Наша с отцом совместная фирма так же называется. Давно, с прежних еще времен. А это… Досталось когда-то по случаю, вот к делу и пристроили. В общем, если остановят – показывай и ссылайся на меня, мол, Константин выдал. Но только не буянь, ладно? На случаи пьяных драк или чего-то более серьезного наши договоренности с полицией не распространяются.

- Понял, не буду, - покладисто соглашаюсь я. – Мне мордобой вне служебных обязанностей – вообще ни радости, ни удовольствия не доставляет.

- А в рамках? – явно пытается подначить меня собеседник.

- И в рамках – не доставляет. Но зато он в таких случаях оплачивается. А за бесплатно кому-то хрюсло крушить – увольте, не ко мне это.

На том и расстались. Я пошел дровяную колонку под моими «хоромами» раскочегаривать, чтоб на отдых выдвигаться чистым и свежепобритым, а Константин со своим секретарем-референтом остался. Думаю, теперь будут до самого утра квартальный отчет писать, не иначе…

Нет, прав был поэт: «И жизнь хороша, и жить – хорошо!» Настроение мое сейчас болтается где-то совсем чуть-чуть ниже стратосферы. Красотища!

Да, любовь за деньги купить нельзя, спорить не буду. Зато вполне можно приобрести многое другое. И если не жадничать, то весьма и весьма высокого качества. Опять же пиво в «Волге» подавали просто отличное. Да и свиные ребрышки были что надо. Давненько я не получал за столом такого удовольствия. Впрочем, таких денег я «на пожрать» не тратил тоже давненько. О «продолжении банкета» в комнате на втором этаже кабака я, с вашего позволения, все же промолчу. Не принято у нормальных мужиков о подобном широко распространяться. Одно скажу: будете в Ярославле – заходите в «Волгу» на Даманском, рекомендую.

Вместо завтрака – еще одна кружечка местного светлого и бутерброд с копченым мясом. И вот теперь в приподнятом настроении иду по набережной в сторону уже гомонящей на разные голоса «стрелки». На ярмарку. Поначалу хотел сходить за деньгами, но поразмыслив, передумал. Сперва осмотреться нужно, поглядеть, где и что продают, приценится, сравнить ценники в разных лавках… В такие моменты внимание слегка рассеяно и запросто можно остаться без кошелька. Я, конечно, не ротозей с глухого хутора, но и среди базарных «щипачей» такие виртуозы попадаются… Не то что кошелек подрежут – ботинки с ног на ходу снимут, а ты заметишь только когда босиком в лужу влезешь.

Словом, решил сперва «обнюхаться», а уже потом - за деньгами и идти за уже присмотренным товаром, долго при деньгах в толпе не толкаясь. И хоть весь Костин экипаж меня дружно убеждал в том, что Ярославская ярмарка – место очень благопристойное, ни один не набрался наглости, чтобы заявить, что карманников на ней нет совсем. Так к чему мне лишний риск? Деньги эти я не в пыли на обочине нашел. По-глупому терять – совсем не хочется.

Уже через полчаса на личном опыте убедился: расписывая все достоинства здешнего торжища ни Семеныч, ни Валера, ни Юрка душой ни капли не покривили. Ярмарка в Никольске в самые лучшие дни на фоне «стрелки» выглядела… Ну, не знаю… Как какое-нибудь сельпо в сравнении с гипермаркетом «Лента». Нет ни того выбора, ни размаха. Есть что купить, но не более. А тут… Слов нет, одни восхищенные междометья.

В оружейном ряду я протолкался примерно с час, хотя ничего брать изначально не собирался. Просто побродил от прилавка к прилавку, поглазел, поболтал с продавцами, ценами и ассортиментом поинтересовался. Широко тут люди торгуют, богато! А вот в плане свое продать… Очень порадовался, что послушал совета Валеры и давешним сектантам все свои трофеи скинул. Тут столько не выручил бы точно. Не скажу, что потерял бы очень много, но все же - потерял. А в моем положении – каждый рубль наперечет.

Вот в соседнем ряду, где торговали снаряжением – завис надолго. Сначала радиометр выбирал. И так рядил, и этак, потом замучил продавца вопросами, сравнивая разные модели ,потом торговался с ним, словно цыганский барышник… Увлекся так, что даже забыл, что

у меня денег при себе осталось – на пару пирожков с картошкой с лотка разносчика, а не на ценный электронный прибор. В общем, голос чуть не сорвал, но сторговал с серьезной скидкой почти новый (ну, с учетом того, что восемь лет после катастрофы он на каких-то складах пролежал) профессиональный дозиметр-радиометр ИРД-2 в «родной» картонной коробке с потускневшей от времени, некогда красочной картинкой.

- Со складов МЧС?

- Не, Сбербанковский, - невозмутимо ответил продавец, и, увидев на моем лице нешуточное изумление, ухмыльнулся и пояснил. – Купюры они им проверяли. Помнишь, что в последний год перед войной творилось? На террористической угрозе все будто крышей поехали… Кхм, и не зря, как оказалось. Вот в банках и набрали таких – банкноты проверять. Вроде, была угроза такого плана… Ну, а мне как раз оттуда и досталось…

- Надо же, - только головой качаю в ответ. – Век живи – век учись. И все равно дураком помрешь…

Информацию о том, что товар придется отложить, пока я за деньгами прогуляюсь, продавец воспринял спокойно. Видимо, не один я тут такой умный, не желающий с кошельком в толпе расстаться.

Зато с выбором шлема срослось все даже не быстро – почти мгновенно. Просто увидел на прилавке точно такую же старого образца омоновскую «Маску», как у меня была. Разве что не поцарапанную. И с оливкового цвета тканевым чехлом в комплекте. Нет, выбор у продавца был богатый: от древних, тяжеленных, словно гири, «Сфер», до вполне приличной сохранности почти новых «гэбэшных» «Рысь-Т». Причем продавец уверял, что в «Рыси» даже радиогарнитура в полной исправности. Но мне оно как-то без надобности: и рации нет давно, а была бы – с кем связываться? В общем, опять же поторговавшись, но уже без прежнего азарта – все силы на сбивание цены на радиометр ушли, сторговал и шлем. И снова на просьбу отложить ненадолго, пока за деньгами сбегаю, торговец отреагировал совершенно спокойно. Точно, не первый я такой тут.

Теперь дело за малым – прогуляться до Костиной конторы, взять денег (опять же, не весь кошелек, а ровно столько, сколько на покупки нужно) и назад вернуться. Думаю, за полчаса управлюсь неспешным шагом. А потом – завалюсь на койку отдыхать, разве что сполоснусь

сперва. Даже воду греть не буду, прямо так – холодной. И под одеяло. А то ночью мне поспать не удалось ни минуты. Впрочем, будем честными – некогда мне ночью спать было.

Три вещи понял я на подходе к Костиной конторе на набережной. Первое – выспаться сегодня мне не светит. Вообще, как говорится, от слова «совсем». Второе - отложившие для меня товар продавцы сегодня покупателя не дождутся. И скидки в будущем мне от них не видать, не любят торговые люди таких фортелей. Обещал – приди, не собираешься возвращаться – не мели языком попусту… Разве что в положение войдут, с учетом форс-мажора… Какого? Да вот этого! Третье по номеру, но не по значимости: у Константина Гольденцвайга явно проблемы. Какие именно - пока не скажу, но точно серьезные. А раз я его гость, то и у меня, выходит, тоже проблемы. Потому как и оружие мое, и вещи, и деньги… в общем, «все, что нажито непосильным трудом», сейчас лежит в шкафу и толстостенном насыпном сейфе в гостевой комнате на втором этаже. И добраться до всего этого теперь еще нужно постараться.

Проезжая часть перед невысоким ажурным заборчиком, отгораживающим Костину контору от пешеходного тротуара и дороги, перекрыта в обе стороны. Плотно перекрыта, от стен соседних домов до каменного парапета набережной. Толпа позади машин, принадлежащих местной полиции, судя по окрасу и давно не работающим, но так и не снятым «для солидности», видимо, «люстрам», небольшая. Что не удивительно: прошли времена туповатых зевак. Нарваться на случайную пулю – дураков нет, давно уже повывелись

Так что, среди гуртующихся сейчас позади патрульных «Калин» и «Приор» примерно половина - люди при оружии и в поношенной, но опрятной и чистой темно-синей полицейской форме. Кто оборону за корпусом машины занял, и в сторону дома из автомата целится, кто пытается вторую половину присутствующих «к общему знаменателю привести» и отогнать подальше. Получается плохо, потому что почти вся «штатская» половина – местная пацанва. А эти воробьи бестолковые и отважные – везде одинаковые. Лезут исключительно туда, куда не надо, твердо при этом уверенные в своем бессмертии. Кроме них вижу и хорошо знакомые лица – Валера с Юркой. И четверо солидного вида мужчин рядом. Двое – в полицейском, погоны отсюда

не вижу – далековато, но по возрасту и манере держаться – точно не прапорщики.Еще двое – в костюмах. И не таких, что я на «гуру» сектантов видел, а вроде того, в каком чиновник в Емве приезжал: хорошие костюмы, добротные и по виду – почти новые. Не исключено, что и на самом деле новые – портные-то не подевались никуда. Другое дело, что пошить такой себе далеко не всякий позволить может. Четверо «серьезных» и Валера - молчат и внимательно слушают. Рассказывает Юрка, эмоционально, размахивая руками. Словом – все признаки серьезной проблемы налицо. Осталось выяснить, что же конкретно тут случилось.

Метров за двадцать до перегородивших подходы к дому легковушек меня пытается перехватить полицейский из оцепления. Достаю из кармана фишку на цепочке.

- Мне туда.

На лице бывалого прапорщика читается серьезное сомнение, но тут меня издалека увидел стоящий лицом в нашу сторону Валера. Он начинает что-то втолковывать одному из высоких полицейских чинов, подполковнику, теперь его правый погон мне виден хорошо. Тот бросает в мою сторону оценивающий взгляд и коротко кивает. Прапорщик, начальство явно понявший, молча отступает в сторону, освобождая дорогу.

Пока подхожу к группе «серьезных», успеваю услышать обрывки разговоров ребятни и стоящих в оцеплении полицейских. Кое-что становится понятным пусть и не до конца: явственно услышал слово «заложники» и, почему-то «вор», которой тут, оказывается «очень нужен», но по каким-то причинам отсутствует. Интересный расклад…

- Здравствуйте, - приветствую я одновременно всех, и Валеру с Юркой, и «серьезных», как штатских, так и тех, что в погонах.

Валера протягивает руку для пожатия, Юрка кивает мне и горячо заявляет одному из «костюмов».

- Я же говорил, что не мог это он быть!

- Это еще нужно проверить, - обрывает его тот самый подполковник, что дал команду меня пропустить.

Второй полицейский, майор, и оба «костюма» смотрят на меня молча, но с явным подозрением. Хорошо хоть открытой неприязни во взглядах нет, вроде. Потому что, похоже, про меня тут совсем недавно что-то нехорошее думали.

- Где вы были этим утром, Татаринов? - продолжает подполковник.

Так, точно в чем-то недобром меня подозревают. Но без каких-либо подтверждений моей вины, потому как пока спрашивают, и даже на «вы», а не руки за спину заламывают и не в челюсть бьют с ноги. Значит, злить людей не стоит, они и так на нервах и при исполнении.

- Со вчерашнего вечера, примерно с девяти – начала десятого, находился в «Волге» на Даманском. Пил пиво, ел мясо, потом… кхм… в общем, с девушкой в номере был, тащ полковник. – рапортую я, приняв подобие строевой стойки «смирно» и уважительно опуская приставку «под-» в звании собеседника*. – Сегодня утором, около девяти, из кабака ушел, побродил по ярмарке, приценился, поторговался. Думаю, и продавцы со «стрелки», и персонал «Волги» без проблем вспомнят и подтвердят. Да и на КПП перед мостом на остров меня тоже видели. Но там народу туда-сюда бродит много, и все, как и я – приезжие. Но могли и там запомнить.

Взгляд у подполковника чуть теплеет.

- Из наших, или армеец бывший?

- СОБР, тащ полковник, старший опер, майор.

- Понятно… Ну, будем считать пока, что ситуацию мы в общих чертах прояснили и причастность ваша пока не подтверждается…

- Вопрос разрешите? – решаю уточнить диспозицию я. – К чему причастность? Что случилось-то?

- Убийство у нас, Татаринов. И захват заложников.

Здравствуйте, приехали! А ведь предупреждал я Костю…

- О чем предупреждали?

По внезапному вопросу одного из «костюмов», того, что постарше, я понимаю, что последнее произнес вслух. Учитывая ситуацию, с властью здешней (а по внешнему виду, манере поведения и выражениям лиц четверка «серьезных» - это точно здешняя власть, пусть, возможно, и не в полном составе), лучше – начистоту.

- Как и что у Константина вышло с первой на них засадой по пути в сторону Емвы – я не знаю, сам к команде только в Никольске присоединился. Поэтому фантазировать не буду. Но вот дальше…

Я коротко, без лишней лирики, рассказал и о том, как весьма щедро оплаченным «срочным грузом», позднее оказавшимся парочкой обычных кирпичей, нас почти на сутки задержали в Емве. И про

личность того, кто эту посылку на борт притащил. Про двойную засаду на обратном пути, и про то, чьи люди ее организовали и какими силами. Даже про Турка рассказал коротенько: кто такой, откуда и чем известен. А уже в конце поделился и своими соображениями на тему того, что все ниточки от этой дурно попахивающей истории тянутся никак не в сторону Сямжи. Что Турок, а вернее – люди его, всего лишь исполнители и своих претензий у них к Константину нет и быть не может – просто не пересекаются интересы. А вот заказчика, по моему скромному мнению, именно в Ярославле искать нужно. Среди тех, кто к Константину что-то всерьез имеет либо личное, либо с бизнесом связанное.

Оба «костюма» явно задумались, да и у полицейских озабоченности на лицах прибавилось. Да уж, среди своих «вонючую предательскую крысу» искать – это вам не на пришлого охотника за головами все сходу спихнуть попытаться. И даже не на мелкого вологодского «князька» всех собак повесить. Тут реально работать придется.

- Внутри-то что? – пытаюсь уточнить я происходящее у Валеры. – Как все случилось?

- Честно? – тот лишь плечами пожимает. – Черт его знает. Я, похоже, последним на совещание пришел – опоздал немного. А там уже стрельба внутри. А потом Юрок прямо через окошко второго этажа кубарем вылетел. Ну, у меня пистолет при себе был, вот я все восемь в воздух и высадил. Менты… кхм…

Под осуждающими взглядами и подполковника, и майора Валера тушуется и краснеет.

- … в общем, полиция прилетела почти мгновенно, у нас пост прямо рядом с портом, ты ж видел вроде.

Задумчиво киваю. Да, было дело, видел я какой-то пост-«стакан» на выходе с причала, разве что внимания не обратил, меня тогда больше памятник заинтересовал.

- Ну, вот, - продолжил меж тем мой собеседник. – Пока патрули подъехали, пока набережную перекрыли, эти уже требования выдвигать начали.

Кто «эти» - даже переспрашивать не стал, и без того понятно. Но непонятно все остальное.

- Юрок, а ты чего скажешь?

- Сан Саныч, да я сам понять ничего не успел толком. Собрались на планерку, ну, у нас это нормально, после каждого рейса собираемся…

- Юр, не обижайся, но давай к сути. Зачем вы собираетесь после каждого рейса – мне не так уж важно. Было что?

Паренек понятливо мотает гривой.

- Собрались все: и охрана, и Степаныч со Штольцем, только Валера задержался. Оксана – тоже там была… А тут эти вломились...

- Сколько?

- Пятеро, вроде… А может – шестеро. Я не успел рассмотреть толком. Малец, ну, Мальцев Серега, он у нас вообще резкий… был… как увидел – сразу стрелять начал. Одного с ходу положил. А те – его… А меня Костя сразу в сторону лестницы на второй этаж пнул. Ну, я и рванул – дай бог ноги… И – в окно. А там Валера… Ну, и понеслась…

- Выглядели как? Как вооружены были?

Зачем мне все это – понятия не имею. Это ведь, по-хорошему – не моя епархия, тут вон, полиция своя имеется, прямо как в прежние времена. Даже форма та же и шевроны на рукавах. Пусть и разбираются. Головой – понимаю, а вот остановиться – не могу.

- Пришлые, с Пустошей, – тут Юра явно уверен на все сто.

- Почему так решил?

- Лысые.

- И? Я вот – тоже лысый, - провожу ладонью по выскобленной вчера «под лезвие» макушке.

- Неее, эти – совсем лысые. Даже бровей нету. А у одного морда такая, паленая. И кожа – шелушится. Вот вооружены – очень хорошо, все с глушителями…

М-да, «все страньше и страньше», как говорила Кэрроловская Алиса. Сначала Костю и его баржу пытаются утопить. Потом, прямо в Ярославле банда с Пустошей, да при «бесшумках», вламывается в офис и берет заложников… Зачем им это, кстати? Впрочем – отставить глупые вопросы. Понятно – зачем, чтоб уйти. Изначально, думаю, хотели всех валить наглухо. Для того и стволы с ПБС – чтоб шума лишнего не поднимать. А тут – излишне шустрый охранник, а потом еще и Валера нашумел. Полиция, оцепление… Куда бежать-то? Вот и осталось только – что брать заложников, чтобы за ними, как за щитом,

из города выйти. Вряд ли они идейные фанатики, готовые голову на кон поставить – обычные отморозки с Пустошей, за бабло нанятые. А мертвому деньги, как известно – не нужны. Значит, помирать наши «совсем лысые» друзья, скорее всего, не собираются…

Поймав на себе заинтересованные взгляды обоих полицейских и старшего из «костюмов», выкладываю им свои соображения. В глазах майора, оказавшегося начальником здешнего уголовного розыска, читаю уважение.

- Вот елки, словно с Климом разговариваю, - слегка встряхивает он головой, будто отгоняя наваждение. – И как же не вовремя вор укатил.

- Слушайте, мужчины, объяснимте «гостю столицы», что у вас тут за вор такой водится, без которого на захвате заложников – никак не обойтись, - непонимающе развожу руками я.

- Не вор, а Вэ-О-Эр, - поправляет меня майор. – Аббревиатура. Взвод оперативного реагирования. Ну, что-то вроде маленького СОБРа или ОМОНа. Как раз из бывших и набирали. И старшим у них – Клим, Денис Климов, коллега твой, правда, войну он капитаном встретил.

- И где они?

- На выезде, - хмуро отвечает подполковник – начальник здешней полицейской «управы». – У Колыванова вчера днем на дальнюю факторию* банда насела. Там мужики в охране тоже бывалые – но оказались в серьезном меньшинстве. Вызвали помощь, а потом и вовсе в эфир выходить перестали… Колыванов в Городской Совет примчался – выручайте, мол. Ну, Клим своих в ружье поднял и рванул. Вчера же, не стемнело еще.

Блин, вот это и называется «что такое не везет и как с этим бороться»! Есть специально обученные люди, но до них не добраться, и не докричаться…

- А связь есть с ними?

По тяжелому взгляду подполковника понимаю, что сморозил глупость.

- Мобильная, та что на машине у них – уже не принимает, далеко слишком. А «длинная» - плановый сеанс связи в восемь вечера. Ну, или если у них что-то авральное – сами выйдут, досрочно. А если все штатно– у них рация выключена, чтоб батареи не сажать попусту. Ресурс-то не вечный.

Нормально… А сейчас еще и полудня нет. Плановый сеанс связи – только через восемь часов. И даже если они там сразу все дела бросят и назад кинутся…

- Сколько до фактории?

- Почти три сотни километров, - отвечает уже не полицейский, а старший из «костюмов».

Вообще отлично! Триста километров, это и по прежним временам на грузовике не меньше трех часов пути. А по теперешним дорогам, да на теперешнем бензине… Дай бог, если к утру доберутся… Почти сутки… Да эти с Пустошей за сутки там всех к этому времени и убьют, и съедят. Причем, про «съедят» - далеко не факт, что шутка. Сталкивался я в тех беспредельных краях и с каннибалами в том числе. Даже слегка их поголовье проредил и сам ноги унес.

- Требования какие выдвинули?

- Хреновые, - хмуро отвечает начальник угро. – Потребовали катер прямо к набережной. Тут спуститься можно, если аккуратно. Сказали – переправятся на тот берег и там отпустят заложников. И морфия или «ханки»* Пока тянем время…

Да они что, издеваются?! Еще и наркоманы, мать их!!! Если они бывалые, со стажем, так у них же ломка часов через семь-восемь начнется… Тогда они вообще непредсказуемыми станут. И до прибытия этого здешнего ВОРа там из заложников гарантированно не доживет никто!

- А кроме этого вашего Клима что, отработать некому?

Майор из розыска разводит руками, начальник Управления синхронно с ним отрицательно мотает головой. Понятно. С другой стороны – сколько народу сейчас в Ярославле живет? Тысяч восемьдесят? Скорее всего – даже меньше. А сколько «силовиков» содержат?

Охрана что порта, что стен, что КПП на Даманский и на въездах в город – армейцы явные, думаю, не меньше батальона штатного состава. И полиции как минимум пара сотен человек: патрульные, опера розыска, следователи… Да еще этот самый ВОР – порядка трех десятков. И все – здоровые мужики, которые и едят, и пьют, и форму носят, и оружие им нужно с боеприпасами… А создают они исключительно такой неосязаемый продукт, как «общественная безопасность». А это – не мешок выращенной картошки, не

сколоченная табуретка и даже не притащенный из городов, обращенных войной в руины, хабар. Пока ничего не случилось, так и не пощупать даже то, что они делают. Из-за этого их многие, от большого ума, нахлебниками считают. Правда, это все до первого полномасштабного налета крупной банды. Потом мозги у всех, кто выживет, на место встают. Но, все равно, много «силовиков» город не прокормит. Даже такой богатый и крупный, как Ярославль.

- Сан Саныч, - жалобно смотрит на меня Юрка. – А может, ты придумаешь чего? Ты же профессионал, ты же умеешь!

Вот что мне сказать этому мальчишке? Что такие операции в одиночку – чистой воды авантюра без каких-либо гарантий? Что нет у меня ни экипировки под такую задачу, ни оружия, ни полномочий?

Вообще, с точки зрения здравомыслящего человека, мне бы сейчас дождаться, пока местные спецы хоть как-то разрулят ситуацию, забрать из сейфа свои небогатые пожитки, да и двигать назад, в сторону Никольска. «Попутку», как мне кажется, я и своими силами найти смогу, пусть не среди местных, а среди таких же как я, пришлых (у причала на Даманском полтора десятка суденышек пришвартовано, хоть одно да и будет в нужном мне направлении). Да, выйдет дороже, чем по рекомендации, но не думаю, что сильно. А деньги у меня имеются, не разорюсь…

Но где я, а где тот здравомыслящий человек, с точки зрения которого я должен бы по идее действовать? А еще там сейчас «торговый человек» Костя, который очень здорово меня выручил в тяжелейшей ситуации. И молчаливый педант и аккуратист Штольц, и полная его противоположность – всегда слегка растрепанный словоохотливый балагур Семеныч. И бывалый, мрачноватый, но очень толковый начальник Костиных охранников Дмитрий, с которым мы пусть и не сдружились, как с Валерой, но взаимопонимание нашли. И остальные ребята-охранники… А еще – почти незнакомая мне, но сразу вызвавшая сильную симпатию девочка Оксана…

В общем, не могу я в стороне остаться. Не имею права. Эти люди мне уже не чужие, пусть изначально и связывал нас всего лишь краткосрочный одноразовый контракт. Но нахрапом лезть мне не стоит, местные «силовики» могут понять неправильно.

- Юра, я тут чужой человек, кто мне позволит в центре города свою личную маленькую войну начинать? Да и оружие мое с

экипировкой – все там, - я киваю в сторону двухэтажного особнячка, - осталось.

- А вы что, могли бы попробовать что-нибудь сделать? В одиночку?

Задавший вопрос старший из «костюмов», седой крепкий мужчина лет шестидесяти с волевым подбородком и внимательными глазами, смотрит на меня очень пристально и взгляд его легким не назвать.

- Пока – не знаю, - честно отвечаю я. – Чтобы сказать что-то определенное, мне нужен точный план помещения и хотя бы примерно знать – кто и где находится. Ну, и «оборудование», понятно. С голыми руками мне там изначально ловить нечего.

- Если все это у вас будет – какова вероятность успеха?

- Не буду врать – далеко не стопроцентная. Но опыт в подобного рода делах у меня есть. Чем-то подобным я по службе занимался почти всю сознательную жизнь. Ну, до известных событий… Да и после… Последний раз заложников я освобождал прошлым летом. Правда, готовилась операция не в такой, как сейчас, спешке и работали мы втроем… Но напарники мои были все же на подхвате. Скромничать не буду - основную работу сделал я.

- Как прошло? – тон у «костюма» сух и безразличен, но по глазам вижу – волнуется он.

- Сработали чисто. Заложники не пострадали, похитителей тоже взяли, хотя «товарный вид» им, конечно, попортили в процессе. Но на виселице они все равно смотрелись красиво.

- Что скажет полиция? – в голосе седого прибавилось уверенности.

Подполковник некоторое время молчит, явно обдумывает.

- Авантюра, Аркадий Давидович, - выносит он, наконец, свой вердикт, - но…

Вот именно, что «но». Спецназ местный – бог знает где, и неизвестно, как скоро они смогут вернуться назад. Хорошо если сразу после планового сеанса связи домой рванут. А если они там в бой ввязались? Если банду, на факторию напавшую, блокируют или преследуют? Такие «казаки-разбойники» на пересеченной местности могут по несколько дней продолжаться… Патрульные и опера из розыска с такой задачей не справятся. Вернее – справиться-то смогут,

но шансы на спасение заложников становятся в таком случае совсем призрачными. Да и среди личного состава потери будут. А тут – я. Справлюсь – отлично, завалю дело – плохо, конечно, но и ответственность на мне, как на исполнителе. И на седом «костюме», что для меня право действовать выбил. А он его сейчас выбьет, не сомневайтесь. И подполковник даже сильно сопротивляться не будет, так, поломается для приличия… Кстати, стоп! «Давидович»?!

- Извините, вы – отец Константина?

Тот лишь молча кивает и как-то враз «сдувается», что ли. Перестает быть картинкой «высокий начальник на месте ЧП» и становится просто человеком, переживающим за судьбу сына.

- Я сделаю все, что смогу, - глядя ему в глаза, твердо говорю я. – Обещаю.

Он снова кивает, потом резко растирает лицо ладонями и снова превращается в Большого Начальника.

- Что конкретно вам необходимо?

- Штурмовой бронежилет пятого класса, лучше – полной комплектации, с воротником и «фартуком», шлем с забралом, если есть БЗТ* – вообще отлично. Оружие – либо пистолет-пулемет, либо просто пистолет, но обязательно с глушителем. АПБ, ПБ, да хотя бы ПСС*. Первый, конечно, лучше, а ПСС – уже совсем «на безрыбье» - магазин слишком маленький… План здания, максимально подробный, лучше даже с указанием расстояний, где какая мебель стоит, в какую сторону какая дверь открывается. Ну, это уже мелочи, подробности объясню тому, кто мне схему рисовать будет. И главное. Нужна информация о том, что происходит внутри. Кто и где стоит, сидит, лежит. Ну, вы меня понимаете…

Гольденцвайг-старший вопросительно смотрит на полицейское начальство.

- «Броню» и шлем – доставят в течение нескольких минут. БЗТ… Это щит такой небольшой?

Дождавшись моего подтверждающего кивка, подполковник продолжил.

- Тоже, вроде есть такой. Со склада ВОРа возьмем. По оружию – сложнее. А АК с ПБС не подойдет?

- «Калаш» с глушителем у меня и у самого есть, только задами к дому подойти, сейф открыть и печать сломать на сумке… Я один, да со

щитом на левой руке… Куда мне «длинный» ствол в таких условиях? Не развернусь я с ним. Тут либо пистолет, и желательно все-таки АПБ, либо «Кедр-Б» с глушителем, либо какой-нибудь ПП-93. Опять же – с ПБС. Если «лысые» не в одной комнате сидят кучей, что вряд ли – не идиоты же они, то хотя бы двоих-троих мне нужно попробовать убрать максимально тихо, чтобы остальные не сообразили что к чему.

- План мы с Юркой прямо сейчас нарисуем, - поднимает, будто в школе, руку Валера.

- Действуйте, по подробностям я вам попозже переговорю.

- Остается самое сложное, - вступает в разговор майор-уровец. – Наблюдение…

Это да, с наблюдением все совсем кисло. Эх, хорошо было раньше – камеры охранной системы внутри зданий, к которым можно было подключиться удаленно… А тут – даже снайпера в отдалении с оптикой не посадить – от фасада до парапета набережной – от силы три десятка метров. А потом – обрыв и Волга-матушка. Негде наблюдателя разместить… Впору самому вдоль стены к окнам ползти и через них подглядывать… Струбой разведчика*, ага. Потому что гибкий оптический зонд тут точно не найти… Или найти?

Интересуюсь у полицейского руководства, мол, не завалялось ли чего в «закромах Родины»? Те лишь озадаченно в затылках чешут. Понятно, как в том старом анекдоте: «Вот чего нету – того нету». Очень плохо. Не зная обстановки внутри лезть в здание – чистой воды самоубийство. Нет, была бы хорошо сработанная группа, полноценный тяжелый штурмовой щит, который «гаврила», светошумовые гранаты… Можно было бы попробовать. А в гордом одиночестве – проще сразу застрелиться. И для меня итог выйдет тот же, и внутри заложники от моих действий не пострадают. Что делать?

«Зонд, зонд, зонд…» как заевшая пластинка крутится в голове. И вдруг, как вспышка, воспоминание из далекой юности: медкомиссия перед поступлением в училище, какие-то подозрения у врачей, дополнительное обследование. Дурацкий пластиковый загубник-капа с отверстием, мерзкий рвотный рефлекс, гадкое ощущение в пищеводе. Гастроскопия! Там ведь зонд – точно такой же, разве что чуть короче, более гибкий и с подсветкой! А ведь ее и отключить, наверное, можно…

- Я сейчас, наверное, ужасную глупость скажу, мужчины… У вас тут как, больница хорошая?..

Все, дальше тянуть нельзя. Еще буквально час – и начнет темнеть. Да и «лысые» уже пару часов как ощутимо задергались и их требования по поводу «марафета» становятся все настойчивее и агрессивнее. Причем, сейчас требуют уже сначала наркоты, а уже потом – катер, а ведь с утра все строго наоборот было. Точно – ломка приближается. Не было бы заложников – подождали бы по полуночи, край – до утра, и взяли бы тепленьких без шума и пыли. Но заложники – есть. И если совсем подопрет, бандиты их попросту перестреляют. Правда, тогда их шансы выжить уходят не то, что к нулю, а глубоко вниз по отрицательной шкале. Они это отлично понимают и оттого психуют еще больше. Через их состояние и Степанычу перепало – сам видел. Уж не знаю, что он им там сказал, технический эндоскоп звуки не транслирует, только «картинку», но по ребрам ему прилетело знатно. От спецов местных – ни слуху, ни духу, а до планового сеанса еще несколько минут. В общем, как и сказал уже – тянуть дальше нельзя.

У нас все готово. И схему мне Юра с Валерой начертили – подробнее уже некуда, чуть ли не все скрипящие половицы и ступеньки на лестнице обозначили. И экипировку привезли – не новый, но в отличном состоянии «гэбэшный» «Алтын» и армейский двенадцатикилограммовый «Корунд» камуфлированной расцветки, с воротом-стойкой и пристегивающейся паховой секцией почти по середины бедра. Бегать в таком – проблематично, но мне и не на стометровку в нем выходить. И старенький, но по уверениям майора – полностью исправный ПБ добыли. Я его даже слегка опробовать успел, отстреляв пару магазинов прямо на причале, в сторону воды. В бой с совершенно незнакомым оружием идти – это же совсем сумасшедшим быть нужно! Охрана портовая, правда, на уши чуть не встала. Особенно когда старший, тот самый, что вчера мой мешок лично опечатывал, меня с огнестрельным, да еще и специальным в руках увидал. Но ему майор быстро «политику партии» довел, тот проникся и с глупостями больше не лез.

Гольденцвайг-старший вызвал откуда-то прораба, что несколько лет назад в Костиной конторе ремонтом руководил. И тот, краснея

лицом и обильно потея, вспоминал, где толщина стен и перекрытий позволит аккуратно проделать отверстие и просунуть «шнурок» зонда.

Зонд, кстати, тоже Аркадий Давидович добыл. Правда, моя изначальная идея оказалась провальной – не те, как выяснилось, параметры у медицинского прибора, не та оптика. И медицинский эндоскоп нам не подошел совершенно. Но зато медики «тонко намекнули», что эндоскопы бывают еще и техническими. И в них камеры – куда ближе к обычным. Гольденцвайг-отец развил бурную деятельность и уже через пару часов у него в распоряжении был прибор из какого-то еще с прежних времен очень крутого ярославского автосервиса. Раздобыл-таки! Даже не в займы взял – выкупил. Уж чего отдал – денег мешок, или какие преференции по горючему или еще чему пообещал – не знаю. Но, по злым глазам судя, нажились на нем неслабо. А что делать, вот он – звериный оскал капитализма... Хорошо быть продавцом-монополистом и крайне фигово – у него же быть покупателем.

А сколько возни с этим самым эндоскопом было! Нет, сам прибор оказался вполне портативным – чемоданчик, размером, примерно с ящик для инструментов и гибкий жгут зонда… Вот только розетки для подключения под боком как-то не наблюдалось. Пришлось еще и аккумулятор автомобильный таскать. И переносить эту конструкцию несколько раз с места на место. Но это уже чуть позже.

Но зато я смог увидеть, что происходит внутри. Отверстия в перекрытиях в указанных прорабом местах крутил ручным коловоротом сам, никому не доверил. Очень медленно, очень тихо, после каждой пары-тройки оборотов сверла аккуратно выдувая стружку и деревянную труху – не дай бог насквозь продырявлю и оно вниз посыплется. Так же осторожно пропихивал вниз зонд. Да, качество «картинки» - просто омерзительное: не то, что лиц, особых подробностей одежды не разглядеть… Все же и размер у монитора – чуть больше почтовой открытки, и разрешение изображения… как бы помягче… словом, далеко не Эйч-Ди. Опознал только Костю, Штольца, Семеныча да Оксану. И то, исключительно потому, что все четверо – очень приметные. Бандитов определил исключительно по поведению и оружию в руках. Ладно, мне сейчас их «портреты» ни к чему. Кто из них где – знаю, мне достаточно.

Тот же прораб помог и со скрытным проникновением. Оказывается, чтобы весьма громоздкий бойлер нормально поместился в отведенном под него пространстве, между бойлерной со стороны черного хода и туалетом Костиного офиса на первом этаже – не полноценная стена, а оштукатуренные листы гипсокартона. И крепили их к каркасу, на мою удачу, не гвоздями, а саморезами. И снова – все сам. Аккуратно отскоблил штукатурку, крестовой отверткой вывинтил шурупы. Прямо сейчас только и осталось, что немного потянуть лист на себя и в сторонку отставить. И я буду уже внутри.

И вот сейчас – момент истины.

- Готов, - чуть слышно шепчу, прижав «бобышки» ларингофона к шее.

Рацией меня тоже местные полицейские обеспечили. Я, если честно, средства связи и озвучить не сообразил – отвык от них за столько-то лет. А вот начальник «уголовки» - сообразил, за что ему отдельное «спасибо» нечеловеческих размеров. Без радиосвязи координировать действия было бы на порядок сложнее.

- Начинаем, - чуть слышно шелестит в ответ в наушнике шлема.

Сейчас начальник полицейского управления начнем в хрипящий и немилосердно завывающий помехами «матюгальник» выяснять, какой именно наркоты желают «лысые» и согласовывать процесс доставки. Сомневаюсь, что главарь сам в ответ в форточку орать станет – одного из подручных своих отправит. Но вот суфлировать ему будет лично, укрывшись где-нибудь за безопасным простенком между окнами. А это значит что? Это значит – минус одна боевая единица – крикун, и серьезно отвлекшаяся от окружающего вторая – сам главарь. Да и остальные бандиты, думаю, на обсуждение такого животрепещущего вопроса, как скорое получение «дозы» - отвлекутся. А тут – я, весь такой внезапный.

Поддеваю край листа гипсокартона кончиком ножа, слегка поджимаю рукоять к стене. С тихим треском чуть не треть «стены» заваливается на меня. Отставив его в сторонку, чтоб не мешался, сначала зажимаю в левой ладони запасной магазин (чтоб времени при перезарядке не терять, менять, скорее всего, придется быстро), а затем пристраиваю на руке увесистый, несмотря на скромные размеры, щит. Еще два магазина – широким медицинским жгутом примотаны поверх рукава «горки» к левому же предплечью с внутренней стороны. По-

другому – не выходит, как ни прикидывал. Не получится с двенадцатикилограммовой «бэзэтэхой» на руке ни по подсумкам, ни по карманам шарить. Опустишь руку со щитом вниз – тут тебе и прилетит. Бронежилет – тоже не панацея. Поэтому все должно быть рядом, под рукой.

Даже сквозь плотно прикрытую дверь туалета отлично слышно сипение и хрипы полумертвого мегафона в руках подполковника. Вот слова разобрать уже куда сложнее. Зато свист и помехи – на всю округу слышны. Вот и отлично, пусть вслушиваются, сосредоточив все свое внимание на том, что на улице, а не на происходящем за спиной.

Приоткрыв дверь в холл, сразу же упираюсь взглядом (и сведенными уже мушкой и целиком) в спину контролирующего входную дверь бандита. Засел толково – от двери его выцелить практически невозможно – угол не тот, а вот ему – удобно. Вот только я-то – не с улицы.

ПБ в руке дважды лязгает сталью затвора, вверх, к потолку, тянется явственно видимая струйка темного дыма. Всем ПБ хорош, но коптит при стрельбе немилосердно! И еще клацанье металла… Сам выстрел он глушит качественно, но вот звук, издаваемый затвором… Куда его деть? Остается только надеяться, что речь, которую сейчас начальник Ярославского «околотка» толкает, бандитов интересует куда сильнее, чем не такое уж громкое металлическое лязганье в соседней комнате. Ну, и некоторая надежда на психологию: в такой обстановке раз не выстрел – значит и не опасно. Мало ли что там бренькать может?

Схлопотавший две пули промеж лопаток бандит бурдюком оплыл на пол, выронив из рук «укорот» с глушителем. Молча, лишь кровавая пена на губах пузырится до сих пор и тонкими струйками на крашеные доски стекает. Ну, да, с перебитым позвоночником и пробитыми легкими – не до воплей и даже не до хрипов.

Так, дальше - приемная, где нас вчера Оксана встречала. Там окопались еще двое бандитов и держат почти всех заложников, запертых в примыкающей к приемной переговорной. И кабинет Константина, в котором сейчас сам Кости, Оксана и старший из бандитов на пару с «крикуном», что с подполковником «конструктивный диалог» налаживают. Ну, по крайней мере, им так

кажется. Да бога ради, я и не против. Лишь бы при деле были, и на разные мелочи, вроде меня, маленького и незаметного, не отвлекались.

Дверь открывается наружу, в смысле – в мою сторону. Это не очень хорошо: открывалась бы внутрь – просто пнул бы ее несильно и ввалился на самой высокой скорости, на какую сейчас способен. Но – не выйдет. Собственно – вот поэтому в одиночку нормальные люди, а не такие кретины, как я, в помещениях и не работают. Был бы напарник – он мне дверь и открыл… А тут – все самому приходится. Поддев кончиком ствола пистолета дверную ручку – приоткрываю дверь, надеясь на то, что хоть на какое-то мгновение те, кто внутри, примут меня за своего засевшего перед входной дверью подельника, а потом подцепляю дверь носком ботинка и распахиваю.

Второй «лысый», пялившийся в сторону окна, где, по его мнению, происходит все интересное, тоже так ничего сообразить не успел. Та же «двойка» спину, точно в позвоночник и – минус два. А вот третий…

Третий, падла, оказался резким. Не знаю, что его насторожило: может не должен был первый к ним входить вообще, о чем имелась предварительная договоренность, может еще что… Но когда я развернул ствол в его сторону, мне в лицо уже смотрело недобрым бездонным зрачком дуло «Вала».

Зденг!!!

Сууукааа… Отсушенная до самого локтя левая рука обвисла плетью. А бандит удивленно замер, уставившись на свой автомат. Буквально на секунду замер, но мне хватило. Оставшиеся четыре пули – ему, по две в голову и в грудь.

Уже потом я сообразил, что остался жив благодаря двум чисто психологическим факторам. Первое – это древняя «традиция» спецподразделений – рисовать на штурмовых щитах большие красные круги. Чистой воды давление на психику: почти любой человек, не имеющий серьезной профессиональной подготовки, при внезапном появлении противника, чисто автоматически пальнет в это большое яркое пятно, а не, например, в куда хуже защищенную голову. Или вообще ничем не защищенное колено. Второе, и я об этом уже упоминал совсем недавно, ни в коем случае нельзя идти в бой с незнакомым оружием. А бандит этот «Вал» в руки взял явно совсем недавно. Ведь все знают, что «Вал» - автомат. И предохранитель у него – как у «калаша», разве что поменьше размером. И только те, кто

матчасть учил, знают, что у АК любой модели «флажок» предохранителя и переводчик огня – это одна и та же деталь. А вот у «Вала» - две разных. И у «лысого» переводчик стоял, похоже, в режиме одиночного огня. А тот надеялся на очередь – автомат ведь. И когда «Вал» громко «кашлянул» всего один раз, бандит растерялся – неужели заклинило? На мгновение замешкался. И умер…

Но вот теперь действовать нужно не просто быстро, а очень быстро. Элемент внезапности уже утерян безвозвратно. Выстрел «Вала», да еще и в закрытом помещении – с чем-то безобидным и безвредным не спутать. Да еще и звон удавившей в БЗТ пули… Роняю на пол теперь уже совершенно бесполезный щит – в левой руке я сейчас разве что ложку удержу, снаряженный магазин из ладони – и тот вот-вот вывалится. О грудную пластину бронежилета щелкаю фиксатором и сбрасываю опустевший магазин на пол. Почти ничего не чувствующей отбитой левой рукой вгоняю в пистолет новый, и снимаю оружие с затворной задержки. Я снова вооружен и смертельно опасен. Пошел!!!

Вот в Костин кабинет дверь открывается как надо. Потому – буцкаю ее ногой от всей души, как в молодости учили. Врываюсь в помещение под грохот приложившегося о стену дверного полотна, а сверху на меня оседает осыпающаяся с потолка побелка.

С «крикуном» мне вообще подфартило – неудобно на узком подоконнике с автоматом балансировать, потому он свой АКМ (и тоже с ПБС) на хозяйском письменном столе и оставил. А в момент моего, надеюсь, эффектного появления бедолага только и успел, что с подоконника спрыгнуть. И стоит уж больно удобно – прямо напротив двери. «Пора брать «языков», - мелькает в голове, когда палец, уже выбравший свободный ход, мягко дожимает спусковой крючок. Два выстрела практически сливаются в один. «Крикун» с истошным воем волчком крутится по полу. Понимаю его, пуля в колено – это очень больно, а уж когда пуль две – по одной на каждую из коленных чашечек. Блин, у него голосовые связки не порвутся? А то ведь еще допрашивать потом…

А вот главарь оказался сволочью матерой. Впрочем, я бы сильно удивился, увидев верховодящего бандой тюфяка и рохлю. Но этот – не только быстро соображающий, но еще и шустрый, даже слишком.

- Замер! Пистолет брось!!!

Обернувшись на голос, вижу бледное от ужаса лицо Оксаны. Последний «лысый» за ней, словно за щитом укрылся, де еще и из-под руки в нижнюю челюсть стволом тычет. И снова «Вал». Это где ж вы, падлы, так красиво прибарахлились?

- Брось ствол, сука!!! – не унимается бандит. – Или я ей башку снесу!!!

Ох, прости меня, девочка. Страху ты сейчас натерпишься… Но по-другому – нельзя. Иначе умрем оба. А так я постараюсь тебя спасти. Это только в американских боевиках главный герой в такой ситуации обязательно положил бы пистолет на пол, а потом героически превозмогал главного злодея голыми руками и приемами из разряда «больной на всю голову акробат». В реальности же, полицейский, бросивший в такой ситуации оружие, добьется только одного – умрет сам. Заложникам, скорее всего, тоже ничего хорошего не светит, но мертвому герою, валяющемуся в луже собственной крови на полу, оно будет уже глубоко фиолетово. Я – не в кино. И умирать не собираюсь.

- Да насрать! – рявкаю я в ответ. – Я ее второй раз в жизни вижу!

В комнате в подобия библейских соляных столбов превратились сразу трое: и обескураженный моим поведением бандит, и уже готовая в обморок рухнуть Оксана, и стоящий на коленях в углу, сложивший руки на затылке Константин.

- Мне на нее плевать! - гну свою линию я. – Я за своим баблом пришел, а не за ней! Свои деньги я вам не отдам!!!

- Какие деньги? – главарь «лысых», по голосу судя, явно растерялся.

- Мои деньги! – не прекращаю давить на него я. – И они только мои!!! Но с тобой мы еще можем разойтись по-хорошему. Я сейчас опущу пистолет…

После этих слов мой «макаров», и правда, пошел вниз. Бандит, решивший, что вот сейчас и пришло время наказать совершенно охреневшего в атаке меня, тоже роняет ствол «Вала», пытаясь взять меня на мушку. Вот только для него это – экспромт, а для меня – уже продуманная операция. Снова дважды лязгает сталь. Первая пуля – в стопу, а когда «лысого» от боли закрутило в сторону, и всякий интерес к заложнице он уже утратил, вторая – в правое плечо. «Вал» с

грохотом падает на пол. В комнате на разные голоса вопят уже двое. Все, отработал!

- Я закончил, заходите! И это, нас не постреляйте.

Надеюсь, сидящий «на том конце провода» майор меня понял правильно, и его архаровцы стрелять не будут. Все же не пацаны-желторотики, а взрослые и бывалые опера уголовного розыска…

А вообще… «Куй железо, не отходя от кассы» - так, кажется, говорил киношный злодей Лёлик?

Подхожу к глухо подвывающему главарю.

- Кто вам заплатил?

- Да пошел ты! – «лысый» явно пытается сохранить остатки гонора.

- Ну, как знаешь, - равнодушно пожав плечами, я наступаю на размозженную пулей ступню и переношу весь свой вес на ногу. – Кто?! Вам?! Заплатил?!!

От его воя сейчас не то, что мои барабанные перепонки – стекла в окнах лопнут.

- Кто?!!!!!

- Колыван, - чуть слышно скулит мгновенно спекшийся бандит. – Колыван это, сукой буду!

Какое интересное прозвище! И как оно похоже на совсем недавно услышанную мною фамилию… А вообще – нормально так пазл складывается: кто-то хочет подвинуть Костю с выгодного бизнеса… Организует нападение по пути следования его баржи… Не срослось. Уже новая засада, явно организованная в серьезной спешке, не зря ж нас в Емве задержали. И снова – облом. Костя возвращается в Ярославль. И практически в ту же минуту – нападение на отдаленный торговый пост. Здешняя спецура спешно убывает к месту происшествия. Еще бы – уважаемого в городе человека бандиты обидеть пытаются! Триста километров – дорога дальняя, когда теперь вернутся? И уже на утро – шестеро бродяг с Пустошей, но при очень редком и дорогом даже в куда более цивилизованных местах оружии, нападают на Костину контору. Причем, изначально захват заложников задачей явно не был. Должны были пострелять всех по-тихому, оттого и «глушаки» у них поголовно. Но один из охранников успевает нашуметь, а Валера на улице – подхватывает… Теперь уже убивать Костю и прочих – резона нет. Они для бандитов – живой щит и билет

на волю. И все могло бы срастись. Везде отработали «люди не из нашего района». Да и пальба у фактории, скорее всего, настоящая, другое дело – кем именно организованная… Но все испортил один пришлый бывший старший оперуполномоченный СОБР, то есть я. И какой из этого вывод? А вывод простой – пора мне отсюда назад, в Никольск, причем срочно. Докажут Костя на пару с отцом и местный уголовный розыск вину Колыванова – это еще бабушка надвое сказала… Хотя – два живых свидетеля – это два свидетеля. Но вот мне, все планы уважаемого человека порушившему, в славном городе Ярославле пока ловить точно нечего. Ну, как минимум до того момента, пока Колыванов в «верхнюю тундру» не переедет. Сомневаюсь я, что тут большие сроки тюремного заключения в ходу, виселица или пуля – дешевле. А вот если не выгорит у Гольденцвайгов, так и вовсе мне тут лучше не появляться.

- Ты все услышал? Все понял? – поворачиваюсь я к Косте, уже успевшему подобрать и «Вал» главаря, и АКМ «крикуна», а сейчас пытавшегося успокоить рыдающую Оксану.

- Да, - только и успевает ответить он до того, как в комнате враз становится очень тесно и многолюдно.

У выходящего на набережную Волги окна старого, пережившего все три Мировые войны, двухэтажного дома стояли два человека. И не просто стояли, а провожали взглядами уходящего в сторону порта третьего. Первый – молодой, рослый и широкоплечий мужчина, с легкой, так нравящейся девушкам, «мачистской» щетиной и собранными в аккуратный хвост длинными, чуть вьющимися черными волосами, наконец, не выдержал затянувшейся паузы.

- И все равно, Алексей Семеныч, я его не понимаю! Почему он не остался? – в голосе молодого мужчины слышна нешуточная обида. – Неужели он мне не поверил? Я ж в Городском Совете – не последний человек. А учитывая обстоятельства – и отец бы его кандидатуру поддержал. Добились бы мы разрешения включить его в нашу охрану, хоть он и чужак. Да, в порядке серьезного исключения… Но так и происшествие было – тоже исключительное. И деньгами не обидел бы. За такие умения хорошо заплатить – не грех. И с парнями у него отношения сложились – на удивление. Валера с Юркой за Александра вообще – горой. И это при том, что Валера на должность пулеметчика

сам нацеливался. А тут – готов был уступить, добровольно… Так чего ему не хватало? Почему ушел?

Собеседник молодого, но уже известного своей удачливостью и торговыми талантами ярославского купца Константина Гольденцвайга был ему почти полной противоположностью. Невысокий, в годах, морщинистый и седой, с руками, почерневшими от намертво въевшихся в кожу моторного масла, солярки и еще бог знает чего. Он задумчиво огладил свою короткую, но какую-то всклокоченную шевелюру мозолистой пятерней, пожевал губами и довольно издалека начал.

- Знаешь, Константин… Когда я был даже моложе тебя, в советские времена еще… хотя, ты их и не застал совсем… В общем, времена были не такие циничные и люди – куда проще… Короче, присловье было одно, вот как раз про таких как он, - пожилой судовой механик мотнул головой в направлении, куда удалился их недавний собеседник. – «Перед таким знамя нести нужно». Понимаешь?

Внимательно приглядевшись к Константину, старик понял, что без пояснений все же не обойтись и глубоко вздохнул, на несколько секунд задумавшись.

- Ну, как бы тебе это объяснить попонятнее? Тогда люди в массе немного другие были – честнее, что ли, более открытые, на поступок способные. Просто, без поиска выгоды для себя лично, а потому что так – правильно. А те, про кого присловье придумали, они даже на общем фоне выделялись заметно. Такие, знаешь… самые правильные. Те, для которых самое главное – справедливость. И Цель. Именно так, с большой буквы… Ты вот фотографию «Политрук» видел?

Гольденцвайг, явно уже ухвативший основную мысль старика, лишь кивнул.

- Вот как раз про таких. Кто мог первым под огнем встать. За ним следом на врага в атаку пойти могли многие, а вот именно чтобы первым встать и остальных за собой повести – тут особый характер нужен. Так вот, сдается мне, что Александр – он как раз из таких. Ему справедливость дороже любой выгоды. И Цель ему нужна. Именно такая, что с заглавной буквы, настоящая, большая. А без цели он в этой жизни – словно потерялся. Работает, чтоб были деньги на еду, ест - чтоб были силы работать… Существование есть, а устремлений – нет.

Константин своего собеседника уже понял, но прерывать монолог старого механика не спешит. Семеныч повидал и пережил немало, и умом обладал светлым. Такого послушать – не зазорно. И не просто послушать, а обдумать и выводы сделать. А тот продолжал.

- Мы когда с ним встретились – у него ведь совсем дела плохи были. Я ж на базаре парой слов перекинулся с теми обозниками, которых он в Никольск с каких-то тамошних Зажопинских Выселок привел. Болел он долго и серьезно, почти всю зиму и часть весны, все запасы проел. Деревенские уже думали – все, еще чуть-чуть и последнее продаст, даже на автомат его покупатель заранее имелся. А он как оправился - сразу на банду грабителей с Пустошей заказ взял, не раздумывая. Хотя у самого в магазине едва десяток патронов был…

Купец лишь присвистнул удивленно. Нет, своему старому деловому партнеру из Никольска он доверял – не один год дела вели. И в том, что если Павлов человека как специалиста в своем деле отрекомендовал – то значит, так оно и есть. Да и сам успел позже лично убедиться. Но вот чтобы так…

- И ведь выполнил заказ-то. Все честь по чести. Вернулся и с трофеями, и с ушами резанными. К тому же, и ты, и я об одном Франте из «хэдхантеров» слыхали, и не раз. И про Чухлому, и про то, кто и как там с будущими «князьями» договор заключал…

И снова Гольденцвайгу остается лишь согласиться. Вряд ли среди вологодских охотников за головами имеется сразу два Франта. А значит, все, что они слышали – как раз о нем, Татаринове Александре Александровиче.

- Но ведь к нам в охрану он все же подрядился. Да и обоз тот хуторской до Никольска довел. А что они там везли – творог да мясо копченое? Что-то не шибко на Цель похоже.

- Не похоже, - согласился Семеныч. – Только лопать-то и самым идейным хочется, а он – как раз конкретно «на мели» был. Что там тех денег, что ему за сопровождение обоза накинули? Но, сдается мне, на какую-нибудь гнусь Сан Саныч даже с голоду умирая, не согласился бы. А тут – что зазорного? В обоих случаях – людям помог. От возможных опасностей защищать готов был. В нашем случае – так и защитил, давай самим себе врать не будем. Без него на «крупняке» - не факт, что отбились бы, ой, не факт, даже если б Григорий, царствие ему небесное, жив был.

Вспомнив двойную засаду, Константин снова лишь согласно кивнул.

- То, что здесь у нас произошло, - механик слегка щекой дернул, да легонько прикоснулся к отбитым ребрам, - так это для него, бывшего офицера СОБР, вообще на уровне рефлексов. Тот факт, что террористов нужно уничтожать, а заложников - освобождать, это для него аксиома, подтверждений и доказательств не требующая. И ладно б тут только мы были… Так ведь еще и Оксана… В общем, и здесь – доброе дело, защита слабых и восстановление справедливости. А вот дальше… Что ты ему предложил? В разборках между двумя уважаемыми в городе купцами поучаствовать? Которые рынок не поделили? Где тут доброе дело, где восстановление справедливости? Ты б его еще на захват конторы Колыванова и факторий его подписать попытался, на этот, как его… «рейдерский»…

Возразить купцу нечего. Разборки между двумя деловыми людьми за право выгодно торговать ценным и дефицитным товаром, пусть и зашедшие так далеко – и, правда, ни на восстановление справедливости, ни на Цель как-то не тянут. Особенно если вспомнить, какими именно методами семь лет назад это самое право, да и все прочие права, теперешними главами Городского Совета получены были. Натуральный «Чикаго тридцатых» в древнем городе Ярославле творился, пополам с «лихими девяностыми». Гордиться, вспоминая те времена, нужно признать - особо нечем…

- И все же – жаль, - вздыхает он. – Александр – солдат отличный.

- Отличный, - согласился Семеныч. – Отважный, умелый, умный, а главное – в душе правильный… Вот только пока не знающий, под каким знаменем в бой идти. И я искренне надеюсь, что он все же найдет знамя, достойное того, чтобы он под ним встал.

Конец первой книги.

Глоссарий

Ботулизм – крайне тяжелая разновидность пищевого отравления«Лупара» - обрез двуствольного охотничьего ружья, изначально использовавшийся сицилийскими пастухами для защиты от волков. Судя по книгам и фильмом - оружие нежно любимое «торпедами» итальянской мафии. РД – ранец десантный. В данном случае – РД-54.«Личка» - личная охрана.Управление «В» ЦСН ФСБ России, в прошлом – группа спецназа «Вымпел» КГБ СССР, а позже – ФСБ России.ACU- Army Combat Uniform, полевая форма армии США.Ясак - натуральная подать, которой в царской России облагались нерусские народы, занимавшиеся охотничьим промыслом, в переносном смысле – взятка.Ушкуйник - вольный человек, входивший в вооружённую дружину, снаряжавшуюся новгородскими купцами и боярами, и занимавшуюся торговым промыслом и набегами на Волге и Каме в XI—XV веках.Ушкуй - используемое на Руси парусно-гребное судно XI—XV веков. Длина ушкуя составляла 12-14 метров, ширина 2,5 метра. Высота борта около 1 метра и осадка до 60 см. Вместимость до 30 человек. Кобальтовая бомба - теоретическая модификация ядерного оружия, дающая сильное радиоактивное заражение местности даже при сравнительно слабом ядерном взрыве. Официально считается, что кобальтовых бомб ещё не создавали, и ни у одной страны на вооружении их нет, но – это официально… «Камыш» - рисунок камуфляжа спецподразделений МВД России. Бывает «синим» - городской, и «зеленым» - полевой варианты.«Березка», «Партизан» - названия камуфляжной расцветки маскхалатов. ССО – Силы специальных операций Вооруженных сил Российской Федерации. A-TACS FG (Foliage/Green) – американский камуфляж под лесную местность. «Гэпешка» - подствольные гранатометы ГП-25 «Костер» и ГП-30 «Обувка». Чтобы вступить в рукопашный бой, боец Спецназа должен:1) Про…любить на поле боя автомат, пистолет, нож, поясной ремень, лопатку, бронежилет, каску.2) Найти ровную площадку, на которой не валяется ни одного камня или палки.3) Найти на ней такого же раззвиздяя с противоположной стороны.И только после этого, вступить с ним в рукопашную схватку. ЧВК – частная

военная компания, коммерческое предприятие, предлагающее специализированные услуги, связанные с охраной, защитой (обороной) кого-либо и чего-либо, нередко с участием в военных конфликтах. «Бастион» - ОМОН ГУ МВД по городу Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Российский камуфляж нового образца, так называемая «цифровая флора». На самом деле никакого отношения к модельеру Валентину Юдашкину не имеет, но армейский фольклор – штука живучая. КАД – кольцевая автомобильная дорога вокруг Санкт-Петербурга. ДОС – дом офицерского состава. Жилые дома для семей офицеров, расположены, обычно, либо на территории воинской части, либо в непосредственной близости от нее. Оперативно-служебные задачи – задачи, выполняемые сотрудником МВД для обеспечения общественного порядка, служебно-боевые – задачи, выполняемые им же в зоне военного конфликта. Если совсем упрощенно – задачи мирного и военного времени. РВП – расчетное время прибытия. «Гаврила» (полицейский сленг) – пуленепробиваемый штурмовой щит «Забор-М». Весит 41 кг и обеспечивает защиту от автоматных пуль калибра 5,45 и 7,62 мм. Из-за большого веса «Забор-М» не просто носят в руках, он прочно монтируется на груди сотрудника спецподразделения при помощи особых креплений. «Щитовой» - сотрудник спецподразделения, несущий на себе во время штурма здания специальный пуленепробиваемый щит и прикрывающий им остальную штурмовую группу. ВВ – взрывчатые вещества. От искаженного латинского выражения «O tempora! O mores!» - «О времена! О нравы!». От английского misunderstanding– недопонимание, недоразумение. «Черная смерть» - эпидемия бубонной чумы, которая за 7 лет (с 1346 по 1353 год) унесла жизни порядка половины населения средневековой Европы. Мотовоз – дизельный локомотив небольшой мощности для маневровых и вспомогательных работ на магистральных, подъездных и других железнодорожных путях. Люмен - единица измерения светового потока. «Урал»-«Звезда» - грузовой бронеавтомобиль «Урал»-4320 «Звезда-В». Предназначен для перевозки личного состава в зоне боевых действий. MRAP (от англ. Mine resistant ambush protected — защищённый от подрыва и атак из засад) — колесный бронеавтомобиль (обычно – на базе грузовика) с усиленной противоминной защитой. Встретились на узкой дорожке три богатыря и три мушкетера. Илья Муромец случайно Атоса плечом

задел, тот с лошади своей упал, обиделся. Догнал богатырей, кинул Илье в лицо перчатку и на нагруднике кольчуги мелом нарисовал крестик. Илья в недоумении, просит Алешу Поповича, как самого грамотного, объяснить – что вообще произошло.

- Ну, Илюш, когда он тебе варежкой в рожу швырнул, это, значит, на бой он тебя вызывает. А крестик мелом, мол, вот сюда он тебя зубочисткой своей и проткнет…

- Ааа… Понял. Алеш, догони его, высыпь на дебила мешок мела и палицу мою приготовь…

СЭЗ – Свободная экономическая зона. СПП – Снайперский пулеметный прицел, оптический прицел для пулеметов НСВ «Утес» и «Корд». Склад РАВ – склад ракетно-артиллеристского вооружения. Несмотря на суровое название, на этих складах в Российской армии хранится и самое обычное стрелковое оружие, и боеприпасы к нему, а также оружейный ЗИП. Билл Дьюк – американский киноактер, в фильме «Хищник» играл роль сержанта Мака Фергюсона. ВОГ-25 – выстрел гранатометный осколочный. Осколочная 40-мм граната, предназначенная для подствольных гранатометов ГП-25 «Костер» и ГП-30 «Обувка», а также ручного гранатомета РГ-6 (он же 6Г30). Подствольный 40-мм гранатомет ГП-25 «Костер». «Сомоса – сукин сын, но он наш сукин сын» - фраза, приписываемая Франклину Рузвельту. Именно так он якобы отозвался о никарагуанском диктаторе Анастасио Гарсиа Сомосе. Несмотря на серьезные отличия в служебных обязанностях, должности у сотрудников СОБР МВД России такие же, как и, например, в уголовном розыске – оперуполномоченный, старший оперуполномоченный, старший оперуполномоченный по особо важным делам. Абсолютно реальная фраза, подсмотренная автором в одном из питерских «общепитов» на Невском проспекте в июле 2016 года. «Сани» - буксируемый миномет калибра 120 миллиметров. «Саушка» - САУ, самоходная артиллерийская установка. «Двести пьяная» - шуточное название 201-й российской военной базы в Таджикистане. «Угрожаемый период» - отрезок времени, который обычно предшествует началу войны. «Корова» - вертолет Ми-26, самый большой транспортный вертолет в мире. ВПП – взлетно-посадочная полоса. «Легенда» - нанесенная на карту оперативная обстановка. «Айни» - крупная база ВВС в пригородах Душанбе. ППД – пункт постоянной дислокации.

Официальной причиной смерти императора России Павла I во время мятежа гвардии был назван апоплексический удар. Учитывая обстоятельства, придворные острословы добавляли – табакеркой. Словом, убили императора, «ударом тяжелого тупого предмета по голове». РЭБ – радио-электронная борьба. Армейские специалисты по связи. Большей частью по тому, как вражескую заглушить или запеленговать, но и свою наладить тоже могут запросто. Кирилл Мазур – морской диверсант, персонаж книг цикла «Пиранья» Александра Бушкова. Даты возникновения этого армейского суеверия сильно разнятся: от советско-финской «зимней войны» 1940-го года, чуть ли не до англо-бурской. Но вот в «расшифровке» ее все сходятся: свет зажженной спички в ночной темноте виден очень далеко и отчетливо. Хорошему стрелку для того, чтобы прицелиться, прикинуть поправки на расстояние и ветер и спустить курок требуется примерно 5-6 секунд. Где-то столько же продолжается прикуривание втроем от одной спички по кругу. По первому прикуривающему вражеский снайпер берет прицел, по второму – делает поправки, а третий – получает пулю в голову. ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности (она же «Ташкентский договор» или «Ташкентский пакт»), региональная военно-политическая организация, в которую входят Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения, Киргизия и Таджикистан. Ранее в ее состав входили также Азербайджан, Грузия и Узбекистан. Марксман – он же пехотный снайпер, специалист по точной стрельбе, меткий стрелок на малой и средней дистанциях, не являющийся тем не менее полноценным снайпером. «Восемь на тридцать» - армейский полевой бинокль Б 8х30, производившийся в Советском Союзе. «Подкидыш» - ВОГ-25П, осколочный выстрел для подствольного гранатомета ГП-25 или ГП-30. Особенность его в том, что при попадании в цель или ударе о землю, данный выстрел сначала подпрыгивает на высоты 1-1,5 м., и только потом взрывается, за счет чего наносит несколько больший урон, чем обычный выстрел ВОГ-25. «Костер» - подствольный гранатомет ГП-25. ПТУР – противотанковая управляемая ракета. РОП-30 – реактивный осветительный патрон, 30-мм осветительная ракета, состоящая на вооружении Российской армии. Неписанная традиция в армии и прочих силовых структурах: при обращении младшего по званию к подполковнику, которого обращающийся уважает, приставка

«под-» - опускается. Фактория - торговое поселение, торговый пост в отдаленных районах. «Ханка» (уголовный жаргон) – наркотики, обычно – опиаты. БЗТ – БЗТ-75С, небольшой штурмовой щит трапециевидной формы. ПСС – Пистолет самозарядный специальный, малогабаритный пистолет калибра 7,62-мм, обеспечивающий бесшумную и беспламенную стрельбу на дистанции до 50 метров. От аналогичных образцов отличается очень небольшими габаритами, однако имеет магазин всего на 6 патронов. АПБ – Автоматический пистолет бесшумный, бесшумный (вернее – малошумный) вариант пистолета АПС. ПБ -Пистолет бесшумный, внешне очень похожий на пистолет Макарова 9-мм малошумный пистолет. Труба разведчика – серия армейских наблюдательных приборов (ТР-4, ТР-8), представляющих собой небольшой перископ, предназначенный для скрытного ведения наблюдения из окопа или из-за укрытия.